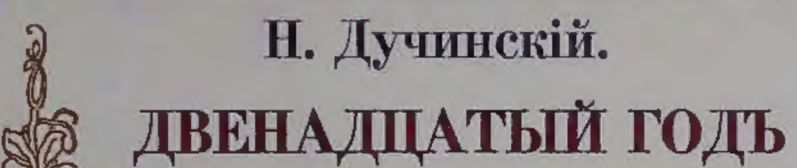
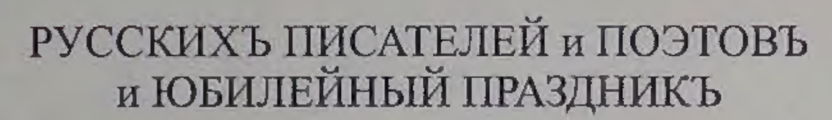
Н. Дучинскій.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ и ПОЭТОВЪ и ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ 1812 ГОДА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. - 1912.

119104
Ценный
фонд

Н. ДУЧИНСКІЙ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВЪ

И ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ПАМЯТЬ 1812 ГОДА.

Цѣна 25 коп.

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскаго Вѣстника".

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

СОДЕРЖАНIЕ.

Стр.

1. Предисловіе. Н. Дучинскій 3
2. Сто лѣтъ назадъ. М. Загоскинъ 6
3. Два великана. М. Лермонтовъ. 7
4. Ожиданіе французовъ. (Историческая пѣсня) . 7
5. Переходъ черезъ Нѣманъ. Полонскій 7
6. Переправа черезъ Нѣманъ. Ѳ. Тютчевъ 8
7. Простой народъ о Наполеонѣ. Д. Л. Мордовцевъ 8
8. Наполеонъ. Ѳ. Тютчевъ 9
9. Высочайшій приказъ 13 іюня 9
10. Высочайшій рескриптъ. 10
11. Воззваніе къ жителямъ Москвы 10
12. Высочайшій манифестъ 11
13. Александръ I въ Москвѣ. Гр. Л. Толстой . . . 12
14. Пѣсня ратниковъ ополченія. (Военная пѣсня) . 13
15. Полководецъ (М. Б. Барклай-де-Толли). Пушкинъ 14
16. Энгельгардтъ и Шубинъ. Глинка 15
17. За вѣру и царя. Пушкинъ 15
18. Солдатская пѣсня. Глинка 15
19. Отъ Нѣмана до Смоленска. Г. П. Михайловскій-Данилевскій 16
20. Народный вождь. Глинка 17
21. Кутузову. Державинъ 18
22. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ. Гр. Л. Толстой. 18
23. Бородино. М. Лермонтовъ 19
24. Великій день Бородина. Глинка 20
25. Конецъ Бородинскаго боя. Г. Михайловскій-...

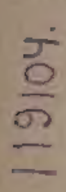
Стр.

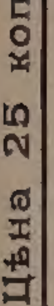
55. Партизаны. Гр. Л. Толстой 51
56. Народная война. М. Загоскинъ 53
57. Нашъ первый успѣхъ. Богдановичъ 57
58. „Спасена Россія". Гр. Л. Толстой 60
59. Площадь у Никольскихъ воротъ. М. Дмитріевъ. 61
60. Французы въ Москвѣ. Н. Языковъ 61
61. Малоярославецъ и Вязьма. Глинка 62
62. Роковая минута. В. Глинка 63
63. Наполеонъ въ Гроднѣ. В. Глинка 65
64. Подъ Краснымъ. Г. Михайловскій-Данилевскій . 68
65. Обозъ. И. Крыловъ 70
66. Красный. Глинка 70
67. Въ Борисовѣ. Глинка 72
68. Сказаніе о 1812 годѣ. Майковъ 73
69. Щука и котъ. И. Крыловъ. 74
70. Бѣгство Наполеона. Г. Михайловскій-Данилевскій 74
71. И давно ль было. И. Никитинъ 77
72. 25 декабря 1812 года. Бутовскій. 77
73. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ. Батюшковъ 78
74. Къ тѣни полководца. Пушкинъ 78
75. Отставной солдатъ. Дельвигъ 78
76. Донъ. Розенгеймъ 80
77. Денису Васильевичу Давыдову. Языковъ . . . 80
78. Гренадеры. Михайловъ 81
79. Наполеонъ. Хомяковъ 81
...ндра изъ
. 81
. 82
. 83
. 84
...й войны . 85
. 85
. 86
...щенія . . 87
...иллюстр. . 88
. 88
...ественной
. 89
. 91
. 91
. 91
. 91
. 91
...къ 92
...ныхъ чи-
. 92
. 92
...тію Оте-
. 93
. 94
...со свѣто-
. . . . . . Обл.
...произве-
...войны . . Обл.
...ъ чинамъ
. 95

Н. Дучинскій.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ и ПОЭТОВЪ и ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ПАМЯТЬ 1812 ГОДА.

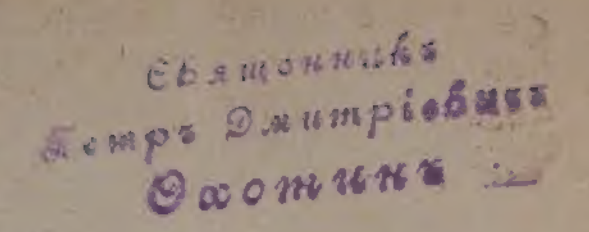

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1912.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“

Т-ВО И. Д. СЫТИНА
МОСКВА
У ИЛЬИНСКИХЪ ВОРОТЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отечественная война 1812 года составляетъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ нашей исторіи.

Тогда на защиту Родины отъ нашествія величайшаго полководца Наполеона и его 600-тысячной арміи возсталъ весь русскій народъ. Воевала не одна армія, а все населеніе—безъ различія сословій, состояній, пола и возраста. Въ борьбѣ принимали участіе—дворяне, купцы, мѣщане, духовенство, крестьяне и взрослые, и подростки, и даже женщины.

Народъ жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія Родной Земли.

Много храбрыхъ положило свою жизнь за Родину. Но «за всѣхъ славно павшихъ, по словамъ поэта:

Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую,
Матушку-Москву Родную!"

И Господь внялъ молитвѣ народной, принялъ жертву нашу. Въ пожарѣ московскомъ сгорѣла слава Наполеона. Великій завоеватель бѣжалъ изъ Первопрестольной столицы. Бѣжалъ онъ и изъ Русской земли, подъ грознымъ напоромъ славнаго нашего воинства и всего русскаго народа.

Народною дланью Русь спасена.
Мы вѣрить привыкли съизмала,
Что тѣмъ-то была и права, и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала.

Нынѣ вся Россія торжественно празднуетъ столѣтіе «священной памяти Двѣнадцатаго Года».

На поляхъ Бородинскихъ будутъ сосредоточены главныя торжества. Но, въ то же время каждый городъ и деревня, каждая воинская часть, каждое учебное заведеніе, школа, приходъ, общественныя организаціи,—всѣ посильно ознаменуютъ чествованіе незабвенной эпохи.

Главныя торжества падаютъ на бородинскіе дни: 25 и 26 августа.

Но несомнѣнно, во многихъ мѣстахъ постараются вспомнить о славныхъ событіяхъ Отечественной войны, рядомъ съ 25—26 августа, и въ другіе памятные дни 12-го года:

6 октября—первая наша побѣда надъ французами подъ Тарутинымъ.

7 октября—оставленіе Наполеономъ Москвы.

12 октября—славный бой подъ Малоярославцемъ, заставившій Наполеона двинуться на старую разоренную Смоленскую дорогу.

22 октября—сраженіе при Вязьмѣ.

4, 5 и 6 ноября—великіе бои подъ Краснымъ.
24 ноября—Наполеонъ оставилъ армію.
28 ноября—наши войска вступили въ Вильну.
2 декабря—Платовъ подъ Ковно.
11 декабря—прибытіе Императора Александра I въ Вильну.
15 декабря—ни одного вооруженнаго врага не осталось въ Россіи.
25 декабря—ежегодное празднованіе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Наша книжка является вспомогательнымъ руководствомъ для устройства юбилейныхъ празднествъ.

Здѣсь мы собрали отрывки изъ главнѣйшихъ произведеній русскихъ писателей и стихотворенія, посвященныя великой Отечественной войнѣ.

Конечно, вмѣстить въ небольшой книжкѣ все, что имѣется у нашихъ поэтовъ и писателей о 12 годѣ, не было никакой возможности: это увеличило бы объемъ книжки, что повлекло бы за собой и повышеніе продажной цѣны ея.

Въ особомъ прибавленіи мы помѣщаемъ примѣрныя программы юбилейныхъ празднествъ.

Здѣсь же дадимъ объ этомъ общія указанія.

Въ помѣщеніи, гдѣ будетъ происходить торжество (актовой, классной комнатѣ и т. п.), нужно поставить на видномъ мѣстѣ бюстъ Императора Александра I, или портретъ его. Портретъ можно украсить гирляндами, цвѣтами, флагами, лентами (гирлянды легко сплести изъ вѣтокъ, флаги сдѣлать изъ цвѣтной бумаги или сшить изъ дешевой матеріи).

Подъ портретомъ на большомъ листѣ бѣлой бумаги или на папкѣ нарисовать крупными буквами:

«Не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ».

Вокругъ портрета Александра I можно развѣсить портреты главныхъ героевъ 12-го года: Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратіона, Дохтурова, Милорадовича, Платова, Витгенштейна, Кульнева, Коновницына, Раевскаго, Невѣровскаго, Фигнера, Давыдова, Сеславина (о портретахъ смотри въ прибавленіи).

По стѣнамъ можно развѣсить слѣдующія изреченія:

«Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина».

«Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

«Мы всѣ въ одну сольемся душу».

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему».

«Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ».

«Воины, вы защищаете Вѣру, Отечество, Свободу».

«На зачинающаго—Богъ».

«Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина».

«Славься битвой исполинской,
Славься въ вѣкъ, Бородино».

«Ты, какъ мученикъ горѣла,
Бѣлокаменная».

«И лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь.
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ».

«Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову».

«Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ».

Н. Дучинскій.

Сто лѣтъ назадъ.

Двѣсти лѣтъ царство русское отдыхало отъ прежнихъ своихъ бѣдствій; двѣсти лѣтъ мирный поселянинъ не мѣнялъ сохи своей на оружіе. Россія, подъ самодержавнымъ правленіемъ потомковъ Великаго Петра, возрастала въ силѣ и могуществѣ; южный вѣтеръ лелѣялъ русскихъ орловъ на берегахъ Дуная; наши волжскія пѣсни раздавались въ древней Скандинавіи, среди цвѣтущихъ полей Италіи и на вершинахъ Сенъ-Готарда сверкали русскіе штыки. Мы пожинали лавры въ странахъ иноплеменныхъ, но болѣе столѣтія ни одинъ вооруженный врагъ не смѣлъ переступить за границу нашего отечества.

И вдругъ раздался громъ оружія на западѣ Россіи, и прежде чѣмъ слухъ объ этомъ долетѣлъ до отдаленныхъ ея областей, древній Смоленскъ былъ уже во власти Наполеона.

Случалось ли вамъ, проснувшись въ полночь, прислушиваться недовѣрчиво къ глухимъ раскатамъ отдаленнаго грома, и, видя надъ собой свѣтлое небо, усѣянное звѣздами, засыпать снова съ утѣшительною мыслію, что вамъ послышалось, что это—не гроза, а воетъ вѣтеръ въ сосѣдней дубравѣ? Точно то же было съ большею частью русскихъ.

— Французы въ Россіи!.. Нѣтъ, это невозможно! Это пустые слухи!..— говорили жители низовыхъ городовъ, и на минуту встревоженные симъ грознымъ извѣстіемъ, обращались спокойно къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ.

Но слова того, кто одинъ могъ возбудить отъ сна дремлющую Россію, пронеслись отъ береговъ Вислы во всѣ края обширной его имперіи.

— Такъ, французы въ Россіи! Я не положу оружія,—сказалъ Онъ,— доколѣ ни единаго непріятеля не останется въ царствѣ Моемъ...—И милліоны устъ повторили слова царя русскаго.

Онъ воззвалъ къ вѣрному своему народу: «Да встрѣтитъ врагъ,—вѣщалъ Александръ,—въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго; въ каждомъ духовномъ—Палицына; въ каждомъ гражданинѣ — Минина...» Всѣ русскіе устремились къ оружію.

— Война!—воскликнулъ весь народъ, и потомки безстрашныхъ славянъ, какъ на брачное веселье, потекли на этотъ кровавый пиръ всей Европы.

О, какъ великъ, какъ благороденъ былъ этотъ общій энтузіазмъ народа русскаго! Въ какомъ обширномъ объемѣ повторилось то, что два вѣка тому назадъ извлекало слезы умиленія и восторга изъ глазъ всѣхъ жителей нижегородскихъ. Не малочисленный врагъ былъ въ сердцѣ Россіи; не граждане одного города поклялись умереть за свободу своей родины;—нѣтъ! Первый полководецъ нашего времени, влача за собой силы почти всей Европы, шелъ, по собственнымъ словамъ его, *раздавить* Россію. Но двѣсти лѣтъ назадъ отечество наше, раздираемое междоусобіемъ,

безмолвно преклоняло сиротствующую главу подъ ярмомъ иноплеменныхъ, а теперь безчисленные голоса отозвались на мощный голосъ Помазанника Божія; всѣ желанія, всѣ помышленія слились съ его волею. Русскіе возстали, и приговоръ Всевышняго свершился надъ этой главой, обремененной лаврами и проклятіями вселенной. Могучій, непобѣдимый, онъ ступилъ на Землю Русскую—и уже могила его была назначена на уединенной скалѣ безбрежнаго океана.

М. Загоскинъ.

Два великана.

(Императоръ Александръ I и Наполеонъ).

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою—
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Лермонтовъ.

Ожиданіе французовъ.

(Историческая пѣсня).

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.
Французскій король царю Бѣлому отсылается:
„Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ ровно сорокъ тысячъ,
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки“.
На это нашъ Православный Царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилася [1]).
Передъ нимъ стоялъ генералушка-самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
„Не пужайся ты, нашъ батюшка, Православный Царь!
„А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
„Середи пути, на своей земли,
„А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
„А мы скатерти ему постелимъ—вольны пули,
„На закусочку поставимъ каленыхъ картечь;
„Угощать его будутъ канонерушки,
„Провожать его будутъ все казачушки“.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

(12 іюня 1812 г.).

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны [2]); работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.
Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ, далеко раздается: „Vivat!“
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?
Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ
Съ подзорной трубою въ рукѣ.
Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ:
За Нѣманомъ туча встаетъ...
И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему въ то же время,—сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...
И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ!“
„Впередъ!“ говорятъ ему слава и геній.—

---

[1]) Измѣнился въ лицѣ.
[2]) Разборныя лодки, служащія для постройки военныхъ мостовъ.

„Впередъ, императоръ! Впередъ!"
И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

- Полонскій.

Переправа черезъ Нѣманъ.

(12 іюня 1812 г.).

Ты ль это Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ по волѣ Бога
Ты супостата къ ней пустилъ.
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.
Ты помнишь ли былое, Нѣманъ,—
Тотъ день годины роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ,—могучій южный демонъ,—
И ты, какъ нынѣ, протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами?
Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,—
И съ высоты, какъ нѣкій Богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣхъ и все стерегъ
Очами чудными своими.
Лишь одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ другой,—стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать—
Все грозно боевыя лица,
И неизбѣжная десница
Клала на нихъ свою печать.
И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.
И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И, вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
„Да сбудутся ея судьбы!.."

Ѳ. Тютчевъ.

Простой народъ о Наполеонѣ.

Ирина прислушалась—голоса знакомые. Да это лакей Яковъ съ лавочникомъ спорятъ... О чемъ это они? Кажется, о Наполеонѣ...

— Эхъ ты, мужикъ необразованный,—говоритъ Яковъ:—антихристъ!.. Какой онъ антихристъ?

— Вѣстимо, антихристъ: такъ люди говорятъ, и въ писаніи такъ писано...

— Писано... Мѣломъ въ трубѣ писано.

— Какъ тамъ ни писано, а писано... Умные люди сказываютъ,—настаиваетъ лавочникъ.

— Умные люди! Что ты умныхъ людей съ огурцами, что ли, на рынкѣ купилъ?—осаживаетъ его Яшка.

— А кто жъ онъ по-вашему, по-лакейскому? Скажи!

— Онъ выдра—вотъ кто!

— Какая выдра!

— Ну, выдра, одно слово, и понимай, какъ знаешь...

— Выдра—звѣрь, дѣло знамое.

— Знамое, да не совсѣмъ... А господа вотъ что читали въ книгахъ: у нихъ, у французовъ, была такая царица, Ривалюцыей звали. Ну, и царствовала она у нихъ долго—и царица она, сказываютъ, была прежестокая: всѣмъ господамъ головы поснимала, какъ вонъ у насъ былъ Емелька Пугачевъ; а которые господа ушли отъ казни и тѣ теперь живутъ у насъ, подъ защитой, значитъ, нашего государя.

— Ну, а при чемъ же тутъ Наполеонъ-отъ,—возражаетъ лавочникъ, видя, что собравшіеся около его лавки слушатели держатъ, кажется, больше сторону Яшки, чѣмъ его.

— А ты слушай, не перебивай,—авторитетно осаживаетъ его Яшка.— Ну, такъ, значитъ, была у нихъ этакимъ манеромъ царица Ривалюцыя, а у нея, значитъ, былъ сынъ, да не простой, а выдра стоголовая...

— Какъ выдра стоголовая?

— Такъ—выдра, значитъ, а у этой выдры—сто головъ.

Слушатели даже ахнули и ближе сдвинулись къ Яшкѣ.

— Такъ эту выдру и называли, значитъ, исчадіе Риволюцыи, т.-е. по-нашему, по-русски, чадо, сынъ, значитъ. А какъ эта стоголовая выдра выросла, она возьми и задуши свою родную мать Ривалюцію...

Только теперь начинала догадываться Ирина, въ чемъ дѣло. Яшка, наслушавшись у господъ толковъ о революціи, о томъ, что во Франціи «долго царствовала Революція», понялъ все это буквально и вообразилъ, что у французовъ дѣйствительно была царица революція, и что была она прежестокая царица, рубившая головы господамъ. Наполеонъ—«исчадіе революціи». Ясно, съ Яшкиной точки зрѣнія, что у «царицы Революціи» былъ сынъ, а какъ революцію и самого Наполеона, «задавившаго революцію», называли господа «гидрой стоголовой», то понятно, что у Яшки «гидра» превратилась въ выдру.

— Ну, такъ задушивши такимъ манеромъ мать свою,онъ, Наполеонъ, и пошелъ войной на нашего Государя, значитъ, по злобѣ: зачѣмъ-де Онъ укрылъ у себя тѣхъ господъ изъ французовъ, что бѣжали къ намъ отъ жестокости его матери и тепереча у насъ въ Рассеи проживаютъ—кто губернеромъ, кто губернанкой, а кто на скрипкѣ играетъ, или волосы завиваетъ,— продолжалъ ораторствовать Яшка.—Такъ вотъ кто Наполеонъ! А то—антихристъ! Антихристъ послѣ придетъ, при концѣ свѣта, когда всѣ звѣзды съ неба упадутъ, а теперь вонъ ихъ еще видимо невидимо—въ кои вѣки одна упадетъ!

Лавочникъ былъ окончательно пораженъ. Яшка торжествовалъ.

Д. Мордовцевъ.

Наполеонъ.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди—змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему.
Онъ былъ земной, не Божій пламень,
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ.
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

Ѳ. Тютчевъ.

Приказъ, данный арміямъ въ Вильнѣ, іюня 13 дня.

Изъ давняго времени примѣчали МЫ непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ НАШЕМЪ желаніи сохранить тишину, принуждены МЫ были ополчиться и собрать войска НАШИ; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ НАШЕЙ Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго НАМИ спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска НАШИ при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается НАМЪ ничего иного,

какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы НАШИ противу силъ непріятельскихъ. Не нужно МНѢ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ НАШИМЪ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я—съ вами. На зачинающаго Богъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Высочайшій рескриптъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, графа Салтыкова.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ!

Французскія войска вошли въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощалъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою МОЕГО народа. Всѣ старанія МОИ были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается МНѢ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные МНѢ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе МОЕГО народа и храбрость войскъ МОИХЪ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ со свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное НАШЕ дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили НАСЪ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ МОЕМЪ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

Іюня 13-го 1812 года. Вильна.

Воззваніе къ жителямъ Москвы.

Первопрестольной Столицѣ Нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердолюбію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ Нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и Православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ

сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!

АЛЕКСАНДРЪ.

Высочайшій манифестъ.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу и ея благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестью въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для нее цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ, попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство, полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго изъ всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ Первопрестольному граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ имъ для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ лагерѣ близъ Полоцка,
1812 годъ. Іюля 6-го дня.

Александръ I въ Москвѣ.

Петя Ростовъ [1]), послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали видъ, какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ, съ заплаканными глазами. На другой день пріѣхалъ Государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть Царя.

Петя рѣшился итти прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ Государь, и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Петѣ казалось, что Государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, не смотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствіемъ для праздности, и что онъ готовъ.

Только что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, всѣ бросились еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

«Отецъ, ангелъ, батюшка!» приговоривала она, отирая пальцами слезы.

«Ура!» кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснувъ зубы и, выкатя глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича «ура», какъ будто онъ готовъ былъ и себя, и всѣхъ убить въ эту минуту; но съ боковъ его лѣзли точно такія же лица съ такими же криками «ура».

«Такъ вотъ что такое Государь», думалъ Петя и все также отчаянно пробивался впередъ. Изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ; Государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ, и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ, и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ, вѣроятно, дьячокъ, одной рукой держалъ его подъ мышку, другою охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барчонка задавили,—говорилъ дьячокъ.—Что же такъ... легче... задавили, задавили...

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю, блѣднаго и недышащаго, къ Царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали, разстегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли тѣхъ, кто раздавилъ его.

---

[1]) Родители отказали 15-лѣтнему Петѣ Ростову отпустить его на войну (изъ романа Гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ").

— Этакъ до смерти раздавить можно! Что жъ это! Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ!—говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо. Боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидѣть долженствующаго пройти назадъ Государя. Только ему увидѣть бы его, и онъ считалъ бы себя счастливымъ.

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда Государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа распространилась, послышались обыкновенные разговоры. Но всѣ они теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи—пушкѣ, все также волнуясь при мысли о Государѣ и о своей любви къ Нему. Совпаденіе чувствъ боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга еще болѣе усилило въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барчонка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ, вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! ура! ура!» опять закричала толпа.

— Который, который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему, всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, которыхъ онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на немъ весь свой восторгъ, хотя это былъ не Государь, закричалъ «ура» неистовымъ голосмъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу, которому было 15 лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреевичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

Графъ Левъ Толстой.

Пѣсня ратниковъ СПБ. ополченія.

(Военная пѣсня).

Не труба трубитъ звонка золота,
Какъ возговоритъ православный царь:
„Охъ, вы, русскіе добры молодцы,
Вы сѣдлайте ретивыхъ коней,
Надѣвайте сабли острыя;
Что идетъ злодѣй на Святую Русь;
Есть ли Минины, Пожарскіе?
Намъ тогда снимать нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго“.
Лишь успѣлъ намъ царь слово вымолвить,
Не рѣка шумитъ, не волна течетъ,
То народъ къ нему стекается:
Охъ ты, батюшка, православный царь!
Есть Минины и Пожарскіе!
Ты бери у насъ злато, серебро,
Ты и насъ возьми во ряды къ себѣ;
Какъ дѣды наши шли за родину,
Такъ и мы теперь за тебя идемъ,
Рады головы за тебя нести;
Мы тогда снимемъ нашъ булатный мечъ,
Когда выгонимъ врага лютаго,
Врага лютаго, кровожаднаго:
Ты отецъ будешь сиротамъ по насъ.
Не рости травѣ по Невѣ рѣкѣ,
Не владѣть чужимъ землеи русскою.
Наши русскіе, дѣти барскіе,
Наши въ Питерѣ веселилися,—
Всѣ бѣгутъ они встать дружинами,
Имъ забавушки опостылѣли,

Намъ работушка ужъ на умъ нейдетъ,
Жены, дѣтушки не удержатъ насъ,
Покидаемъ всѣ, сами въ строй спѣшимъ.
Не орлы летятъ по поднебесью,
То дружинушки идутъ къ Полоцку [1])
Какъ встрѣчаетъ насъ витязь Витгенштейнъ:
„Удалые вы, добры молодцы!
Мы послужимте царю бѣлому!
Не дадимъ врагу поругаться намъ!"
„Славный витязь нашъ, добрый Витгенштейнъ!
Прикажи ты намъ за собой итти!
За тобой всякъ и въ огонь готовъ!"
Засвистали вдругъ калены ядра,
Застонала вся мать сыра земля,
Засверкалъ огнемъ нашъ граненый штыкъ;
Мы дрались тутъ три дни, три ночи,
Съ нами вмѣстѣ шелъ сенаторъ [2]) отецъ,
Впереди насъ всѣ начальники,
И вскочили мы въ стѣны Полоцка,
И стремглавъ злодѣй побѣжалъ, отъ насъ.
Не свѣтлѣе солнце свѣтитъ красное,
А громчѣй гремитъ слава русская.
„Ты бѣги, бѣги, нашъ злодѣй отъ насъ;
Не дадимъ тебѣ поругаться намъ;
Ты взгляни, взгляни на солдатъ своихъ,
Между реберъ ихъ ужъ трава растетъ;
Мы прогонимъ ихъ изъ чужихъ земель:
Вы узнаете, что мы русскіе,
Что мы русскіе, православные".

Полководецъ.

(М. Б. Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата;
Она не золотомъ, не бархатомъ богата
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ [3]), ни дѣвственныхъ мадоннъ [4])
Ни фавновъ [5]) съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главой лавровой. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь передъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Дау далъ ему такое выраженье.
О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый невзлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ:
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, -
Вотще!— О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.

А. Пушкинъ.

[1]) Витгенштейнъ разбилъ близъ Полоцка посланную Наполеономъ на сѣверъ армію и этимъ задержалъ дальнѣйшее движеніе французовъ къ Петербургу.
[2]) Начальникъ петербургскаго ополченія тайн. сов. Бибиковъ.
[3]) Низшія древне-греческія божества.
[4]) Названіе Богоматери у итальянцевъ.
[5]) Низшія божества лѣсовъ, полей и горъ

Энгельгардтъ и Шубинъ.

При занятіи непріятелемъ Смоленска въ 1812 году, отставной полковникъ Энгельгардтъ, оставшись въ деревнѣ, съ опасностью собственной жизни истреблялъ разорителей отечества. Онъ былъ захваченъ французами, посаженъ въ тюрьму и представленъ въ оковахъ къ допросу. «Я русскій подданный, я исполнилъ мой долгъ. Мы должны разить врага, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на нашего законнаго Государя», заявилъ онъ. Выслушавъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: «Вы не поработите Россію, вы погибнете. А я благодарю Бога за то, что умираю, какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества».

Непріятель предлагалъ Энгельгардту и жизнь, и свободу, если онъ присягнетъ Наполеону. Онъ отвѣчалъ: «Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому Царю. Русскіе дворяне умѣютъ умирать за Отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника». Его свели въ ровъ близъ разрушенныхъ стѣнъ Смоленскихъ и, приготовляясь разстрѣливать, хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: «Русскій не боится смерти!» и палъ на землѣ родной за вѣру и вѣрность Царю и Отечеству.

Шубинъ, другой Смоленскій дворянинъ, такимъ же непоколебимымъ мужествомъ ознаменовалъ преданность свою Престолу и Россіи.

Узнавъ всѣ подробности о страдальцахъ за отечество и о бѣдномъ состояніи ихъ родственниковъ, Императоръ Александръ I назначилъ имъ щедрыя награды.

Глинка.

За Вѣру и Царя.

Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря.
И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны[1]),
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались... Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи.
Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны:
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья,
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль—иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За Вѣру, за Царя.

Пушкинъ.

Солдатская пѣсня.

Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу
И пойдемъ враговъ разить!
Защитимъ свою Державу.
Лучше смерть, чѣмъ въ рабствѣ жить.
Мы впередъ, впередъ, ребята!
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ.
Вѣра наша, вѣрность свята:
Побѣдимъ или умремъ!
Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ биться со врагами,
Не пропустимъ злыхъ звѣрей.

[1]) Древне-римская богиня войны.

Вотъ рыдаютъ наши жены,
Дѣвы, старцы вопіютъ,
Что злодѣи разъяренны
Мечъ и пламень къ нимъ несутъ.
Врагъ строптивый мечетъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадитъ;
Топчетъ нивы, палитъ домы,
Змѣемъ лютымъ въ Русь летитъ.
Русь святую разоряетъ...
Нѣтъ ужъ силъ владѣть собой:
Бранный жаръ въ крови пылаетъ,
Сердце просится на бой!
Мы впередъ, впередъ, ребята,
Съ Богомъ, вѣрой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свята!
Побѣдимъ или умремъ.

Глинка.

Отъ Нѣмана до Смоленска.

Москва начинала сильно смущаться. Газеты приносили тревожныя извѣстія. Война становилась очевидной и близкой. Всѣ знали, что Государь Александръ Павловичъ, быстро покинувъ Петербургъ, болѣе мѣсяца уже находился въ арміи Барклая-де-Толли, въ Вильнѣ. Но всѣ эти толки были неопредѣленны.

Вдругъ прошла потрясающая молва. Стало извѣстно, что изъ Вильны къ московскому главнокомандующему графу Растопчину примчался съ важными депешами фельдъегерь. Сперва по секрету, потомъ громко, наконецъ, заговорили, что Наполеонъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, безъ объявленія войны, съ громадными полчищами нежданно вторгся въ предѣлы Россіи и уже безъ боя занялъ Вильну. 6 іюля, съ новымъ государевымъ посланцемъ Растопчину было доставлено воззваніе Императора къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи, при чемъ сталъ извѣстенъ обѣтъ Государя «не вкладывать меча въ ножны, пока хоть единый непріятельскій воинъ будетъ на Русской Землѣ». Вспоминали при этомъ слова Императора, сказанныя за годъ передъ тѣмъ о Наполеонѣ: «Нѣтъ мѣста для обоихъ насъ въ Европѣ; рано или поздно, одинъ изъ насъ долженъ будетъ удалиться».

12 іюля и самъ Государь Александръ Павловичъ явился, наконецъ, среди встревоженно и восторженно встрѣчавшей его Москвы и поспѣшилъ обратно въ Петербургъ, откуда, по слухамъ, уже снаряжали къ вывозу въ Ярославль и въ Кострому главныя цѣнности и архивы.

Москва заволновалась, какъ старый улей пчелъ, по которому ударили обухомъ. Чернь толпилась на базарахъ и у кабаковъ. Москвичи заговорили о народной самообронѣ. Началось формированіе ополченій. Первые московскіе баре и богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, объявили о снаряженіи на свой счетъ двухъ полковъ. Тверской, Никитскій и другіе бульвары по вечерамъ наполнялись толпами любопытныхъ. Здѣсь оживленно передавались новости изъ Петербурга и съ театра войны. Дамы и дѣвицы привѣтливо оглядывали красивые и новенькіе наряды мамоновскихъ казаковъ. Побѣда у Клястицъ, охранителя путей къ Петербургу, графа Витгенштейна, въ концѣ іюля, вызвала взрывъ общихъ шумныхъ ликованій. Бѣлые и черные султаны наѣзжавшихъ съ депешами недавнихъ московскихъ танцоровъ, гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, чаще мелькали по улицамъ. Въ греческихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ передавались шопотомъ вѣсти изъ проникавшихъ въ Москву иностранныхъ газетъ. Всѣ ждали рѣшительной побѣды.

Но прошло еще время, и 12 августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими арміями Смоленска. Путь французовъ къ Москвѣ становился облегченнымъ. Толковали о возникшей съ начала похода неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, Багратіономъ и Барклаемъ-де-Толли. Этому раздору молва приписывала и постоянное отступленіе русскихъ войскъ передъ нати-

скомъ наполеоновскихъ полчищъ. Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекавшаго Наполеона въ глубь раздраженной страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно измѣняли его имя: «Болтай-да-и-только». Въ имени соперника Барклая, Багратіона, стремились видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: «Богъ-рати-онъ»...

Послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе. Знающіе, впрочемъ, утверждали, что Государь, не любившій Кутузова, сказалъ по этому поводу:

— Общество желало его назначенія, Я его назначилъ. Что до Меня, - Я умываю руки.

Всѣ ждали скораго и полнаго разгрома Бонапарта.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла. Барыни, для которыхъ, по выраженію Растопчина, «отечествомъ были Кузнецкій Мостъ и Парижъ», въ патріотическомъ увлеченіи спрашивали военныхъ: «скоро ли генеральное сраженіе» — и, путая хронологію и событія, восклицали: «Выгнали же когда-то поляковъ Мининъ, Пожарскій и Дмитрій Донской». — «Сто лѣтъ не была вражья сила на русской землѣ и вдругъ...» негодовали коренные москвичи-старики. И какая неожиданность: въ половинѣ іюня еще рѣдко кто и подозрѣвалъ войну, а въ началѣ іюля ужъ и вторженіе... Часть свѣтской публики, впрочемъ, еще продолжала ѣздить въ балетъ и французскій театръ. Другіе усердно посѣщали церкви и монастыри.

Г. П. Михайловскій-Данилевскій.

Народный вождь.

18 Августа 1812 г. прибылъ сей лаврами и сѣдинами увѣнчанный вождь! Нѣкоторые изъ почетныхъ Гжатскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе Царево-Займище. Я сейчасъ видѣлъ Свѣтлѣйшаго Голенищева-Кутузова, сидящаго на простой скамьѣ подлѣ одной избы; множество генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна. У всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе. Дымныя поля биваковъ начинаютъ оглашаться пѣснями.

Когда свѣтлѣйшій князь объѣзжалъ въ первый разъ полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться строиться.

— Не надо! ничего этого не надо!—говорилъ князь. — Я пріѣхалъ только посмотрѣть, здоровы ли вы, дѣти мои. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать; ему надобно отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ.

Въ другой разъ увидѣвъ, что обозъ какого-то генерала мѣшаетъ идти полкамъ, онъ тотчасъ велѣлъ освободить дорогу и громко говорилъ: «Солдату въ походѣ каждый шагъ дорогъ; скорѣй придетъ, больше отдыхать будетъ!»

Такія слова главнокомандующаго все войско наполнили къ нему довѣренностью и любовью.

— Вотъ то-то пріѣхалъ нашъ батюшка! - говорили солдаты. — Онъ всѣ наши нужды знаетъ; какъ не подраться съ нимъ; въ глазахъ его всѣ до одного рады головы положить.

Въ послѣдній разъ, когда Свѣтлѣйшій осматривалъ полки, орелъ вился въ воздухѣ и парилъ надъ нимъ. Князь обнажилъ сѣдинами укра-

шенную голову; все войско закричало «ура». Въ этотъ же день главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской Божіей Матери, и для иконы ея, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кіотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякаго.

Глинка.

Кутузову

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ:
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ [1]),
Ты, вѣрно, побѣдишь французовъ,
И, россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
Смерть сквозь главу твою промчалась,
Но жизнь твоя цѣла осталась:
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ.
Въ покровъ Его предавшись сильный,
Тебѣ что можетъ Люциферъ [2])!
Ты шелъ и пройдешь чрезъ ехидны,
Овномъ збодется лютый звѣрь:
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра [3]),
Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты подъ своимъ зря руководствомъ
Рать тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь Галловъ тьмы: съ тобой Богъ силъ.

Державинъ.

Передъ Бородинскимъ сраженіемъ.

25 августа 1812 г. Было часовъ 11 утра. Солнце ярко освѣщало сквозь чистый, рѣдкій воздухъ огромную, амфитеатромъ по поднимающейся мѣстности открывшуюся панораму. Вверхъ и влѣво по этому амфитеатру, разрѣзывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая черезъ село съ бѣлой церковью, лежавшее въ 500-хъ шагахъ впереди кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила подъ деревней черезъ мостъ и черезъ спуски и подъемы вилась все выше и выше къ виднѣвшемуся верстъ за шесть селенію Валуеву (въ немъ стоялъ Наполеонъ). За Валуевымъ дорога скрывалась въ желтѣвшемъ лѣсу на горизонтѣ. Въ лѣсу этомъ, березовомъ и еловомъ, вправо отъ направленія дороги, блестѣли на солнцѣ дальній крестъ и колокольня Колоцкаго монастыря. По всей этой синей дали, вправо и влѣво отъ лѣса и дороги, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дымящіеся костры и неопредѣленныя массы войскъ нашихъ и непріятельскихъ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы. «Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую»... — «Смоленскую Матушку», поправилъ другой. Ополченцы, и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ, съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начали моле-

---

1) При объѣздѣ Кутузовымъ войскъ, надъ его головой парилъ орелъ. Это всѣ приняли за хорошее предзнаменованіе.

2) Т.-е. діаволъ.

3) Духъ огня.

бенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно, сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе не громко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа съ открытыми головами офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Какъ только уставшіе дьячки начинали пѣть: «Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице», а священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству» — на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ. Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позиціи. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій.. Наконецъ онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Графъ Л. Толстой.

Бородино.

(26 августа 1812 г.).

„Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“
—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки!“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ.
Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постойка-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:

[1]) Полевое укрѣпленіе.

„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета [1])
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [2]) открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось.
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали,
Мы въ бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

Великій день Бородина.

(Разсказъ участника боя).

Съ 25 на 26 августа. Глубокая ночь... Все безмолвствуетъ!.. Русскіе съ чистою безупречною совѣстью тихо дремлютъ, облегши дымящіеся огни. Сторожевыя цѣпи пересылаютъ, одна другой, протяжные отголоски. Эхо чуть вторитъ имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ все покойно на нашей сторонѣ.

Напротивъ того, ярко блещутъ устроенные огни въ таборахъ непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики по всему стану ихъ разносятся. Вотъ слышны восклицанія! Вотъ еще другія!.. Они, вѣрно, привѣтствуютъ разъѣзжающаго по строямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Что будетъ завтра? Вѣтеръ гаситъ свѣчу, а сонъ смыкаетъ глаза.

Застонала земля и пробудила спавшихъ въ ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26 августа.

Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашомъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстны. Одни шалаши валятся; другіе пылаютъ! Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь.

---

[1]) Станокъ подъ артиллерійскимъ орудіемъ.
[2]) Мѣсто временной остановки войскъ во время похода.

Все это происходило въ срединѣ: а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружья.

Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батареѣ, гдѣ находился Свѣтлѣйшій, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ. — Мой другъ! я видѣлъ это неимовѣрно жестокое сраженіе и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ.

Я былъ подъ Аустерлицемъ: но то сраженіе, въ сравненіи съ этимъ — ошибка! Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, дѣлаютъ почти такое же сравненіе.

Надобно имѣть кисть Микель-Анджело, изобразившую страшный судъ, чтобы осмѣлиться представить сіе ужасное побоище. Подумай только, что до 200 тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ: 2000 пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко вздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражавшихся.

Французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ. Русскіе стояли съ неподвижностью твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загребсти сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о мщеніи и мужествѣ.

Сердца Русскія внимали священному воплю сему, и мужество нашихъ войскъ было неописуемо. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли, и бились до смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты всходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило не мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее. Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ!

— Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ, — сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны:—тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ оторванныхъ рукъ и ногъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновеннымъ явленіемъ. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей...

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечь летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописуемо: я сдѣлалъ только абрисъ его.

Наступилъ вечеръ. Непріятель началъ уклоняться отъ боя. Русскіе устояли.

Ф. Глинка.

Конецъ Бородинскаго боя.

— Смотрите, смотрите,—сказалъ кто-то возлѣ Перовскаго, указывая съ высоты, гдѣ стояли колонны Багговута:—это Наполеонъ!

Перовскій направилъ туда подзорную трубу и впервые въ жизни увидѣлъ Наполеона, скакавшаго съ огромной свитой на бѣломъ конѣ отъ Семеновскаго къ занятому французами редуту Раевскаго. Всѣ ждали грознаго наступленія старой французской гвардіи. Наполеонъ на это не рѣшился.

Къ шести часамъ бой сталъ затихать на всѣхъ позиціяхъ и кончился. КъСвѣтлѣйшему въ Горки, гдѣ онъ былъ во время боя, прискакалъ, какъ узнали въ войскахъ, флигель-адъютантъ фонъ-Вольцогенъ съ донесеніемъ, что непріятель занялъ всѣ главные пункты нашей позиціи, и что наши войска въ совершенномъ разстройствѣ.

— Это неправда!—громко, при всѣхъ возразилъ ему свѣтлѣйшій.— Ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ одному въ точности. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и завтра мы его обратно погонимъ изъ священной Русской Земли.

Стемнѣло. Кутузовъ переѣхалъ къ ночи въ домъ Михайловской мызы. Окна этого дома были ярко освѣщены. Въ нихъ виднѣлись денщики, разносившіе чай, и лица адъютантовъ. Въ полночь къ князю собрались оставшіеся въ живыхъ командиры частей, расположившихся невдали отъ мызы. Здѣсь былъ съ двумя - тремя изъ своихъ штабныхъ и генералъ Багговутъ. Взводъ кавалергардовъ охранялъ дворъ и усадьбу. Адъютанты и ординарцы Кутузова, бесѣдуя съ подъѣзжавшими офицерами, толпились у крыльца. Разложенный на площадкѣ передъ домомъ, костеръ освѣщалъ старыя липы и березы вокругъ двора, ягодный садъ, прудъ невдали отъ дома, готовую фельдъегерскую тройку за дворомъ и невысокое крылечко съ входившими и сходившими по немъ. Стоя съ другими у этого крыльца, Перовскій видѣлъ блѣдное и хмурое лицо графа Толя, медленно, нервною поступью поднявшагося по крыльцу послѣ вечерняго объѣзда нашихъ линій. Онъ разглядѣлъ и черную курчавую голову героя дня Ермолова, который, послѣ доклада Толя, съ досадой крикнулъ въ окно: «фельдъегеря!» Тройка подъѣхала. Изъ сѣней съ сумкою черезъ плечо, вышелъ сгорбленный, пожилой офицеръ.

— Куда, куда?—заговорили кругомъ.

— Въ Петербургъ,—отвѣтилъ, крестясь, офицеръ,—съ донесеніемъ.

Тогда же всѣ узнали, что кн. Кутузовъ, выслушавъ графа Толя, далъ предписаніе русской арміи отступать за Можайскъ къ Москвѣ.

Г. Михайловскій-Данилевскій.

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день,—день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій [1]), Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу—веди меня, я твой—
О, обреченный побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ [2]) дымомъ!

---

[1]) Т.-е. подобный вождямъ, прославленнымъ греческимъ поэтомъ Гомеромъ.
[2]) Названіе грома и молніи у славянъ и русскихъ.

Но гдѣ вы?.. Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Денисъ Давыдовъ.

Поминки по Бородинской битвѣ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана,
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
  Бодро онъ и хладнокровно
  Велъ полки въ кровавый бой;
  Строй за строемъ густо, ровно
  Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
  И, сердито землю роя
  Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
  Не затронуло героя,
  Но осыпало пескомъ.
„Богъ мой!—онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:—
Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать".
  И Кутузовъ предо мною,
  Вспомню ль о Бородинѣ:
  Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
  И на бѣломъ былъ конѣ.
Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.
  Старца бодрый видъ воинственъ,
  Онъ средь полчищъ одинокъ,
  Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
  Онъ властителенъ, какъ рокъ.
На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось.
  Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
  Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
  Онъ ихъ молча вопрошаетъ
  Сквозь пальбу, огонь и шумъ.
Мыслью онъ паритъ надъ битвой
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.
  А его молніеносцы
  Ждутъ внимательно кругомъ,
  Чтобъ, по слову полководца,
  Зарядить крылатый громъ.
День насталъ. Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.
  И на пиръ веселый словно
  Каждый радостно летитъ;
  Будь у каждаго три жизни,—
  Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.
Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный,
Разразившись, поднялъ вой.
  Цѣлый день не умолкаетъ,
  Извергая смерть кругомъ;
  Строй за строемъ исчезаетъ
  Подъ убійственнымъ огнемъ.
Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать:
Грудью грудь схватились обѣ,
Чтобъ противника попрать.
  Но побѣда обоюдно
  То дается намъ, то имъ;
  Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
  Кто изъ двухъ непобѣдимъ.
Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она;
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.
  Грозный день сей Бородинской
  Имъ и намъ въ почетъ равно:
  Славься битвой исполинской,
  Славься ввѣкъ, Бородино!

Кн. П. Вяземскій.

«Бородинская годовщина» [1].

Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая;
Тамъ, престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И престолъ, и Русь спасло.

---

[1]) Въ 1839 г., по повелѣнію Императора Николая I-го, торжественно была отпразднована Бородинская годовщина. При открытіи памятника былъ прочитанъ Высочайшій приказъ:

„Ребята! Передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ, и мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ Императору Александру I. Его твердою волею спасена Россія. Вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ ихъ позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему Государю и общей матери нашей—Россіи".

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождемъ,
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно золотая
Жатва блещетъ по холмамъ,
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель [1]).
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ-рѣшитель браней—крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другого поколѣнья
Новымъ, славнымъ ужъ царемъ [2])
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Также рать числомъ обильна;
Также мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена...
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной имъ царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ и свой, и чуждый край,
Дерзкой бодростью дивившій
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ [3]),
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Беннигсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ,
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ.

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ;
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ [4]).
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда?

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ одиноко,
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенный [5]);
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись хоръ,
Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!..
Есть далекая скала,
Вкругъ скалы морская мгла,
Съ моремъ степь слилась другая—
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ:
Тамъ зарытъ Наполеонъ...

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесный благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

---

[1]) Близъ села Семеновскаго, вдова генерала Тучкова основала Спасо-Бородинскій монастырь на мѣстѣ той батареи, гдѣ былъ убитъ ея мужъ—герой.
[2]) Императоръ Николай I.
[3]) Роландъ—полководецъ Карла Великаго (VIII в.), а Баярдъ—французскій полководецъ XVI в.
[4]) Императоръ Александръ I.
[5]) Государь Александръ I скончался въ Таганрогѣ (19 ноября 1825 г.).

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: „Москвы ужъ нѣтъ!“
И опять онъ здѣсь одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.
Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Нёбомъ полная, объемлетъ
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.
Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
„Память вѣчная царю!“
Вдругъ отгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.
Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой!
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.
Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

В. Жуковскій.

Москва обречена

Черезъ часъ сверкнулъ вдали позлащенный крестъ Ивана Великаго, черезъ нѣсколько минутъ показались главы соборныхъ храмовъ, и древняя столица, сердце, мать Россіи — Москва, разостлалась широкой скатертью по необозримой равнинѣ, усѣянной обширными садами.

Москва-рѣка, извиваясь, текла посреди холмистыхъ береговъ своихъ; но безчисленныя барки, плоты и суда не пестрили ея гладкой поверхности; вѣтеръ не доносилъ до окружающихъ отдаленный гулъ и невнятный, но исполненный жизни говоръ многолюднаго города; по большимъ дорогамъ шумѣлъ и толпился народъ; но Москва, какъ жертва, обреченная на закланіе, была безмолвна. Изрѣдка кой-гдѣ дымились трубы, и какъ черный погребальный крепъ, густой туманъ висѣлъ надъ кровлями опустѣвшихъ домовъ.

Ахъ, скоро, скоро, кормилица Россіи — Москва, скоро прольются по твоимъ осиротѣвшимъ улицамъ пламенныя рѣки; святотатственная рука враговъ сорветъ крестъ съ твоей соборной колокольни, разрушитъ стѣны священнаго Кремля, осквернитъ твои древніе храмы; но Русскіе всегда возлагали надежду на Господа, и ты воскреснешь, Москва, какъ обновленное, младое солнце, ты снова взойдешь на небеса Россіи; а враги твои...

Ахъ! вы не воскреснете, несчастныя жертвы властолюбія: воины, посѣдѣвшіе въ бояхъ, юноши, краса и надежда Франціи, вы не обнимете родныхъ своихъ! Ваши кости, разсѣянныя по обширнымъ полямъ, запашутся сохою, и долго, долго изустная повѣсть объ ужасной смерти вашей будетъ приводить въ трепетъ каждаго иноземца!

М. Загоскинъ.

Совѣтъ на Филяхъ.

(1 сентября 1812 г.).

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Севастьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой Свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша

робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ, входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что Свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобъ видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливавшимся съ головой Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломило. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ, курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкою. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Беннигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Беннигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Беннигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало общее и долгое молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи, — вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ повторяя слова Беннигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, — это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?». Вотъ на

какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе (онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Беннигсенъ не считалъ еще игры проигранной. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска къ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились: были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Остальные генералы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ нею, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между дѣдушкой и «длиннополымъ», какъ она называла Беннигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону «дѣдушки». Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Беннигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его. Беннигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Беннигсена, было спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Беннигсена: о переводѣ къ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ наивнымъ взглядомъ глядя на Беннигсена)... Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки,—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ Государемъ и Отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходится съ тою торжественною и молчаливой осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту.—Этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ адъютантъ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ турки, не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,—будутъ и они, только бы...

Графъ Л. Толстой.

Великая панихида.

(1812 годъ).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ недоставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Щербина.

Занятіе Москвы Наполеономъ.

(Военная пѣсня).

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую—
Мать родимую, мать-кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися.
Словно вихрь—орлы, взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
„Молодцы—братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не видѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду—племени,
Ни самой души—красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся по старинному,
Постаринному, по-суворовски,
Закричимъ „ура!“ и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья, люта промаху,
Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ
Чтобы вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково итти
Со оружіемъ во святую Русь“.

Оставленіе Москвы.

Настало второе сентября.

Въ Москву, днемъ и ночью, подходили подводы, наполненныя тысячами раненыхъ. «Кровавое Бородино» вдвигалось въ московскія улицы со смоленской дороги, въ то время какъ по владимирской, рязанской и тульской уѣзжали, тѣсня другъ друга, разновидныя кареты, коляски, брички и телѣги съ послѣдними убѣгавшими москвичами.

Русскія войска, направляясь со смоленской дороги на рязанскую, стали проходить черезъ Москву. Непріятельская армія слѣдомъ за ними приближалась къ Дорогомиловской заставѣ. Подъ городомъ слышалась перестрѣлка передовой французской цѣпи съ казаками и уланами русскаго арьергарда.

Лихой и храбрый начальникъ этого арьергарда, «крылатый», какъ его звали, Милорадовичъ, съ цѣлью облегчить отступленіе русскимъ отрядамъ и дать выйти изъ города послѣднимъ жителямъ и обозамъ, объявилъ столь же лихому и отважному вождю французскаго авангарда, неаполитанскому королю Мюрату, что, если французы на время не пріостановятся, ихъ встрѣтитъ бой на штыкахъ и ножахъ къ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ Москвы. Мюратъ заключилъ съ Милорадовичемъ словесное, до ночи, перемиріе.

Перестрѣлка на время прекратилась. Французскіе полки, въ виду уже развернувшейся передъ ними Москвы, замедлили наступленіе.

Вышедшій благополучно изъ Бородинскаго боя Перовскій сумрачно ѣхалъ верхомъ сзади Милорадовича съ другимъ офицеромъ, черноволосымъ и съ ямочками на румяныхъ щекахъ, Квашнинымъ. Добрый, привлекательнаго нрава товарищъ и словоохотливый собесѣдникъ, Квашнинъ, такъ же, какъ и Перовскій, былъ наканунѣ съ Милорадовичемъ въ Филяхъ, гдѣ происходилъ важный военный совѣтъ, и гдѣ, у квартиры свѣтлѣйшаго, онъ удостоился не только видѣть всѣхъ главныхъ генераловъ арміи и штаба главнокомандующаго, но и наслышался любопытнѣйшихъ военныхъ и политическихъ сужденій и вѣстей, которыя впослѣдствіи стали достояніемъ исторіи.

— Битва гигантовъ! Такъ, а не иначе, отнынѣ будутъ называть Бородино! — сказалъ Квашнинъ, краснѣя отъ собственнаго выспренняго выраженія и поглаживая короткими, пухлыми пальцами усталаго и взмыленнаго своего коня. — А слышали вы, Василій Алексѣевичъ, — спросилъ онъ, сторонясь отъ обломившейся фуры, которую усталые и потные солдаты, копошась, ладили на пути, — знаете ли, сколько выбыло у насъ изъ строя подъ Бородинымъ?

— Было море крови, — одно скажу! — вспоминая картины Бородина, со вздохомъ отвѣтилъ Перовскій. — Мы съ вами зато уцѣлѣли, даже и не ранены!..

— Ну, что же, нашъ чередъ еще впереди!.. Да нѣтъ, вы послушайте; это что-то, клянусь, сказочное и небывалое!—продолжалъ оживленно Квашнинъ. — Адъютантъ Ермолова, Тюхтинъ, передавалъ... очевидно, подсчитали въ главномъ штабѣ... Бой длился всего десять часовъ, и въ это время, представьте, — продолжалъ, оставивъ поводъ, Квашнинъ, — у насъ выбыло изъ рядовъ, убитыми и ранеными, до пятидесяти тысячъ человѣкъ; у французовъ, говорятъ, столько же, а на сто тысячъ всѣхъ выбывшихъ изъ строя кладутъ до сорока тысячъ убитыхъ... Вѣдь это ужасъ! И ужъ не знаю, вѣрно ли, что у насъ и у нихъ при этомъ убито и ранено

болѣе пятидесяти генераловъ, выпущено приблизительно до шестидесяти тысячъ пушечныхъ снарядовъ, а ружейныхъ что-то болѣе полутора милліарда. Это — какъ вы думаете? — по расчету, выходитъ на каждую минуту боя болѣе двухъ тысячъ выстрѣловъ, при чемъ на каждые тридцать выстрѣловъ одинъ смертельный... А? Каково? Не ужасъ ли! Гдѣ и въ какія времена столько проливали крови и убивали?

— Не забудьте, впрочемъ, въ утѣшеніе, мой дорогой, одного, — рѣзко обратился къ Квашнину, какъ бы оправдываясь отъ какихъ-либо обвиненій, Перовскій,—мы потеряли, но зато чуть не вдвое потеряли и наши враги! Не даромъ Наполеонъ, какъ передавалъ вчера въ штабѣ одинъ плѣнный, такъ злился послѣ даннаго ему отпора, что мы не уступили ему ни пяди, грозно провели ночь на мѣстѣ сраженія и скрылись отъ него хоть не нападая, но и не прося пощады... Въ штабѣ радуются, увѣряютъ,— продолжалъ раздражительно Перовскій, — что французы, занявъ уступленную имъ безъ боя Москву, примутъ первыя предложенныя имъ условія мира. Утверждаютъ, что они отпразднуютъ этотъ миръ шумно и торжественно и, удовлетворивъ свою спесь, безъ замедленія уйдутъ въ Польшу. Этого, надо думать, не случится: мы не можемъ, не должны заключать постыднаго мира! —договорилъ, подбирая поводья и догоняя Милорадовича, Перовскій. — Москва — конецъ Наполеону, могила его счастья и славы, я этому вѣрю, объ этомъ молюсь... Иначе не можетъ быть.

Улицы, по которымъ стали двигаться арьергардъ, были загромождены послѣдними уходившими обозами и экипажами.

— Идутъ, идутъ! Французы на Воробьевыхъ горахъ!—кричали метавшіеся между подводами пѣшеходы.

Изъ опустѣлыхъ переулковъ доносились дикіе крики пьяной черни, разбивавшей брошенныя лавки, съ красными и бакалейными товарами и кабаками. Испуганные, не успѣвшіе уйти горожане прятались въ подвалы и погреба, либо, выходя изъ воротъ съ иконами въ рукахъ, кланялись, спрашивая встрѣчныхъ, наши ли побѣдили, или мы отступаемъ. Цѣлые ряды домовъ по бульварамъ и вдоль болотистой рѣчки Неглинной, у Кремля, стояли мрачно-безмолвные, съ заколоченными ставнями и дверями.

Милорадовичъ, достигнувъ Устинскаго моста черезъ Яузу, сталъ пропускать мимо себя свои колонны. Къ нему подскакалъ съ донесеніемъ казачій офицеръ.

— Поручикъ Перовскій и прапорщикъ Квашнинъ! — крикнулъ Милорадовичъ.

Оба офицера подъѣхали къ нему.

— Вы—москвичи; знаете мѣстность? — спросилъ онъ.

— Знаемъ!

— Скачите... вы, Перовскій, къ Лефортовской, а вы, Квашнинъ, къ Бутырской заставамъ... Торопите запоздалыхъ... Сбился генералъ Сикорскій, отстали казаки... Перемиріе врядъ ли продлится... Непріятель обходитъ насъ въ перерѣзъ изъ Сокольниковъ, на Лефортово. Если что нужно, дайте знать!.. Привалъ за Рогожскою заставой.

Г. Михайловскій-Данилевскій.

Поклонная гора.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ; да спалило грозою могучія крылья,

Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ
их снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.
А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было итти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ, и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.
Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства,
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ, — и сердился и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи.
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы—да пожаромъ.
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей; а природа все вновь зеленѣетъ.
О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они такъ мирно стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ демонъ, святыню,
Не видалъ надъ своей головой, что звѣзда его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ онъ съ утеса Елены.

М. Дмитріевъ.

Наполеонъ подъ Москвой.

Въ 10 часовъ утра, 2 сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26 августа и по 2 сенятбря, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной; когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2 сентября, въ 10 часовъ утра, была такая погода.

Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своей жизнью, трепеща, какъ звѣздами, своими куполами, въ лучахъ солнца.

— Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый азіатскій городъ съ своими безчисленными церквами, священная Москва! Давно пора! -сказалъ Наполеонъ и, слѣзши с лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Москвы и подозвалъ переводчика. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

«Но развѣ могло быть иначе?—подумалъ онъ.—Вотъ она эта столица—у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута!»

— Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ,—обратился онъ къ свитѣ.

Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ, на Поклонной горѣ, ожидая депутацій. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями, какъ ни важно это событіе, пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ смѣшное положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо осторожно и умно приготовить императора, объявить ему правду.

— А все-таки надо ему сказать...—говорили господа изъ свиты.

Положеніе было тѣмъ тяжелѣе, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Но это невозможно...—пожимая плечами, говорили господа свиты.

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву—въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливавшимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніями войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

Москва, между тѣмъ, была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившійся улей.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій—депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ,—сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

«Москва пуста! Какое невѣроятное событіе!» говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Графъ Левъ Толстой.

Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ [1])
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ,—онъ мнилъ:—вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная Жена?
Для меня ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно".
Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

Майковъ.

Пожаръ Москвы 1812 года.

Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобою въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы!
То—солнце твоего заката.
Москва—побѣдъ твоихъ предѣлъ!
Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лилъ слезы ледяныя
И тщетно!—Ты ее узрѣлъ.
И что жъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы—
Все рушилось, все пожирало пламя!
Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокій въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей
Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменныя князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась!
Вулканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна съ Геклой кажутся ничѣмъ,
Везувія предъ нимъ блѣднѣетъ слава:
Онъ только жалкая забава
Туриста празднаго!—Лишь тотъ
Грядущій огонь съ тобой сравнится,
Въ которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ.

Байронъ.

Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;

[1]) Наполеонъ.

Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля—богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?
Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

1841. *Ѳед. Глинка.*

Кремль.

Сколько именъ, о Москва! и привѣтливыхъ, и величавыхъ
Дѣти тебѣ воздаютъ! и мало ли ласковыхъ прозвищъ!
То бѣлокаменной, то златоглавой тебя величаютъ.
Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей ихъ горькую юность:
Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ матерь, страдала!
Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ извѣргъ изъ себя чужеземца,
Двадцать народовъ съ собой приманившаго на пиръ незванный!
Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ медовъ не достало!
Угостила по-русски ты ихъ: истопила ты баню,
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по снѣгу!

М. Дмитріевъ.

Пожаръ Москвы.

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы, они висѣли надъ кровлями догорающихъ домовъ. Смрадный, удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы. Надъ дымящимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой кремлевской стѣною, стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной низкой шляпѣ. Внизу у самыхъ ногъ его, текла, изгибаясь, Москва-рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровью. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны... Ахъ! въ нихъ отразилась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастья! Шагахъ въ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли французскіе маршалы, генералы и нѣсколько адъютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель царей русскихъ.

Въ то же самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ набережной, стоялъ видный собой купецъ въ синемъ поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылающими домами, то на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догорало обширное Замоскворѣчье.

— А! Это ты, Ваня? — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шагсвъ навстрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастерового.—Ну, что?

— Да слава Богу, Андрей Васьяновичъ! За Москвой-рѣкой все идетъ, какъ по маслу! На Зацѣпѣ и по всему валу хоть рожь молоти —гладехонько! На Пятницкой и Ордынкѣ, кой-гдѣ еще остались дома, да зато на Полянкѣ такъ дерма и деретъ.

— А у Серпуховскихъ воротъ?

— Въ трехъ мѣстахъ зажигали, да злодѣи-то наши все тушатъ. Загорѣлся было порядкомъ домъ Ивана Архиповича Сеземова; да и тотъ мы съ ребятами, по твоему приказу, отстояли.

— Постой-ка! Никакъ опять вѣтеръ подымается... Давай, Господи! И, кажется, съ Петербургской стороны?.. То-то бы славно!

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ мастеровой,—посмотри-ка, отъ Охотнаго ряда и Моховой какія головни опять полетѣли... Авось теперь и до Кремля доберется.

— Ага!—сказалъ купецъ, поднявъ кверху голову;—что?.. душно стало?.. выползли, проклятые?

—Ну, Ваня!—продолжалъ онъ, схвативъ за руку молодого парня,—такъ и есть! Вонъ, стоитъ на самомъ краю, въ сѣромъ сюртучишкѣ... это онъ!

— Кто?.. этотъ недоростокъ-то? Что ты, хозяинъ!

— Да, Ваня! развѣ ты не видишь, что онъ одинъ стоитъ въ шляпѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ, батюшки свѣты! Вотъ диковинка-то! Ну, видно, по пословицѣ: не велика птичка, да ноготокъ востеръ! Ахъ, ты, Господи, Боже мой! въ рекруты не годится, а какихъ дѣлъ надѣлалъ!

— Посмотри-ка,—сказалъ купецъ, —какъ онъ стоитъ тамъ: одинъ одинехонекъ... въ дыму... словно коршунъ выглядываетъ изъ-за тучи и виситъ надъ нашими головами. Да не сносить же и тебѣ своей башки, атаманъ разбойничій!

Человѣкъ пять французскихъ офицеровъ и одинъ польскій генералъ выбѣжали изъ Тайницкихъ воротъ на набережную.

— Боже мой!—вскричалъ генералъ,—кругомъ, со всѣхъ сторонъ, вездѣ огонь!.. Нѣтъ ли другого выхода изъ Кремля?

— Посмотрите!! — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Вонъ стоятъ ихъ двое... Съ какимъ скотскимъ равнодушіемъ смотрятъ они на этотъ ужасный пожаръ!..

— Постойте! сказалъ генералъ, —если они такъ спокойны, то вѣрно знаютъ, какъ выйти изъ этого огненнаго лабиринта. Эй, голубчикъ! продолжалъ онъ довольно чистымъ русскимъ языкомъ,—не можешь ли ты вывести насъ къ Тверской заставѣ?

— Извольте, ваша милость,—подхватилъ купецъ,—я васъ выведу къ Тверской заставѣ.

— Послушай, братецъ! Если ты проведешь насъ благополучно, то тебѣ хорошо заплатятъ; если же нѣтъ...

— Помилуйте, батюшка! Да я—здѣшній старожилъ, и всѣ закоулки знаю.

— Вотъ, кажется, самъ императоръ,—вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.—Слава Богу! онъ рѣшился, наконецъ, оставить Кремль.

Человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, окруженный толпою генераловъ, вышелъ изъ Тайницкихъ воротъ. На угрюмомъ, но спокойномъ лицѣ его не замѣтно было никакой тревоги. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣ окружности Каменнаго моста и прошепталъ сквозь зубы: *варвары! скифы!* Потомъ обратился къ польскому генералу и, устремя на него свой орлиный взглядъ, сказалъ отрывисто:—ну, что?

— Я нашелъ проводника,—отвѣчалъ почтительно генералъ;—и если вашему величеству угодно

— Ступайте впередъ!

Польскій генералъ подозвалъ купца и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, впереди толпы, которая, окруживъ со всѣхъ сторонъ Наполеона, пустилась вслѣдъ за проводникомъ къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, то вся Неглинная, Моховая и нѣсколько поперечныхъ улицъ представилась ихъ взорамъ въ видѣ одного необозримаго пожара. Направо пылающій желѣзный рядъ, какъ огненная стѣна, тянулся по берегу Неглинной; а съ лѣвой стороны пламя отъ догорающихъ домовъ разстилалось во всю ширину узкой набережной.

— Какъ!—вскричалъ польскій генералъ:—неужели мы должны пройти сквозь этотъ огонь?

— Да,—отвѣчалъ купецъ.

— Боже мой! это настоящій адъ.

Купецъ усмѣхнулся.

— Чему жъ ты смѣешься, дуракъ?—вскричалъ съ досадою генералъ.

— Не погнѣвайтесь, ваша милость,—сказалъ купецъ;—да неужели этотъ огонь страшнѣе для васъ русскихъ ядеръ?

— Русскихъ ядеръ!.. Мы не боимся вашего оружія; но быть побѣдителями и сгорѣть живыми... нѣтъ, чортъ возьми! это вовсе не пріятно... Куда же ты?

— А вотъ налѣво, въ этотъ переулокъ

Генералъ отступилъ назадъ и повторилъ съ ужасомъ:

— Въ этотъ переулокъ...

И въ самомъ дѣлѣ, было чего испугаться: узкій переулокъ, которымъ хотѣлъ ихъ вести купецъ, походилъ на отверстіе раскаленной печи; онъ изгибался позади домовъ, выстроенныхъ на набережной, и, казалось, не имѣлъ никакого выхода.

— Что жъ вы остановились?—сказалъ Наполеонъ, подойдя къ генералу.

— Намъ должно итти вотъ этимъ переулкомъ.

— Такъ что жъ? другой дороги нѣтъ?

— Проводникъ говоритъ, что нѣтъ.

— А если такъ... господа!.. вы, кажется, никогда огня не боялись—за мной.

Толпа французовъ кинулась вслѣдъ за Наполеономъ. Въ полминуты нестерпимый жаръ обхватилъ каждаго; всѣ платья задымились. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, пожирающее съ ужаснымъ визгомъ дома, посреди которыхъ они шли: то крутилъ его въ воздухѣ, то загибалъ раскаленнымъ сводомъ надъ ихъ головами. Вокругъ съ оглушающимъ трескомъ ломались кровли, падали желѣзные листы и полуобгорѣвшія доски; на каждомъ шагу пылающіе бревна и кучи кирпичей преграждали имъ дорогу: они шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ.

— Впередъ, господа!—вскричалъ Наполеонъ:—впередъ! Одна быстрота можетъ спасти насъ!

Они добѣжали уже до середины переулка, который круто поворачивалъ налѣво; вдругъ польскій генералъ остановился: переулокъ упирался въ пылающій домъ—выхода не было.

— Злодѣй, измѣнникъ!—вскричалъ онъ, схвативъ за руку своего проводника.

Купецъ рванулся, повалилъ наземь генерала и кинулся одинъ въ догорающій домъ.

— За проводникомъ!—закричали нѣсколько голосовъ.—Этотъ домъ долженъ быть сквозной.

Но въ ту самую минуту, передняя стѣна съ ужаснымъ громомъ рухнулась, и среди двухъ столбовъ пламени, которые быстро поднялись къ небесамъ, открылась широкая каменная лѣстница. На одной изъ верхнихъ ея ступеней, окруженный огнемъ и дымомъ, какъ злой духъ, стерегущій преддверіе ада, стоялъ купецъ. Онъ кинулъ торжествующій взглядъ на отчаянную толпу французовъ и съ громкимъ хохотомъ исчезъ снова среди пылающихъ развалинъ.

— Мы погибли! — вскричалъ польскій генералъ.

Наполеонъ поблѣднѣлъ...

— Солдаты, — вскричалъ одинъ изъ маршаловъ, увидя вдали гвардейцевъ, — спасайте императора!

Гренадеры побросали награбленныя ими вещи и провели Наполеона сквозь огонь, на обширный дворъ, покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Тутъ встрѣтили его еще нѣсколько егерей итальянской гвардіи и, при помощи ихъ, вся толпа, переходя съ одного пепелища на другое, добралась, наконецъ, до Арбата. Для Наполеона отыскали какую-то лошаденку; онъ сѣлъ на нее, и въ семъ-то торжественномъ шествіи, наблюдая глубокое молчаніе, завоеватель Россіи доѣхалъ, наконецъ, до Дорогомиловскаго моста. Здѣсь въ первый разъ прояснились лица его свиты; вся опасность миновалась: они уже были почти за городомъ.

Наполеонъ, поворотя направо, вверхъ по теченію Москвы-рѣки, переправился, близъ села Хорошева, чрезъ пловучій мостъ, и, проѣхавъ нѣсколько верстъ полемъ, дотащился, наконецъ, до петербургской дороги. Тутъ кончилось достопамятное путешествіе императора французовъ отъ Кремля до Петровскаго замка, изъ котораго онъ переѣхалъ опять въ Кремль не прежде, какъ прекратились пожары, то-есть когда уже почти вся Москва превратилась въ пепелъ.

М. Загоскинъ.

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ уже близко... Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ.

Пушкинъ.

* * *

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ.

Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ!..
Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія...
Исчезни, краткій нашъ позоръ.
Благослови Москву, Россія!..

А. Пушкинъ.

Кремль.

О, Кремль отеческій, твой прахъ
Лобзаемъ въ умиленьи!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой,
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей оскверненный.
Но ты, Царя вѣнчавшій храмъ,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, Царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Гулъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей...
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

В. Жуковскій.

Посланіе къ Дашкову.

(Разореніе Москвы французами).

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары.
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,
Лишь угли, прахъ камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ вѣтреныхъ Цирцей [1])
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ, погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! Пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцевъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы [2]) и хариты [3]),
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Батюшковъ.

Русскій среди пылающей Москвы.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.
Я, самъ перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,

---

[1]) Волшебница.
[2]) Богини наукъ и искусствъ.
[3]) Богини красоты.

Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!
О, Кремль святой, святые храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыпьтесь надъ Москвой—горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыпьтесь надъ Москвой—горою!
Пылай, родная!—Богъ съ тобою.

Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле . . . .
Свирѣпствуй, ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ. . . Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Тимоѳеевъ.

Императоръ Александръ I и Мишо.

Девять дней послѣ оставленія Москвы, въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ оффиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не знавшій по-русски, впрочемъ, «хотя иностранецъ, но русскій въ глубинѣ души», какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него:

— Какія извѣстія привезли вы мнѣ? Дурныя, полковникъ?

— Очень дурныя, Ваше Величество,—отвѣчалъ Мишо, со вздохомъ, опуская глаза,—оставленіе Москвы.

— Неужели отдали мою древнюю столицу безъ битвы?—вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ Государь.

Мишо почтительно передалъ то, что ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ—потерять армію и Москву или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— Вступилъ ли непріятель въ городъ?—спросилъ Онъ.

— Да, Ваше Величество, и въ настоящую минуту Москва обращена въ пепелъ. Я оставилъ ее объятую пламенемъ,—рѣшительно сказалъ Мишо, но, взглянувъ на Государя, Мишо ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ. Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные, голубые глаза мгновенно увлажнились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость, и, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

— Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ,—сказалъ Онъ,—что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ... Я готовъ покориться Его волѣ; но скажите Мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, покидавшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

— Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ отчаянномъ страхѣ...

— Какъ такъ? — строго нахмурившись, перебилъ Государь — Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ передъ неудачей?.. Никогда!..

Этого только и ждалъ Мишо.

— Государь,—сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія,—они боятся только того, чтобы Ваше Величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова драться и доказать Вашему Величеству, жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы!..

— А!—успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ сказалъ Государь, ударяя по плечу Мишо.—Вы меня успокаиваете, полковникъ.

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Ну, такъ возвращайтесь къ арміи,—сказалъ Онъ, выпрямляясь во весь ростъ и съ ласковымъ и величественнымъ блескомъ обращаясь къ Мишо:—скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, Я самъ стану во главѣ моимъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства Моего государства.

— Этихъ средствъ больше, нежели думаютъ Мои враги,—говорилъ Государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ,—сказалъ Онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу,—чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ Моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ Моихъ рукахъ, Я отпущу бороду до сихъ поръ (Государь показалъ рукой на половину груди) и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ ихъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ Моей родины и Моего дорогого народа, жертвы котораго Я умѣю цѣнить!..—Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, Государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ въ глубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, Онъ большими шагами вернулся къ Мишо, и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо Государя раскраснѣлось, и глаза Его горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Полковникъ Мишо, не забудьте того, что Я вамъ сказалъ здѣсь: можетъ-быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ... Наполеонъ, или Я,—сказалъ Государь, дотрагиваясь до груди.—Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ Меня больше не обманетъ...—И Государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ Государя, Мишо, «хотя иностранецъ, но русскій въ душѣ», въ глубинѣ души почувствовалъ себя въ эту торжественную минуту восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Государь!—сказалъ онъ,—Ваше Величество подписываете въ эту минуту славу своего народа и спасеніе Европы!

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

Графъ Левъ Толстой.

Ворона и курица. [1])

Когда Смоленскій князь [2])
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ [3]) сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители,—и малый, и большой—
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
„А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?—
Ей съ возу курица кричитъ.—
Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.

---

[1]) Здѣсь изображаются бѣдствія французовъ въ Москвѣ отъ голода.
[2]) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.
[3]) Такъ названы здѣсь французы по имени древне-германскаго народа вандаловъ, отличавшихся грубостью и жестокостью.

— „Мнѣ что до этого за дѣло?—
Вѣщунья ей въ отвѣтъ.—Я здѣсь останусь смѣло;
Вотъ ваши сестры—какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!"
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.
Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

И. Крыловъ.

Пѣснь Донскому воинству.

(Военная пѣсня).

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ съ шумомъ Донъ изъ бреговъ,
Все запылало мщеньемъ-войною
Противъ враговъ.
Ай! Донцы!
Молодцы!
Только взгремѣло царское слово:
„Россы Полканы [1]), врагъ подъ Москвой!"
Тотчасъ сто тысячъ храбрыхъ готово
Броситься въ бой.
— Кто противъ Бога, кто противъ русскихъ?—
Выхвативъ саблю, рекъ атаманъ [2]):—
Праха не будетъ полчищъ французскихъ!
Гдѣ вражій станъ?
Царь православный! Всѣ мы готовы
На супостата бранью иттить,
Натискомъ быстрымъ адскіе ковы
Предупредить.
Русскимъ знакома къ славѣ дорога:
Съ Дона до Рейна вмигъ пролетимъ,
Всѣхъ превозможемъ съ вѣрой на Бога
И отомстимъ!
Вѣрь и надѣйся: Русь безопасна,
Силъ крестоносныхъ мышца крѣпка,
Страшенъ арканъ нашъ, сабля ужасна,
Пика мѣтка.
Тщетны всѣ козни Наполеона,
Не устрашитъ насъ множество силъ:
Матери Божіей съ нами икона
И Михаилъ [3]).
Время на кони: врагъ наступаетъ,
Вѣра святая къ брани зоветъ;
Правымъ и вѣрнымъ Богъ помогаетъ:
Дѣти, впередъ!
Грянемъ навстрѣчу полчищъ французскихъ,
Встанемъ, какъ горы, на уперти [4]),
Да не посмѣютъ въ сердце странъ русскихъ
Далѣ итти!
Грянули чада тихаго Дона:
М.ръ изумился, врагъ задрожалъ,
Рушилась слава Наполеона—
И побѣжалъ.
Гдѣ ни посмотришь,—пики мелькаютъ,
Граду подобно, стрѣлы шумятъ,
Пули, какъ пчелы, роемъ летаютъ,
Сабли звучатъ.
Противъ силъ русскихъ не устояли
Полмилліона буйныхъ головъ:
Сернамъ подобно, вострепетали
Отъ казаковъ.
Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенья въ бѣгствѣ найтить,
Всѣми корыстьми жертвовать рады,—
Только бъ уйтить.
Но не успѣли, какъ ни хитрили:
Врагъ кровожадный палъ при орлѣ,
Кости и славу всѣ положили
Въ русской землѣ.
Такъ былъ разрушенъ замыслъ крамольный,
Такъ былъ ужасный врагъ истребленъ,
Такъ православный, первопрестольный
Градъ освобожденъ.
Богу силъ горнихъ благодаренье,
Честь и спасибо мудрымъ вождямъ,
Слава монарху, царству спасенье,
Лавры донцамъ!
Ай! Донцы!
Молодцы!

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:

---

[1]) Богатыри.
[2]) Гр. М. И. Платовъ.
[3]) Знамя Михаила Архангела.
[4]) Какъ препятствіе пути

То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревогѣ,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь—кровавый бой,
Родня —донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
То чутко шевелитъ ушьми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

Денисъ Давыдовъ.

Студентъ риторики.

Зарѣцкій вынулъ изъ кармана кисетъ, высѣкъ огня и закурилъ свою трубку. Миновавъ Марьину рощу, они выѣхали на дорогу, ведущую въ Останкино; шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ той же самою дорогою шелъ одинъ прохожій. По его длинному кафтану, широкому поясу безъ складокъ, а болѣе всего по туго-заплетенной и застегнутой кверху косичкѣ, которая выглядывала изъ-подъ широкихъ полей его круглой шляпы, нетрудно было отгадать, что онъ принадлежитъ къ духовному званію; на полномъ и румяномъ лицѣ его изображалось какое-то беззаботное веселье; онъ шелъ весьма тихо, часто останавливался, поглядывалъ съ удовольствіемъ вокругъ себя, и вдругъ запѣлъ тонкимъ голосомъ:

Воспоемте, братцы, канту прелюбезну,
Воспомянемъ скуку,—сердцу преполезну,
Сидя въ школѣ
Во покоѣ,
Глядя всюду,
Обоюду...

— Послуйшай-ка, любезный,—прервалъ Зарѣцкій, поровнявшись съ пѣвцомъ.

— Quid est?—вскричалъ прохожій, повернувшись къ Зарѣцкому.— Что вамъ угодно, господинъ офицеръ?—продолжалъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Не знаете ли, гдѣ намъ проѣхать на Троицкую дорогу?

— Ступайте прямо, а тамъ поверните направо, мимо рощи. Вонъ видите село Алексѣевское? Оно на большой Троицкой дорогѣ. А что, господинъ офицеръ, что слышно о французахъ?

— Я думаю —они будутъ сегодня въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ!.. Ну, нечего сказать—Satis pro peccatis!.. А впрочемъ, унывать не надобно: finis coronat opus, то-есть: конецъ дѣло вѣнчаетъ; а до конца еще, кажется, далеко.

— И я тоже думаю.

— Конечно, продолжалъ ученый прохожій,—Наполеонъ, сей новый Атилла, есть истинно бичъ небесный; но подождите: non semper erunt Saturnalia,—не все коту масленица. Безспорно, этотъ Наполеонъ хитеръ, да и нашего главнокомандующаго нескоро проведешь. Повѣрьте, не даромъ онъ впускаетъ французовъ въ Москву. Пусть они теперь въ ней попируютъ, а онъ свое возьметъ. Нѣтъ, сударь! хоть свѣтлѣйшій смотритъ и не въ оба, а вѣдь онъ: sibi in mente, сирѣчь: себѣ на умѣ!

— Ого...—сказалъ, улыбаясь, Зарѣцкій, да вы большой политикъ, господинъ... господинъ...

— Студентъ риторики въ Перервинской семинаріи,—отвѣчалъ ученый, приподнявъ свою шляпу.

— А откуда вы, господинъ студентъ, идете и куда пробираетесь?

— Я вышелъ сегодня изъ Перервы, а куда иду—еще самъ не знаю. Вотъ изволите видѣть, господинъ офицеръ: меня забираетъ охота подраться также съ французами.

— Вотъ что!—сказалъ Зарѣцкій.—Ай, да господинъ ученый! Да не хотите ли въ гусары?

— Ни-ни, господинъ офицеръ! Я хочу сражаться, какъ простой гражданинъ. Теперь у насъ, безъ сомнѣнія, будетъ bellum populare—то-есть народная война, а такъ какъ крестьяне должны также имѣть предводителей...

— Понимаю: вы мѣтите въ начальники русскихъ гвериласовъ; но вѣдь и тутъ надобенъ нѣкоторый навыкъ и военныя познанія, а вы...

— Я знаю наизусть всѣ комментаріи Цезаря de Bello Gallico,—отвѣчалъ съ гордымъ взглядомъ семинаристъ.

— Вотъ это другое дѣло,—сказалъ преважно Зарѣцкій.—Итакъ, вы намѣрены...

— Драться до послѣдней капли крови! Да, сударь! Non est ad astra mollis et sera via—лежа на боку, великимъ не сдѣлаешься.

— Великимъ? Да ужъ не Александромъ ли васъ зовутъ, господинъ студентъ?

— Точно такъ, господинъ офицеръ.

— Ого! вотъ куда вы лѣзете! Впрочемъ, вамъ предстоитъ карьера блистательнѣе. Командуя македонской фалангой, нетрудно было побѣждать непріятеля; а вѣдь ваша армія будетъ состоять изъ мужиковъ, вооруженныхъ вилами и топорами; летучіе отряды изъ крестьянскихъ бабъ съ ухватами и кочергами; передовые посты...

— Смѣйтесь, смѣйтесь, господинъ офицеръ! Увидите, что эти мужики надѣлаютъ! Дайте только имъ порасшевелиться, а тамъ французы держись! Свѣтлѣйшій грянетъ съ одной стороны, графъ Витгенштейнъ съ другой, а мы со всѣхъ; да какъ воскликнемъ въ одинъ голосъ: procul, o procul, profani! то-есть: вонъ отсюда, нечестивцы! такъ Наполеонъ такого дастъ стречка изъ Москвы, что его собаками не догонишь.

— Врядъ ли онъ такъ скоро съ нею разстанется.

— Помилуйте! онъ, чай, и самъ не радъ, что зашелъ такъ далеко, да теперь ужъ дѣлать нечего. Вѣрно, думаетъ: авось пожалѣютъ Москвы и станутъ мириться. Вѣдь онъ ужъ не въ первый разъ поддѣваетъ на эту штуку. На то, сударь, пошелъ: aut Caesar, aut nihil—или панъ, или пропалъ. До сихъ поръ ему удавалось, а какъ разъ промахнется, такъ и поминай—какъ звали!

— Итакъ, вы думаете, господинъ студентъ, что Наполеонъ играетъ теперь на выдержку?

— Хуже, сударь! Онъ уже проигралъ, а теперь отыгрывается.

— Проигралъ? Однакожъ онъ дошелъ до Москвы.

— А дешево ли ему это стоило? Наши потери ничего: за одного убитаго явится десятеро живыхъ; а онъ хочетъ, не хочетъ, а послѣдній рубль ставь на карту. Вотъ года три тому назадъ—я не былъ еще тогда въ риторикѣ—во время рекреаціи, двое студентовъ схватились при мнѣ въ горку. Надобно вамъ сказать, что у насъ за столомъ только два блюда: говядина и каша. Одинъ изъ студентовъ, спустивъ всѣ деньги, сталъ играть на свою часть говядины и—проигралъ! Въ отчаяніи, терзаемый предчувствіемъ постной трапезы, онъ воскликнулъ такъ же, какъ Наполеонъ: aut Caesar, aut nihil! и предложилъ играть —на кашу! На кашу, единственное блюдо, оставшееся для утоленія его голода! Всѣ товарищи ахнули, а у меня волосы

стали дыбомъ, и тутъ я въ первый разъ постигнулъ, какъ люди проигрываютъ все свое состоянiе! Къ счастью, насъ позвали обѣдать, и мой товарищъ не успѣлъ довершить своего отчаяннаго предпрiятiя. Повѣрьте мнѣ, господинъ офицеръ, и Наполеонъ играетъ на кашу. Если ему не посчастливится заключить миръ, то горе окаянному! Всѣ язвы, всѣ казни египетскiя обрушатся на главу его! А коли удастся, такъ и то, слава Богу, когда при своемъ останется. Анъ и выйдетъ на повѣрку, что онъ magnus conatus magnas agit nugas, то-есть ходилъ ни по что, принесъ ничего. Но намъ должно прекратить нашу бесѣду,—продолжалъ семинаристъ.—Я пойду прямо на Свирлово, а вы извольте ѣхать вкось по рощѣ, тамъ минуете Алексѣевское и выѣдете на большую дорогу у самаго Ростокина. Прощайте, господинъ офицеръ!.. Cura, ut valeas!..

Студентъ приподнялъ свою шляпу и пошелъ по дорогѣ къ Останкину.

М. Загоскинъ.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ.

Разговоръ оживился. Серебряный кубокъ Давыдова переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ дружескомъ кружкѣ виднѣлись новыя лица, въ томъ числѣ и молодое, задумчивое цыгановатое лицо Жуковскаго въ ополченскомъ костюмѣ.

— Господа, — торжественно произнесъ Бурцевъ, который успѣлъ хватить больше другихъ и былъ въ возбужденномъ состоянiи. — Господа, сегодня на привалѣ, толкаясь между московскими ратниками, я набрелъ на слѣдующую картину: подъ кустомъ, закрытый отъ солнца тѣнью березы, сидитъ нѣкiй молодой витязь и, положивъ къ себѣ на колѣни записную книжку, строчитъ... И что же вы думали онъ строчитъ? Угадайте!

— Что? стихи?—отозвалось нѣсколько голосовъ, и всѣ обернулись къ Давыдову.

Давыдовъ съ удивленiемъ посмотрѣлъ на Бурцева.

— Строчили подъ кустомъ такое, я вамъ доложу... — и Бурцевъ, коварно подмигивая и щурясь, взглянулъ на Жуковскаго.

Жуковскiй давно сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Строчили, господа, вотъ что, — продолжалъ Бурцевъ: — «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

— Кто же это?—спросилъ Давыдовъ.

— А вонъ, наша красная дѣвушка,—указалъ Бурцевъ на Жуковскаго.

Жуковскiй, который совсѣмъ покраснѣлъ, хотѣлъ было уйти; но его стали упрашивать прочесть стихи, говорили, что нехорошо таиться отъ товарищей, что они всѣ теперь — одна семья. Жуковскiй говорилъ на это, что его стихи не кончены, что это только наброски, задуманныя, но не исполненныя картины,что въ нихъ нѣтъ связи, не вездѣ отдѣланъ стихъ; но ничто не помогло: его просили прочесть хотя отрывки. Нечего дѣлать, онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда небольшую, темно-малиноваго бархата, книжечку, вышитую разноцвѣтными бисерами, подсѣлъ ближе къ костру и несмѣлымъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами!
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна!
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!

Приступъ былъ удаченъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханiе. Давыдовъ сидѣлъ глубоко задумчивый: онъ чутьемъ поэта сразу ощутилъ мастер-

ство стиха; онъ чувствовалъ вѣяніе таланта. Бурцевъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на цыгановатое, робкое и скромное лицо поэта и не шевелился. Въ темнотѣ виднѣлись лица солдатиковъ, на которыя падалъ огонь отъ костра — и они слушали. Жуковскій, у котораго дрожали руки, какъ и голосъ, продолжалъ съ большой силой:

Наполнимъ кубокъ круговой,
Дружнѣе, рука въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Онъ остановился. Ропотъ одобренія былъ единодушный. Бурцевъ не усидѣлъ и бросился цѣловать поэта, восторженно повторяя: «безподобно! безподобно!.. божественно!..»

Съ трудомъ усадили забіяку и просили Жуковскаго продолжать. Тотъ снова отговаривался, что далѣе у него не все выправлено, но его просили, и онъ, перевернувъ листокъ, началъ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія!
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Отъ этихъ послѣднихъ стиховъ, казалось, дѣйствительно всѣ задрожали. Голосъ читавшаго перешелъ въ какой-то молитвенный тонъ, отзывавшійся и плачемъ, и восторгомъ. На лицахъ слушавшихъ горѣло и дрожало умиленіе. Всѣ были такъ глубоко потрясены и мелодіей голоса читавшаго, и прелестью, и музыкой стиха; мысль, положенная въ этотъ стихъ, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго; всѣмъ, пережившимъ ужасы послѣднихъ дней за эту именно родину, до того она казалась теперь дорогою съ ея полями и родными холмами, политыми кровью ихъ товарищей; этотъ милый свѣтъ родного неба, эти знакомые потоки, замутившіеся отъ родной же крови, и злытыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки, — все это теперь, и именно теперь, до того стало дорогимъ и святымъ, что гармоническія строфы, прочитанныя гармоническимъ полуплачущимъ голосомъ, вызвали какой-то стонъ восторга. Никто сначала не замѣтилъ за общимъ потрясеніемъ, а когда замѣтили, то не повѣрили, что Бурцевъ, этотъ всесвѣтный повѣса и пьяница, горько плакалъ, сидя на корточкахъ и мотая всклокоченной головой. Никто не замѣтилъ и того, что изъ-за спинъ и застывшихъ отъ вниманія лицъ солдатиковъ выглядывало худое и морщинистое и загорѣлое, старое лицо съ сѣдыми, нависшими на маленькіе глаза бровями, — лицо Платова, котораго хотя солдатики и узнали и посторонились было отъ него, но онъ знакомъ показалъ имъ, чтобъ они стояли смирно, не обращая на него вниманія.

Долго не могли придти въ себя слушатели; когда первый нѣмой восторгъ прошелъ, всѣ шумно начали хвалить молодого поэта, благодарили его, жали ему руки, и все просили: «дальше, ради Бога, дальше!»

Ободренный успѣхомъ, Жуковскій сталъ смѣлѣе перелистывать свою книжку.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишъ по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ—пышутъ села.

Солдаты заворошились и оглянулись. Сквозь ихъ кучу протискивался торопливо и нервно дергая себя за сѣдой усъ Платовъ: по лицу стараго атамана текли слезы, и онъ громко, какъ-то сердито, сморкался, шагая черезъ ноги сидѣвшихъ у костра офицеровъ и пробираясь къ Жуковскому. При видѣ атамана, произошло общее смятеніе, многіе съ изумленіемь вскочили съ мѣстъ.

— Сидите, пожалуйста, сидите, господа,—торопливо успокаивалъ старикъ.—Я къ вамъ тоже, я вотъ къ нимъ!..

И старикъ порывисто обнялъ молодого, окончательно смутившагося поэта, который узналъ Платова.

— Не стою я этого, мой другъ, — говорилъ расчувствованный старикъ.—Спасибо — похвалили, хоть и не заслужилъ!..

Жуковскій безсвязно бормоталъ что-то. Давыдовъ вѣжливо подошелъ къ старику и просилъ его не побрезговать ихъ кружкомъ — выкушать съ господами офицерами стаканъ чаю или чару вина. Старикъ благодарилъ, жалъ руки, утиралъ глаза. Ему очистили мѣсто около Давыдова, который казался хозяиномъ этой импровизированной гостиной у костра.

— Что прикажете, ваше превосходительство? вина?

— Винца, винца, мой другъ, спасибо!.. погрѣюсь у васъ и послушаю вотъ ихъ...

Когда смятеніе улеглось и Платовъ высморкался въ послѣдній разъ, Жуковскій снова завелъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ.
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи,
Какъ тѣнь прокрался въ кругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый.
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, глубоко потупившійся; рука, въ которой онъ держалъ давно погасшую трубку, дрожала. Старческіе свѣтлые глаза Платова радостно смотрѣли на него. И вдругъ Бурцевъ, словно сорвавшійся съ петли, зыбывъ и Платова, и все окружавшее, бросился на своего друга и сталъ душить его въ объятьяхъ.

— Дениска, Денисушка мой, вѣдь это ты, ракалья, — бормоталъ онъ, теребя озадаченнаго друга. — У, подлецъ, какой ты хорошій!

Офицеры покатились со смѣху. Даже солдаты прыснули. Но въ этотъ моментъ вдали бухнула, какъ изъ пустой бочки, вѣстовая пушка — и всѣ схватились съ мѣстъ. Надо было торопиться въ походъ.

Д. Мордовцевъ.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

На полѣ бранномъ тишина
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино—
Веселіе героя!
Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги,
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ,
Ихъ поприще предъ нами.
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами...
Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть,—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость, бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность—твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.
Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата.

Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.
Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами! [1])
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О, диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины... [2])
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье:
Тамъ стѣны... въ россахъ вся она;
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ-вождямъ;
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ—братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

---

[1]) Кутузовъ.
[2]) Во время объѣзда Кутузовымъ лагеря въ Царевѣ-Займищѣ, огромный орелъ летѣлъ надъ его головою

Нашъ Милорадовичъ, хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Онъ щитъ странѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ,
И вдругъ... движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламень боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ, и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.
Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ;
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.
Хвала, нашъ Несторъ [1])—Беннигсенъ,
И вождь и мужъ совѣта.
Блюдетъ враговъ не дремля онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала, нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
И Багговутъ среди громовъ,
Средь копій безмятежный!
И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный!
Нашъ твердый Воронцовъ, хвала!
О, други, сколь смутилась
Вся рать славянъ, когда стрѣла
Въ безстрашнаго вонзилась;
Когда полмертвъ, окровавленъ,
Съ потухшими очами,
Онъ на щитѣ былъ изнесенъ
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
Къ постели пригвожденный,
Онъ страждетъ, братскою толпой
Увѣчныхъ окруженный.
Ему возглавье бранный щитъ;
Незыблемый въ мученьѣ,
Онъ съ яснымъ взоромъ говоритъ:
„Друзья, бѣдамъ презрѣнье!"
И въ ихъ сердцахъ героя рѣчь
Веселье пробуждаетъ,
И, оживясь, до полы мечъ
Рука ихъ обнажаетъ.
Спѣши жъ, о, витязь нашъ, воспрянь,
Ужъ ангелъ истребленья
Горѣ подъялъ ужасну длань,
И близокъ часъ отмщенья.
Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.
О, витязь, ободрись... она
Твой спутникъ невидимый,
И ею свыше знамена
Дружинъ твоихъ хранимы.
Любви и скорби—оживитъ
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувшихъ возмутить
Покой ея могилы.
Хвала, нашъ Паленъ, чести сынъ!
Какъ бурею носимый,
Вездѣ впереди своихъ дружинъ
Разитъ, неотразимый.
Нашъ смѣлый Строгановъ, хвала!
Онъ жаждетъ чистой славы;
Она изъ мира увлекла
Его на путь кровавый...
О, храбрыхъ сонмъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
Вселенная: спасенье!
Хвала безропотнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй, въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья,
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья,
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!
Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.

---

[1]) Герой Троянской войны, главный совѣтникъ въ военныхъ дѣлахъ.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
  Онъ вихремъ въ бой кровавый;
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
  Вина, любви и славы.
Кудашевъ скокомъ черезъ ровъ
  И летомъ на стремнину;
Бросаетъ взглядомъ Чернышевъ
  На мечъ и громъ дружину;
Орловъ—отважностью орелъ;
  И мчитъ грозу ударовъ,
Сквозь дымъ и огнь, по грудамъ тѣлъ,
  Въ среду враговъ Кайсаровъ.
Друзья, кипящій кубокъ сей
  Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
  Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
  Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
  Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
  Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
  Близъ тихой ихъ могилы.
Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
  Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
  И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
  Тамъ брань его сразила [1]);
Гдѣ колыбель его была,-
  Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
  Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
  Герой нашъ незабвенной.
А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
  Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
  Прекрасенъ былъ, какъ радость;
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,
  Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
  Одушевлялись струны...
О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
  Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
  И нѣтъ на немъ героя.
И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
  Какою взятъ могилой?..
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
  Искать, гдѣ пепелъ милый...
Тамъ чище ранняя роса,
  Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
  И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
  Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
  Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
  Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
  Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
  Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
  „Увы, намъ! скоро грянетъ“.
А онъ навѣки взоръ смежилъ,
  Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ
  Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!
И честь вамъ, падшіе друзья!
  Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
  Хвала васъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
  Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
  Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
  И водрузитъ тамъ знамя.
Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй!
  И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! Нашъ роковой
  Обѣтъ предъ богомъ брани.
Вотще, о, врагъ, изъ тьмы племенъ
  Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ
  И жаждутъ низложенья.
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ;
  Тамъ стрѣлы и кольчуги;
Мы села— въ пепелъ, грады—въ прахъ,
  Въ мечи—серпы и плуги.
Злодѣй! онъ лестью приманилъ
  Къ Москвѣ свои дружины;
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
  Съ Кремлевскія вершины.
„Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
  Пойду... и все восплещетъ!
И въ прахъ падутъ съ своимъ царемъ!“
  Пришелъ... и самъ трепещетъ;
Подвигло мщеніе Москву:
  Вспылала предъ врагами
И грянулась на ихъ главу
  Губящими стѣнами.
Веди жъ своихъ царей-рабовъ
  Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
  Во срѣтеніе глада...
Зима, союзникъ нашъ, гряди!
  Имъ запертъ путь возвратный:
Пустыни въ пеплѣ позади,
  Предъ ними сонмы ратны.
Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
  Духъ алчности иль мщенья?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей:
  За правыхъ Провидѣнье!

В. Жуковскій [2]).

---

[1]) Я. П. Кульневъ убитъ въ 30 верстахъ отъ г. Люцина, гдѣ онъ родился.
[2]) Поэтъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, когда и написалъ это стихотвореніе, которое онъ закончилъ въ лагерѣ подъ Тарутинымъ.

Народная пѣсня.

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ вровень стать,—
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда съ клешней тащится,—
И давай плясать!
Невпопадъ пошелъ англезу,
Вздумалъ, бросивъ экосезу,
Польскую пройтить,
Не видавши пыли русской,
Кверху вздернулъ носъ французскій
И давай кружить!
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ.
— Семъ, на Русь пойду!
Тамъ я „барыню" пройдуся,
Фертомъ въ боки подопруся,
Пляску заведу!
Бородинскія заботы
Не отбили въ немъ охоты
Въ матушку Москву.
Побывать-то удалося,
Да не такъ отозвалося:
Не съ кѣмъ поплясать.
Только проложилъ дорогу,
Занозилъ скоренько ногу:
Пришлось отдыхать.
Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово!
Старый воробей!..
Знавши вывертки французски,
Заиграть велѣлъ по-русски
Музыкѣ своей.
Наши грянули по-свойски,—
Мы не знаемъ по-заморски,
Ну-тка, казачка!
Чуть прослышалъ корсиканецъ:
— Провались, проклятый танецъ!
Дастъ онъ мнѣ толчка!
То ли дѣло по-нѣмецки
Танцовать по-молодецки
Старый алемандъ.
— Видно, хватъ, ты изъ французовъ, —
Говоритъ ему Кутузовъ.—
Нѣтъ, братъ, погоди!
Шаркать мастеръ ты ногою,
Семъ, попляшемъ мы съ тобою,
Ну-тка, выходи!
Захотѣлъ плясать по-русски,
Присѣдай-ка по-французски
Ты, Наполеонъ!—
Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать пардонъ.
Сталъ онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Морганулъ онъ Коленкуру:
Семъ-ка выкинемъ фигуру
На цыганскій ладъ!
Бросивъ пышныя ухватки,
По-цыгански, безъ оглядки
Шаркнули назадъ.
Не соваться было въ воду,
Не спросяся прежде броду
Хватъ-богатырю!
Мать россійская держава,—
Силы много! Слава, слава
Бѣлому Царю!

О народной оборонѣ.

Неужто забыть намъ двѣнадцатый годъ?
Неужели нами забыты
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты?
Порогъ нашъ былъ попранъ, къ намъ грозной войной
Всѣ двадесять вторглось языка,
И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.
Въ то время — не въ писанномъ правѣ войны,
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись — кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.
Во гнѣвѣ возстали за честь очага
И старый, и малый не даромъ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.
Доселѣ мы въ пѣсняхъ народныхъ поемъ,
На память великой той были,
Какъ мы, не стѣсняясь во гнѣвѣ своемъ,
Десятками тысячъ французовъ живьемъ
Въ родные сугробы зарыли.
И лава за лавой, по зову царя,
Стремились на брань ополченья,
Любовью къ отчизнѣ и местью горя.
И грозно свѣтила пожаровъ заря
На дерзкихъ враговъ отступленье.
Извѣдалъ тогда ужаснувшійся врагъ,
Узнали Европы народы,
Какъ грозенъ возстанія русскаго стягъ,
Подъятый въ могучихъ народа рукахъ
Во имя народной свободы!
Народною дланью Русь спасена!
Мы вѣрить привыкли сызмала,
Что тѣмъ-то была и права и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала...

Хитрово

Партизаны [1]).

Одѣвшись во французскія шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь, и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ велѣлъ сопровождавшимъ его казакамъ дожидаться тутъ и поѣхалъ крупною рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Если попадемся, я живьемъ не отдамся, у меня пистолетъ, — прошепталъ Петя.

— Не говори по-русски! — быстрымъ шопотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ: «Кто идетъ?» — и звонъ ружья.

Кровь бросилась въ лицо Пети и онъ схватился за пистолетъ.

— Уланы шестого полка, — проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади.

Черная фигура часового стояла на мосту.

— Пароль?

Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Скажите, здѣсь ли полковникъ Жераръ? — сказалъ онъ.

— Пароль, — не отвѣчая, сказалъ часовой, загораживая дорогу.

— Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спрашиваютъ пароля! — крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часового. — Я спрашиваю, тутъ ли полковникъ, — и, не дождавшись отвѣта отъ посторонившагося часового, Долоховъ поѣхалъ шагомъ въ гору.

Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходившаго черезъ дорогу, Долоховъ остановилъ этого человѣка и спросилъ, гдѣ командиръ и офицеры. Человѣкъ этотъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, солдатъ, остановился, близко подошелъ къ лошади Долохова, дотрогиваясь до нея рукой, и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ съ правой стороны на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что-то, и солдатъ въ колпакѣ и синей шинели, стоя на колѣняхъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

— Охъ, этотъ жестокъ, не проваришь, — говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

— Онъ заставитъ ходить кроликовъ (франц. поговорка), — со смѣхомъ сказалъ другой.

Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру со своими лошадьми.

— Здравствуйте, господа! — громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

Офицеры зашевелились въ тѣни, и одинъ высокій офицеръ съ длинной шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

— Это — ты, Клеменъ? — сказалъ онъ, — Откуда чортъ...

Но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку, и, слегка нахмурившись, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая, чѣмъ онъ можетъ служить.

---

[1]) Въ этомъ отрывкѣ изъ романа гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ", подъ именемъ Долохова изображенъ извѣстный партизанъ 12-го года А. С. Фигнеръ.

Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ, и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о шестомъ полку. Никто ничего не зналъ, и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали,—сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ-за костра.

Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше. Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ, и на корточкахъ присѣлъ рядомъ съ офицеромъ съ длинною шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ: какого онъ былъ полка? Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

— Эти разбойники вездѣ, — отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ, какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки, вѣроятно, не смѣютъ нападать, — прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

«Ну, теперь онъ уѣдетъ», всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ спрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше бы разстрѣлять эту сволочь, -и громко засмѣялся такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, что французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ невольно отступилъ на шагъ отъ костра

Никто не отвѣтилъ на слова и смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не было видно (онъ лежалъ, укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«Подадутъ или нѣтъ лошадей», думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

Лошадей подали.

— Прощайте, господа, — сказалъ Долоховъ.

Петя хотѣлъ сказать «bonsoir» и не могъ договорить слова.

Офицеры что-то шопотомъ говорили между собою. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ подлѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобы увидать, бѣгутъ или не бѣгутъ за ними французы.

Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился прислушиваясь. «Слышишь?» сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту, Петя съ Долоховымъ проѣхали часового, который, ни слова не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту, и выѣхали на лощину, гдѣ дожидались казаки.

Гр. Левъ Толстой.

Народная война.

Посреди большого села, на обширномъ лугу, или площади, на которой разгуливали овцы и рѣзвились ребятишки, стояла ветхая деревянная церковь съ высокой колокольней. У дверей ея, на одной изъ ступеней поросшей травою лѣстницы, сидѣлъ старикъ, лѣтъ восьмидесяти, въ зеленомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ, обшитымъ позументомъ; съ полдюжины медалей, различныхъ формъ и величины, покрывали грудь его. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, который стоялъ передъ нимъ и, по наряду своему, казалось, принадлежалъ къ духовному званію.

— Нѣтъ, Александръ Дмитричъ! — говорилъ старикъ, покачивая головою, — рано ли, поздно ли, а не сдобровать нашему селу: чай, злодѣи-то на нась больно зубы грызутъ.

— Оно и есть за что! — сказалъ молодой человѣкъ: — вѣдь мы у нихъ, какъ бѣльмо на глазу. Да Богъ милостивъ! Кой-какъ до сихъ поръ съ ними справлялись. Fortes fortuna adjuvat то-есть: смѣлымъ Богъ владѣетъ, Кондратій Пахомычъ.

— Конечно, батюшка, за правое дѣло Богъ заступа; а все-таки, какъ провѣдаютъ въ Москвѣ, что въ нашемъ селѣ легло сотъ пять-шесть французовъ, да пришлютъ сюда полка два

— Такъ что жъ? Будемъ драться.

— Александръ Дмитричъ! — раздался голосъ съ колокольни, — никакъ наши идутъ. Вотъ впереди Ерема косой, да солдатъ Потапычъ; они ведутъ какого-то чужого.

— Пойдемъ, Кондратій Пахомычъ, въ мірскую избу. Если они въ самомъ дѣлѣ захватили какого-нибудь подозрительнаго человѣка, такъ надобно его порядкомъ допросить; а то, пожалуй, у нашихъ молодцовъ и правый будетъ виноватъ: auri est bonus..

Мірская изба, построенная на томъ же лугу, или площади, противъ самой церкви, отличалась отъ прочаго жилья только тѣмъ, что не имѣла двора и была нѣсколько просторнѣе другихъ избъ. Когда инвалидъ и семинаристъ вошли въ управу сельскаго благочинія, то нашли уже въ ней человѣкъ пять стариковъ и сотника. Сержантъ и нашъ ученый латинистъ, поклонясь присутствующимъ, заняли передній уголъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошли въ избу: отставной солдатъ съ ружьемъ, а за нимъ широкоплечій крестьянинъ съ рыжей бородою, вооруженный также ружьемъ и большимъ поварскимъ ножомъ, заткнутымъ за поясъ. Въ сѣняхъ и вокругъ избы столпилось человѣкъ двѣсти крестьянъ, по большей части, съ ружьями, отбитыми у французскихъ солдатъ.

— Ну что, ребятушки? — вскричалъ сержантъ, — расчесали, что ль, ихъ?

— Какъ пить дали, Кондратій Пахомычъ!

— Неужели-то и отпору вамъ не было?

— Какъ не быть! Мы, знаешь, сначала изъ-за кустовъ какъ шарахнули!.. Вотъ они пріостановились, да и ну отстрѣливаться; а пуще какой-то въ мохнатой шапкѣ, командиръ, что ль, ихъ, такъ и загорланилъ: алонъ, камратъ! Да другіе-то прочіе не такъ, чтобъ очень, все какая-то вольница; стрѣльнули раза три, да и вразсыпную. Не знаю, сколько ихъ ушло, а кучка порядочная въ лѣсу осталась.

— Что за притча такая? — сказалъ сотникъ. — Откуда берутся эти французы? Бьемъ, бьемъ — а все ихъ много!

— Видно, сватъ Пахомычъ, — прервалъ крестьянинъ въ синемъ кафтанѣ, — они какъ осеннія мухи. Да вотъ погоди! какъ придетъ на нихъ Егорей съ гвоздемъ, да Никола съ мостомъ, такъ всѣ передохнутъ.

— Мы, Пахомычъ, — сказалъ рыжій мужикъ, — захватили одного живьемъ. Кто его знаетъ? Баетъ по-нашему и стоитъ въ томъ, что онъ православный. Онъ наговорилъ намъ съ три короба: вишь, ушелъ изъ Москвы, и русскій-то онъ офицеръ, и вовсе не якшается съ нашими злодѣями, и то и се, и дьяволъ его знаетъ! Да все лжетъ, проклятый! не вѣрьте; онъ притоманный французъ.

Два крестьянина, вооруженные топорами, ввели Рославлева въ избу.

— Да повѣрьте мнѣ, братцы! — сказалъ Рославлевъ, — я васъ не обманываю: я, точно, русскій офицеръ.

— И впрямь, православные! — промолвилъ Терентій; — ужъ не русскій ли?

— Точно русскій, — подхватилъ семинаристъ.

— А если русскій, — возразилъ отставной солдатъ, — такъ онъ измѣнникъ!

— Измѣнникъ! — повторилъ съ негодованіемъ Рославлевъ.

— Вѣстимо, измѣнникъ! — закричалъ Ерема. — Ради чего ты ѣхалъ съ французскимъ офицеромъ? А?

— Мой товарищъ также русскій офицеръ, а нарядился французомъ для того, чтобъ выручить меня изъ Москвы.

— Экъ съ чѣмъ подъѣхалъ! На васъ пошлюсь, православные: ну, станетъ ли русскій офицеръ пѣть эти басурманскія пѣсни?

— Вѣстимо, не станетъ! — закричали крестьяне.

— Клянусь вамъ Богомъ, ребята, — продолжалъ Рославлевъ, — я и мой товарищъ — мы оба русскіе. Онъ гусарскій ротмистръ Зарѣцкій, а я гвардіи поручикъ Рославлевъ.

— Рославлевъ! — повторилъ съ необычайною живостью сержантъ. — А какъ звали вашего батюшку?

— Сергѣемъ Дмитричемъ.

— Не припомните ли, сударь, гдѣ онъ изволилъ служить капитаномъ?

— Онъ служилъ капитаномъ при Суворовѣ, въ Фанагорійскомъ полку.

— Ну, такъ и есть! — воскликнулъ съ радостью сержантъ, вскочивъ со скамьи. — Ваше благородіе! вѣдь батюшка вашъ былъ моимъ командиромъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ штурмовали Измаилъ.

— Слышите ль, братцы! — сказалъ семинаристъ.

— Слышимъ-ста! — отвѣчалъ Ерема: — да намъ-то что до этого?

— Какъ что? — прервалъ сержантъ; — да развѣ сынъ моего командира можетъ быть измѣнникомъ? Ну, статочное ли это дѣло? Не правда ли, дѣтушки?

Всѣ крестьяне встали со своихъ мѣстъ, поглядывали другъ на друга; одинъ почесывалъ голову, другой пожимался; но никто не отвѣчалъ ни слова.

— Что это, братцы? — продолжалъ сержантъ; — неужели-то вы и мнѣ, старику, вѣрить не хотите?

— Вѣрить-та мы тебѣ вѣримъ, — отвѣчалъ Ерема, — да вѣдь не всѣ сыновья въ отцовъ родятся, Пахомычъ!

— Всяко бываетъ, конечно, — промолвилъ Терентій: — да вѣдь не даромъ же и пословица: недалеко яблочко отъ яблони падаетъ. Ну, какъ вы думаете, православные?

— Какъ ты, Терентій Иванычъ? — отвѣчали сотникъ и старики.

— А по мнѣ вотъ какъ: ужъ если Кондратій Пахомычъ за него порукою, такъ намъ и баять нечего. Поклонъ его благородію, да милости просимъ въ передній уголъ! Такъ ли, православные?

— Ну, коли такъ, такъ такъ! — повторили въ одинъ голосъ крестьяне. — Милости просимъ, батюшка!

— Ваня, — сказалъ Терентій, — сбѣгай ко мнѣ, да принеси-ка жбанъ браги, каравай хлѣба и спроси у Андреевны пирогъ съ кашею: чай, его милость проголодаться изволилъ.

— Чу!..—вскричалъ сотникъ: — что это?

- Французы, французы! — загремѣли сотни голосовъ на улицѣ. Всѣ бросились опрометью изъ избы, и въ одну минуту густая толпа окружила колокольню.

— Ну, ребята! — сказалъ сержантъ, — смотрите, стоять грудью за нашу матушку, святую Русь, и вѣру православную.

— Стоять - то мы рады, прервалъ сотникъ; — да слышишь, Кондратій Пахомычъ, ихъ идетъ несмѣтная сила.

— Такъ что жъ!

— Не одолѣешь, кормилецъ! Много ли насъ?

— Да и французовъ-то, вѣрно, не больше, — сказалъ Рославлевъ, они растянулись по дорогѣ, такъ издали кажется, что ихъ много.

— Охъ, батюшка! — подхватилъ Терентій, — хитры они, злодѣи! не пошлютъ мало. Вѣдь они, басурманы, ужъ давнымъ-давно до насъ добираются.

— Ну, православные: – сказалъ Пахомычъ, — говорите, что дѣлать?

Ни одинъ голосъ не отозвался на вопросъ сотника. Всѣ крестьяне поглядывали молча другъ на друга, и на многихъ лицахъ ясно изображались недоумѣніе и робость.

– Эхъ, худо дѣло! — шепнулъ сержантъ. — Ваше благородіе: — продолжалъ онъ, обращаясь къ Рославлеву, — не принять ли вамъ команды? Вы человѣкъ военный, такъ авось это нашихъ ребятъ поокуражить. Эй, братцы, сюда! слушайте его благородія!

— Ужъ если вы начали служить вѣрой и правдой царю православному, такъ и дослуживайте! Что намъ считать, много ли ихъ? Наше дѣло правое — съ нами Богъ!

— А съ ними чортъ! — заревѣлъ Ерема. — Что, въ самомъ дѣлѣ! драться, такъ драться!

— Такъ за мной, православные! — воскликнулъ отставной солдатъ.— Ура! за батюшку Царя и святую Русь!

— Ура! — подхватила вся толпа.

— Теперь слушайте, ребята! — продолжалъ Рославлевъ. Ты, я вижу, господинъ церковникъ, молодецъ! Возьми-ка съ собой человѣкъ пятьдесятъ съ ружьями, да засядь вонъ тамъ въ кустахъ, за болотомъ, около дороги, и лишь только непріятель васъ минуетъ...

– Такъ мы вдогонку и откроемъ по немъ огонь? Понимаю, господинъ офицеръ. Это въ родѣ тѣхъ засадъ, о коихъ говоритъ Цезарь въ комментаріяхъ своихъ de bello Gallico.

— Ты, служивый, и ты, молодецъ,— продолжалъ Рославлевъ, обращаясь къ отставному солдату и Еремѣ, — возьмите съ собой человѣкъ сто также съ ружьями, ступайте къ рѣчкѣ, разломайте мостъ, и когда французы станутъ переправляться въ бродъ...

— То мы изъ-за деревьевъ пустимъ по нихъ такую дробь, — прервалъ солдатъ, — что имъ небо съ овчинку покажется.

Крестьяне, зарядивъ свои ружья, отправились въ назначенныя для нихъ мѣста, и на лугу осталось не болѣе восьмидесяти человѣкъ, вооруженныхъ по большей части дубинами, топорами и рогатинами. Къ нимъ вскорѣ присоединились сотни три женщинъ съ ухватами и вилами. Ребятишки, старики, больные, — однимъ словомъ, всякій, кто могъ только двигаться и подымать руку, вооруженную чѣмъ ни попало, вышелъ на лугъ.

Въ глубокой тишинѣ, изрѣдка прерываемой рыданіями и молитвою, стояла вся толпа вокругъ церкви.

Вдругъ вдали раздался залпъ изъ ружей, и вслѣдъ за нимъ загремѣли частые выстрѣлы по эту сторону рѣчки, на берегу которой стояли французы.

Минутъ двадцать продолжалась жаркая перестрѣлка; потомъ выстрѣлы стали рѣже, раздался конскій топотъ, и мальчикъ закричалъ:

— Крестный, крестный! никакъ нашихъ гонятъ назадъ.

— Впередъ, друзья!—воскликнулъ Рославлевъ; но въ ту же самую минуту показались на улицѣ бѣгущіе безъ порядка крестьяне, преслѣдуемые французскими латниками.

— За мной, ребята, на паперть! — закричалъ Рославлевъ.

Сержантъ и человѣкъ тридцать крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, кинулись вслѣдъ за нимъ, а остальные разсыпались во всѣ стороны. Непріятельская конница выскакала на площадь.

— Ну, братцы!—сказалъ Рославлевъ,—если злодѣи насъ одолѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, не дадимся живые въ руки. Стрѣляйте по коннымъ, да мѣтьте хорошенько!

Въ полминуты человѣкъ десять латниковъ слетѣло съ лошадей.

— Славно, дѣтушки! — вскричалъ сержантъ; — знатно! вотъ такъ!.. Саржируй, то-есть заряжай, проворнѣй, ребята! Ай да Герасимъ!.. друговато еще!.. Смотри, вонъ этого-то, что юлитъ впереди!.. Свалилъ!.. Ну, молодецъ!.. Эхъ, братъ! въ фаногорійцы бы тебя!..

Густая колонна непріятельской пѣхоты приближалась скорымъ шагомъ къ площади.

— Ребята!—вскричалъ сержантъ,—стыдно и грѣшно старому солдату умереть съ пустыми руками; дайте и мнѣ ружье!

Вдругъ дикій, пронзительный крикъ пронесся отъ другого конца селенія, и человѣкъ двѣсти казаковъ, наклоня свои дротики, съ визгомъ промчались мимо церкви. Въ одну минуту латники были смяты, пѣхота опрокинута, и въ то же время, русское «ура!» загремѣло въ тылу у французовъ; человѣкъ триста крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень и семинаристъ со своимъ отрядомъ ударили въ разстроеннаго непріятеля. Съ четверть часа, окруженные со всѣхъ сторонъ, французы упорно защищались; наконецъ, болѣе половины непріятельской пѣхоты и почти вся конница легли на мѣстѣ, остальные положили оружіе.

Въ продолженіе сего короткаго, но жаркаго дѣла, Рославлевъ замѣтилъ одного русскаго офицера, который, повидимому, командовалъ всѣмъ отрядомъ; онъ леталъ и крутился, какъ вихрь, впереди своихъ наѣздниковъ: лихой горскій конь его перепрыгивалъ черезъ кучи убитыхъ, топталъ въ ногахъ французовъ и съ быстротою молніи переносилъ его съ одного мѣста на другое. Когда сраженье кончилось и всѣхъ плѣнныхъ окружили цѣпью казаковъ, едва успѣвающихъ отгонять крестьянъ, которые, какъ дикіе звѣри, рыскали вокругъ побѣжденныхъ, начальникъ отряда, окруженный офицерами, подъѣхалъ къ церкви. При первомъ взглядѣ на его вздернутый кверху носъ, черные усы и живые, исполненные ума

и веселости глаза, Рославлевъ узналъ въ немъ, несмотря на старинный полуказачій и полукрестьянскій нарядъ своего знакомца, который въ мирное время—пѣвецъ любви, вина и славы—обворожалъ друзей своей любезностью и добродушіемъ, а въ военное, какъ ангелъ истребитель, являлся съ своими крылатыми полками, какъ молнія губилъ и исчезалъ среди враговъ, изумленныхъ его отвагою; но и посреди безпрерывныхъ тревогъ войны, подобно древнему Скальду, онъ [1]) не оставлялъ своей златострунной цѣвницы:

> **Славилъ Марса и Темиру**
> **И бранную повѣсилъ лиру**
> **Межъ вѣрной сабли и сѣдла.**

— Это ты, — раздался знакомый голосъ на церковной паперти. — Ты живъ, мой другъ? Слава Богу.

Рославлевъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Зарѣцкій въ томъ же французскомъ мундирѣ, но въ русской кавалерійской фуражкѣ и форменной сѣрой шинели.

М. Загоскинъ.

Нашъ первый успѣхъ.

Тарутинскій бой.

Въ Тарутинѣ, противъ нашего авангарда, расположенъ былъ Мюратъ со всею резервною кавалеріею и четырьмя пѣхотными дивизіями, всего до 25.000 человѣкъ. Французы стояли на правомъ берегу Чернишины, отъ впаденія ея въ Нару до селеній Тетеринки и Дмитріевскаго. Правый флангъ Мюрата былъ защищенъ крутыми берегами Нары и Чернишины, но его лѣвое крыло стояло въ мѣстахъ открытыхъ, безъ природной и искусственной обороны. Находившійся на оконечности его фланга лѣсъ не былъ занятъ непріятелями; они даже не сдѣлали въ лѣсу засѣкъ и не имѣли въ немъ постовъ.

Нѣсколько разъ казаки авангарда Милорадовича пробирались сквозь лѣсъ, до крайней опушки, откуда ясно видѣли лагерь непріятельскій, и все, въ немъ происходившее. Казачья партія съ сотникомъ Урюпинскимъ заходила даже въ тылъ французамъ, которые ее не замѣтили. Объ оплошности Мюрата увѣдомили казаки начальниковъ своихъ, и когда показанія донцовъ были признаны справедливыми, родилась мысль о возможности подвести скрытно часть арміи къ нашей передовой цѣпи, а съ другою частью пройти лѣсомъ и ударить во флангъ французовъ. Беннигсенъ предложилъ Кутузову напасть на Мюрата.

Назначили атаковать Мюрата 6-го числа. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ лагерь къ вечеру 5-го. При немъ переправлялись колонны черезъ Нару.

Смерклось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажна, такъ, что войска шли безъ шума, даже не слышно было движенія артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанья, все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Наконецъ, при свѣтломъ заревѣ огней непріятеля, показавшихъ намъ мѣсто расположенія французовъ, остановились колонны на ночь, тамъ, откуда въ слѣдующее утро надлежало вести атаку, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ Стромилова въ Дмитріевское. Передъ зарею, 6-го октября, явился къ нему польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго, вызываясь, если

---

[1]) Поэтъ-партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

дадутъ ему конвой, схватить Мюрата, ночевавшаго, по его увѣренію, въ деревнѣ позади лагеря, съ незначительнымъ карауломъ. Сто червонцевъ при успѣхѣ, смерть въ случаѣ обмана, обѣщаны переметчику. Съ нимъ отрядили генералъ-майора Грекова, съ двумя казачьими полками, въ томъ числѣ Атаманскимъ. Едва отправились они за лакомою добычею, какъ начало свѣтать. Орловъ-Денисовъ вышелъ изъ лѣса, и, взглянувъ съ возвышенія влѣво, откуда наши колонны должны были наступать, не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Напротивъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, позади котораго стоялъ онъ, начинали подниматься отъ сна. Опасаясь быть открытымъ французами и ожидая ежеминутно появленія нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, онъ отмѣнилъ намѣреніе схватить Мюрата, послалъ воротить Грекова, и тотчасъ понесся съ 10-ю донскими полками прямо на французовъ. Едва успѣли поворотить пушки, и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, побѣжали за Рязановскій оврагъ. Весь лагерь на правомъ берегу Чернишины и 38 орудій схвачены казаками; сотня донцовъ съ сыномъ Платова проскакала черезъ лагерь мимо Петеринки, прямо къ нашей пѣхотѣ.

Пока Орловъ-Денисовъ собиралъ разсыпавшіеся по французскимъ бивакамъ полки, чтобы вести ихъ далѣе противъ непріятеля, начавшаго за оврагомъ выстраиваться, показался изъ лѣса Багговутъ, не со всѣмъ своимъ корпусомъ, но только съ егерскою бригадою Пиллара и полуротою артиллеріи. Ея выстрѣлы должны были служить сигналомъ общей атаки, уже произведенной Орловымъ-Денисовымъ, прежде, нежели послѣдовали эти выстрѣлы. Маршъ корпуса Багговута, за которымъ шелъ корпусъ графа Строганова, былъ задержанъ въ лѣсу разными противорѣчащими приказаніями, привозимыми къ войскамъ.

Сверхъ того, полки 4-й дивизіи, Кременчугскій и Волынскій, и слѣдовавшая позади ихъ 17-я дивизія, Олсуфьева, впотьмахъ сбились съ дороги въ лѣсу, и отъ того ни они, ни корпусъ графа Строганова не поспѣли во-время на назначенныя мѣста, а пришли только бригада Пиллара и бывшій въ головѣ 4-й дивизіи Тобольскій пѣхотный полкъ, при которомъ находился дивизіонный ея начальникъ, принцъ Евгеній Виртембергскій.

Выйдя изъ лѣса съ бригадой, Багговутъ тотчасъ открылъ огонь изъ орудій, но былъ убитъ однимъ изъ первыхъ ядеръ, пущенныхъ съ непріятельской батареи при Тетеринкѣ. Со смертью этого отличнаго генерала прекратилась общая связь дѣйствій его корпуса. Егеря разсыпались въ стрѣлки, нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими въ лѣсу колоннами; частныя усилія ихъ оставались тщетны, потому что Мюратъ успѣлъ уже выстроиться, перемѣнилъ фронтъ и осадилъ лѣвый флангъ назадъ. Слѣва отбивалъ онъ кирасирами атаки графа Орлова-Денисова, съ фронта открылъ огонь съ батарей, а между тѣмъ отправлялъ назадъ обозы, чтобы они не мѣшали отступленію, но минута удачнаго нападенія уже прошла, и Мюратъ былъ въ полномъ отступленіи. Отрядъ графа Орлова-Денисова нѣсколько разъ покушался отрѣзать ему дорогу на Спасъ-Куплю, но не могъ въ томъ успѣть, хотя и былъ поддержанъ частью дивизіи принца Евгенія.

Другіе корпуса, при которыхъ лично находился фельдмаршалъ, долго стояли неподвижно на мѣстѣ. По диспозиціи было имъ назначено быстрымъ наступленіемъ опрокинуть все находящееся передъ ними, но при началѣ сраженія Кутузовъ не ввелъ ихъ въ дѣло. Онъ разсчитывалъ, что успѣхъ тотчасъ рѣшится въ нашу пользу, если Беннигсену удастся произвести внезапную атаку, а въ противномъ случаѣ, если Беннигсена отобьютъ, то корпусъ, не вступившій въ сраженіе, и стоявшій въ виду непрія-

теля въ боевомъ порядкѣ, однимъ появленіемъ своимъ сможетъ предупредить послѣдствія, какія могла повлечь за собою неудача нашего праваго крыла.

Увидя, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, фельдмаршалъ велѣлъ стоявшимъ въ центрѣ пѣхотнымъ корпусамъ, предшествуемымъ кавалеріею Корфа, двинуться къ Чернишинѣ, а Васильчикова съ отдѣльнымъ отрядомъ послалъ въ правый флангъ непріятеля.

Неоднократно покушался Мюратъ, останавливаться, не для отпора, но для устройства войскъ и удаленія тяжестей, однако—каждый разъ испытываетъ неудачу. Нѣсколько полковъ его обратились въ бѣгство; кавалеристы, безъ сѣделъ и мундштуковъ, мчались туда и сюда по произволу своихъ тощихъ клячъ. Преслѣдованіе продолжалось семь верстъ, до Спасъ-Купли, гдѣ Мюратъ занялъ позицію и прикрылъ ее батареями; но онѣ не помѣшали бы дальнѣйшему за нимъ преслѣдованію, если бъ была на то воля Кутузова. Въ вечеру Мюратъ потянулся къ Воронову, тревожимый нашими легкими войсками. Регулярная кавалерія и пѣхотные корпуса графа Остермана и бывшій Багговута получили приказаніе остановиться, не доходя до Спасъ-Купли, а всѣ другіе корпуса не переступая за Чернишиню.

Поводомъ къ приказанію не итти далѣе было слѣдующее. Во время общаго наступательнаго движенія урядникъ Жирова полка привезъ отъ находившагося съ партіею на Подольской дорогѣ полковника князя Кудашева, перехваченное, предписаніе маршала Бертье къ одному французскому генералу объ отправленіи всѣхъ тяжестей на Можайскую дорогу.

Прочитавъ предписаніе, Кутузовъ заключилъ, что Наполеонъ намѣренъ выходить изъ Москвы, но куда? когда? съ какою цѣлью? было неизвѣстно. Фельдмаршалъ ходилъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ, и рѣшилъ не преслѣдовать французовъ, имѣя въ виду не одно пораженіе Мюрата, но начало, такъ сказать, зародышъ новаго похода, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Онъ предвидѣлъ, что съ часу на часъ ему придется выдержать противъ главной непріятельской арміи рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, конечно, Наполеонъ будетъ биться на жизнь и на смерть.

Трофеи Тарутинскаго боя заключались въ 38 орудіяхъ, одномъ знамени, 40 зарядныхъ ящикахъ, 1.500 плѣнныхъ и большомъ количествѣ обоза. Въ числѣ убитыхъ находились генералы Фишеръ и Дери.

Въ непріятельскомъ лагерѣ и въ отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. Они составляли разительную противоположность съ недостаткомъ въ жизненныхъ припасахъ, который испытывалъ непріятель во время продолжительной стоянки при Чернишинѣ. Вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи, или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго присмотра, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины, француженки, нѣмки, польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты; ло-

шади даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны, гдѣ искони возносились хвалебныя пѣсни Божеству.

Тарутинское сраженіе, стоявшее намъ 500 убитыхъ и раненыхъ, имѣло на войска большое нравственное вліяніе. Оно было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ нашей главной арміи и увѣнчалось, хотя и не совершеннымъ, какъ слѣдовало ожидать, но, по крайней мѣрѣ, значительнымъ успѣхомъ. Это сраженіе показало, что русскіе не помышляли о прекращеніи войны.

Подъ вечеръ армія возвратилась въ Тарутино. На половинѣ дороги стояла линія непріятельскихъ орудій. Тутъ же былъ Кутузовъ, сидѣвшій на крыльцѣ полуразрушенной избы. Указывая на трофеи, онъ привѣтствовалъ колонны словами:

— Вотъ сегодня вашъ подарокъ Государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и отечества!

«Ура!», перемѣшанное съ веселыми пѣснями, долетало эхомъ радости къ нашему лагерю. Шумно и весело вступали въ него войска. Покой не шелъ имъ на умъ, какъ будто праздновалось воскресеніе умолкнувшей на время русской славы.

Богдановичъ.

„Спасена Россія“.

Выходъ Наполеона изъ Москвы.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже четвертый день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ тридцать верстъ по грязной, вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ.

Кутузовъ, какъ всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ неожиданно задремывалъ; но ночью онъ, не раздѣваясь, лежа на своей постели, большею частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую изуродованную голову на пухлую руку и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ уже ихъ мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ ночь на 11-го октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились: послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своею холодною строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость!

— Позови, позови его сюда.

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ,—сказалъ онъ Болховитинову своимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.— Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки?.. А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ! Воистину, такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей!..—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія! Благодарю тебя, Господи!..

И онъ заплакалъ.

Графъ Левъ Толстой.

Площадь у Никольскихъ воротъ

Есть у Кремлевскихъ Никольскихъ воротъ трехсторонняя площадь:
Зданье сената съ одной стороны, а съ другой—арсенала;
Съ третьей же—древнихъ сокровищъ и утварей царскихъ палата.
Вотъ, иноземецъ, смотри и скажи, что у насъ нераздѣльны
Ратный снарядъ, храмъ суда и величіе царской короны.
А глядите, какъ эти орлы, полетѣвши рядами,
Мѣдно-когтистыми лапами въ ржавыя пушки впилися!
Чьи же всѣ были онѣ? — И не вспомнишь! Двадцать народовъ
Шли на Москву и на Русь: то все ихъ онѣмѣвшіе громы!
Русь незлопамятна: пушки взяла, имена позабыла!
Вотъ и Никольская башня, гдѣ древній святителя образъ
Вдѣланъ въ стѣнѣ, и горитъ день и ночь передъ ликомъ лампада.
Треснула въ взрывѣ Кремля и она въ двѣнадцатомъ годѣ;
Но святыня цѣла, уцѣлѣло стекло на кіотѣ,
Та же лампада на слабой цѣпи виситъ и донынѣ....

М. Дмитріевъ.

Французы въ Москвѣ.

Чу! труба продребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!
Пламень, въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?... Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!
Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости,—
Вамъ почетный былъ пріемъ.
Упилися—еле живы—
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.
Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?!.

1835. *П. Языковъ.*

Малоярославецъ и Вязьма.

Вскорѣ послѣ Тарутинскаго дѣла, 6-го октября, Кутузовъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, оставляя Москву, намѣренъ прорваться въ Малороссію. Дохтуровъ съ корпусомъ своимъ отряженъ былъ къ Боровску. Вслѣдъ за нимъ и вся армія, фланговымъ маршемъ, передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собою врата Малороссіи и была свидѣтельницею жаркаго боя между нашимъ 6-мъ и 4-мъ французскимъ корпусами при Маломъ Ярославцѣ.

Милорадовичъ, сдѣлавъ въ этотъ день съ кавалеріею 50 верстъ, не далъ отрѣзать себя непріятелю и поспѣшилъ къ самому тому времени, когда сраженіе пылало и присутствіе его съ войсками было необходимо. Фельдмаршалъ, удивленный такою быстротою, обнималъ его и называлъ «крылатымъ». На глазахъ нашихъ сгорѣлъ и разрушился Малый Ярославецъ. На разсвѣтѣ генералъ Дохтуровъ, съ храбрыми войсками своего корпуса, присоединился къ арміи, которая подвинулась еще лѣвѣе, и стала твердою ногою на выгоднѣйшихъ высотахъ.

Милорадовичъ оставленъ былъ съ войсками своими на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночь только прекратила сраженіе. Весь слѣдующій день проведенъ въ небольшой пушечной и ружейной перестрѣлкѣ.

Въ этотъ день жизнь генерала была въ явной опасности, и Провидѣніе явно оказало ему покровительство Свое. Отличаясь отъ всѣхъ шляпою съ длиннымъ султаномъ и сопровождаемый своими офицерами, заѣхалъ онъ очень далеко впередъ, и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе непріятеля. Множество стрѣлковъ, засѣвъ въ кустахъ, начали мѣтить въ него. Едва успѣлъ выговорить адъютантъ его Паскевичъ:

— Въ васъ цѣлятъ, ваше превосходительство!

Пули засвистали у насъ мимо ушей. Но ни одна никого не зацѣпила. Генералъ, хладнокровно простоявъ тамъ еще нѣсколько времени, спокойно повернулъ лошадь и тихо поѣхалъ къ своимъ колоннамъ, сопровождаемый пулями. Ермоловъ, прославившійся и самъ необычайною храбростью, очень справедливо сказалъ въ письмѣ Милорадовичу: «надобно имѣть запасную жизнь, чтобъ быть вездѣ съ вашимъ превосходительствомъ!»

Черезъ два дня бѣгство непріятеля стало очевидно, и нашъ арьергардъ, сдѣлавшись уже авангардомъ, устремился преслѣдовать его. Темныя, дремучія ночи, скользкія проселочныя дороги, голодъ и труды; вотъ что преодолѣли мы во время искуснѣйшаго фланговаго марша, предпринятаго генераломъ Милорадовичемъ *отъ Егорьевска прямо къ Вязьмѣ*.

Главное достоинство этого марша было то, что онъ былъ совершонъ въ тайнѣ отъ непріятеля, который тогда только узналъ, что сильное войско у него во флангѣ, когда мы вступили съ нимъ въ бой, ибо до того времени одинъ генералъ Платовъ тѣснилъ его летучими своими отрядами.

Началось сраженіе, съ первымъ лучомъ солнца, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы. У насъ было 30.000, а вице-король итальянскій и маршалы Даву и Ней выставили противъ насъ болѣе 50.000. Непріятель занималъ попеременно шесть выгоднѣйшихъ позицій; но всякій разъ съ великимъ урономъ сбиваемъ былъ съ каждой, побѣдоносными войсками нашими.

Превосходство въ силахъ и отчаянное сопротивленіе непріятеля продлили сраженіе цѣлый день. Противникъ хотѣлъ непремѣнно дать обозамъ время уйти, и, продержавшись цѣлую ночь въ Вязьмѣ, весь городъ превратить въ пепелъ. Такъ увѣряли плѣнные; и слова ихъ подтвержда-

лись тѣмъ, что почти всѣ печи въ домахъ наполнены были порохомъ и горючими веществами.

Но Милорадовичъ, пославъ Паскевича и Чоглокова съ пѣхотою, которые тотчасъ и ворвались съ штыками въ улицы, самъ, съ бывшими при немъ генералами, устроивши всю кавалерію, повелъ ее въ объятый пламенемъ и наполненный непріятелемъ городъ.

Рота конной артиллеріи, идя впереди, очищала улицы выстрѣлами, кругомъ горѣли и съ сильнымъ трескомъ распадались дома; бомбы и гранаты, до которыхъ достигало пламя, съ громомъ разряжались; непріятель стрѣлялъ изъ развалинъ и садовъ; пули свистали по улицамъ...

Видя рѣшимость войскъ нашихъ и свою гибель, непріятель оставилъ городъ и бѣжалъ, бросая повсюду за собою зажигательныя вещества.

На дымящемся горизонтѣ угасало солнце. Помедли оно еще часъ и пораженіе было бы еще болѣе рѣшительнымъ, но мрачная осенняя ночь приняла бѣгущія толпы непріятеля подъ свой покровъ.

До пяти тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ извѣстный генералъ Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Врагъ потерялъ, конечно, до 10.000. Путь на 12 верстахъ устланъ его трупами. Генералъ Милорадовичъ остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ, и велѣлъ тушить горящій городъ На другой день назначенъ комендантъ, устроена военная полиція, велѣно очищать улицы отъ мертвыхъ тѣлъ, разослано по уѣзду объявленіе, приглашавшее жителей къ возстановленію, по возможности, домовъ и храмовъ Божіихъ въ отечественномъ ихъ городѣ, исторгнутомъ нынѣ изъ кровавыхъ рукъ нечестивыхъ враговъ

Со временемъ благородное дворянство и граждане Вязьмы почувствуютъ цѣну этого великаго подвига и воздадутъ должную благодарность освободителю ихъ города. Пусть поставятъ они на томъ самомъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хотя не многоцѣнный, памятникъ, и украсятъ его, по примѣру древнихъ, простою надписью: «Отъ признательности благороднаго дворянъ сословія и гражданъ Вязьмы начальствовавшему россійскимъ авангардомъ генералу-отъ-инфантеріи Милорадовичу за то, что онъ, съ 30.000 россіянъ, разбивъ 50-тысячное войско непріятельское, исторгнувъ изъ рукъ его горящій городъ ихъ, потушилъ пожары и возвратилъ оный обрадованному отечеству и утѣшеннымъ гражданамъ въ достопамятный день 22 октября 1812 года».

Въ битвѣ участвовали: извѣстный генералъ графъ Остерманъ; князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, который, отличаясь прежде на поприщѣ дипломатическомъ, горѣлъ желаніемъ служить въ Отечественной войнѣ и промѣнялъ перо на шпагу. Но, служа въ полѣ, онъ не переставалъ украшать бесѣдъ своихъ тою же неподражаемою остротою ума, которою блисталъ нѣкогда при дворахъ государей. Русскіе ко всему способны!.. Генералы: Ермоловъ, Паскевичъ, Олсуфьевъ и Чоглоковъ, храбростью и благоразуміемъ своимъ содѣйствовали къ совершенному пораженію врага. Полковникъ Потемкинъ,со свойственнымъ ему мужествомъ, какъ начальникъ штаба по авангарду, наблюдалъ за движеніями нашихъ войскъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ.

Ф. Глинка.

Роковая минута.

Тревожно, съ боязнью проводилъ Наполеонъ ночь въ темной, душной избѣ на 13-е октября въ Городнѣ, подъ Малоярославцемъ. Сонъ не смыкалъ его глазъ. Онъ все къ чему-то прислушивался: казалось, онъ боялся, что

вся русская армія обойдетъ, захватитъ и уничтожитъ его со всѣми гигантскими замыслами. Нетерпѣливо ожидалъ онъ разсвѣта; а ночь была длинная, темная, вполнѣ осенняя... Мрачныя думы сильно тревожили его душу; онъ часто спрашивалъ: «не слыхать ли выстрѣловъ?»

Въ голову самого Наполеона запала тяжкая мысль раздумья: какъ спасти свою армію? Малоярославецъ былъ занятъ его войскомъ; но какъ собрать ему разсѣянныя свои полчища и куда вести корпуса, когда передъ нимъ сто тысячъ воиновъ, которыхъ нашъ полководецъ, предвидя замыселъ Наполеона, теперь такъ неожиданно выс авилъ ему навстрѣчу?

Въ четыре часа утра, одинъ изъ адъютантовъ императора, князь Арембергъ, привезъ извѣстіе, что нѣсколько казачьихъ отрядовъ, воспользовавшись темнотою ночи, пронеслись вихремъ мимо аванпостовъ и, скрывшись въ лѣсъ по лѣвую сторону дороги, могутъ принести много бѣдъ. Наполеонъ не ожидалъ большого дѣла на пути отрядовъ Понятовскаго съ кавалеріею по Медынской дорогѣ, которая была тогда въ селѣ Кременскѣ, почти въ сорока верстахъ отъ его ночлега, а потому онъ совершенно равнодушно прослушалъ донесеніе и предупрежденіе своего адъютанта, относительно казаковъ, какъ бы презирая нестройныя орды удалыхъ наѣздниковъ.

Ему тѣснило въ груди; надоѣла эта октябрьская осенняя ночь. Онъ вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться, дежурнаго генерала и охранный взводъ.

Густыя, сырыя, туманныя облака застилали небо. Утренняя прохлада, растворяя воздухъ, не проницала тяжелаго тумана,—тумана испареній крови надъ городомъ. Вторые пѣтухи пропѣли, и свѣтъ дня, прокрадываясь сквозь туманный, ночной мракъ, началъ освѣщать облака и мало-по-малу обозначать всѣ предметы виднѣе и ярче... Восточная часть небосклона залилась розовымъ свѣтомъ, отбрасывая прямой, яркій блескъ на всю мѣстность, съ одной стороны открывая большую Московскую дорогу въ виду горъ, съ разрушеннымъ городкомъ, обгорѣлыми церквами и строеніями, по которой черной полосой тянулся артиллерійскій обозъ и тяжелый паркъ къ Боровску. Съ другой, вправо отъ города, тихо пробрались, между лѣсомъ, посланные атаманомъ Платовымъ, въ разъѣздъ казачьи сотни. Отрядъ, сильный болѣе смѣлостью, чѣмъ числомъ, перейдя рѣку Лужу, обошелъ непріятеля, и заслыша стукъ колесъ, завидя обозъ и остановясь, выжидалъ удобной минуты къ нападенію. Лужайка и пологая возвышенность, по которой раскидывалась большая дорога и тянулись пороховые ящики, походный госпиталь артиллеріи, артиллерійскія фуры, великолѣпныя, пышныя коляски, кареты, полуразвалившіяся брички и весь непріятельскій обозъ, со всѣмъ его безпорядкомъ. Всѣ торопились спрятать награбленное свое достояніе, боясь быть отрѣзанными и попасться въ плѣнъ.

Неподалеку отъ этой сумятицы, по лѣвую сторону дороги, какъ черная туча, освѣщенная яркимъ лучомъ солнца, выѣзжалъ въ мохнатыхъ шапкахъ, украшенныхъ мѣдными бляхами, красными кистями, съ красными висящими эполетами, конвойный взводъ конныхъ французскихъ гвардейскихъ гренадеръ. За отрядомъ, идущимъ съ какою-то важною почтительною тишиною, ѣхалъ небольшого роста, смѣлой осанки всадникъ. Онъ былъ въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ на нѣсколько среднихъ пуговицъ, въ ботфортахъ, незакрывавшихъ колѣнъ; одна рука всадника покойно заложена на груди за сѣрый сюртукъ подъ жилетъ, другою онъ слабо держалъ мундштучные поводья. Его крѣпкій конь выступалъ мѣрно и твердо; арабская морда его была опущена, глаза сонные, остальныя лошади

всего отряда также шли съ опущенными головами сонно и спокойно, какъ обыкновенно бываетъ у строевыхъ коней на зарѣ, не растревоженныхъ еще шпорами, не разгоряченныхъ скачкою. Всадникъ былъ въ фуражкѣ; важно-спокойно задумчивый видъ его исполненъ былъ ума и душевной силы. Изъ-подъ нависшихъ бровей его сверкалъ сильный, рѣзкій лучъ свѣта, освѣщая мрачный, свинцовый обликъ, склоненный къ груди. Что-то особенно важное, теперь занимало этого небольшого всадника. Его рѣзкая улыбка, видъ, его движенія и простая, но оригинальная одежда — все показывало въ немъ человѣка, живущаго не по-просту, какъ живутъ всѣ люди; а безмолвное почтеніе окружавшихъ его генераловъ обличало въ немъ не простого начальника, отправившагося для обозрѣнія мѣстности и непріятельскихъ дѣйствій.

Позади этого маленькаго человѣка ѣхавшаго безмолвно, съ мрачнымъ взоромъ, исполненнаго ума, гордой самонадѣянности и душевной силы, слѣдовало два генерала и еще нѣсколько адъютантовъ. Все ихъ вниманіе, было прикована къ всаднику; казалось, онъ составлялъ ихъ душу.

Внимательно обозрѣвая окрестность, всадникъ, молча, вглядывался вдаль. Передъ нимъ, съ одной стороны, была черная груда испепеленныхъ дровъ на горахъ, съ дымившимися строеніями, съ обгорѣвшими церквами и колокольнями, а съ другой—безпорядокъ обоза и смятеніе бѣгущихъ отъ какой-то страшной опасности. Бросая изумленные и любопытные взоры, онъ ищетъ грознаго непріятеля, и не найдя, хладнокровно улыбается надъ бѣгущими страдальцами, воображавшими мнимую опасность. Однако, генералы и адъютанты признаютъ въ этой черной тучѣ, тихо двигавшейся, конный строй, но въ такомъ порядкѣ, съ такою тишиною въ рядахъ, что всадникъ, принимая отряды нашихъ казаковъ за французскую кавалерію, поѣхалъ впередъ прямо къ нимъ. Показались мохнатыя шапки и малорослыя донскія лошади; но ряды такъ стройны, казаки не гарцуютъ, не кидаются на добычу къ обозу по ихъ прадѣдовскому, заповѣдному обычаю. И всадникъ ѣдетъ спокойно впередъ

— Ваше величество! Непріятель! Берегитесь! -произнесъ генералъ Рапъ, быстро подскочивъ къ Наполеону. И вдругъ окрестность ожила громкими гиками и ржаніемъ лошадей и черная стая, такъ пугавшая издали обозъ, разнеслась калеными стрѣлами во всѣ стороны. Донцы бросились на фуры, пушки и повозки... Вначалѣ ихъ шумныя восклицанія казалось Наполеону громкими привѣтствіями его кавалеріи. Желая удостовѣриться, онъ дернулъ поводья, и его конь, поднявъ морду и уши, остановился, какъ вкопанный.

— Казаки! Казаки!—кричали Рапъ и адъютанты Наполеона, и Наполеонъ, окруженный казаками, увидѣлъ всю опасность. Презирая бѣгство онъ выхватилъ шпагу, блѣдное лицо его вспыхнуло, взоръ зажегся безстрашіемъ, и онъ упрямо приготовился защищаться. Казаки были близки, они неслись прямо къ Наполеону. Рапъ рѣшился спасти императора; онъ схватилъ за узду его лошадь, круто повернулъ ее, крича: «Спасайтесь! Вамъ должно спасаться!» и быстро перевернувъ своего коня навстрѣчу казацкихъ пикъ, закрылъ своею грудью Наполеона.

А между тѣмъ одинъ удалецъ казацкаго отряда, прильнувъ острой пикой къ шеѣ своего бѣгуна, мѣтя ударить въ Наполеона, упалъ со всего размаха подъ свою лошадь на землю, отъ удара его коня объ лошадь Рапа, освободившаго Наполеона. Адъютанты и весь малочисленный отрядъ съ саблями на-голо, окруживъ Наполеона, дали залпъ и, скрестя сабли, выручили Рапа.

Солнце заиграло своими лучами, озаривъ страшную минуту, въ которую вся слава великаго завоевателя могла исчезнуть въ безславіи плѣна. Вдали по дорогѣ, заслыша выстрѣлы, неслись четыре эскадрона конныхъ егерей: то было прикрытіе Наполеона, котораго не дождался нетерпѣливый императоръ, отправляясь къ Малоярославцу.

А казаки, посланные своимъ атаманомъ въ тылъ непріятелю на высмотръ и розыскъ, наткнувшись нечаянно на вооруженный отрядъ, провожавшій самого Наполоена, дружно бросились хозяйничать въ фурахъ, захватывая полные бочонки съ вычеканенными французскими имперіалами. Быстро перескакивая съ коней своихъ къ добычѣ на фуры и пушки, донцы оставляли вовсе безъ вниманія сумрачнаго, небольшого человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, не только не подозрѣвая въ немъ великаго вождя, но и французскаго генерала. Завидя скакавшіе съ палашами и саблями отряды гвардейской французской кавалеріи, которая неслась, чтобы отнять свои фуры и обозъ, казаки пустились утекать, бросая все то, съ чѣмъ не подъ силу было имъ ладить, и завладѣвъ одиннадцатью орудіями. золотомъ, трехъ аршинной мѣдной печкой Наполеона, предъ которой онъ грѣлся по вечернимъ и утреннимъ зарямъ, помчались къ рѣкѣ и за рѣку къ своимъ, въ ставку графа Платова.

Наполеонъ, въ сопровожденіи кавалерійскихъ отрядовъ, велѣлъ слѣдовать за собою всей своей гвардіи и поѣхалъ къ Малоярославцу,

Солнце уже во всемъ блескѣ сіяло надъ окровавленными горами, гдѣ догоравшія развалины замѣнили городъ. Картина была поразительная—ужасная: равнина и ущелія горъ были завалены трупами. Наполеонъ окинулъ быстрымъ взоромъ всѣ эти печальныя, горестныя трофеи вчерашняго боя.

Для него было теперь все ясно; онъ видѣлъ самъ, что Кутузовъ удалялся на Калужскую дорогу со сто двадцатью тысячами, заграждалъ ему прямой путь въ Калугу, а по лѣвой сторонѣ города стояли еще наши корпуса и наши застрѣльщики, засѣвши въ кустахъ, изрѣдка перестрѣливались съ непріятельскими стрѣлками. А вправо, на Медынской дорогѣ, стоялъ съ пушками и кавалеріею Платовъ... Императоръ видѣлъ, что бой безполезенъ, прорваться нельзя, и, сумрачно сойдя съ лошади, долго въ глубокомъ размышленіи стоялъ предъ разложенною картою. Тихо и молча окружали его маршалы и генералы, и въ нѣмомъ молчаніи и надеждѣ ожидали мысли, которая бы, вспыхнувъ въ головѣ Наполеона, вывела всѣхъ на дорогу къ спасенію.

Вл. Глинка.

Наполеонъ въ Городнѣ.

Ночью послѣ Малоярославскаго сраженія Наполеонъ находился въ Городнѣ, въ избушкѣ ткача. Предъ нимъ на столѣ былъ главный его совѣтникъ и путеводитель—карта: на картѣ нѣсколько серебряныхъ подсвѣчниковъ, изъ которыхъ восковыя свѣчи бросали свѣтъ на этотъ тѣсный дворецъ императора.

Къ Наполеону собрались: два короля и три главные генерала рѣшать судьбу Европы.

Мраченъ, блѣденъ, угрюмъ, былъ Наполеонъ. Опершись на оба локтя, положа на руки свою голову, онъ пристально разсматривалъ карту. Печальны, задумчивы стояли, сотворенные императоромъ, вице-король Италійскій и король Неаполитанскій. Этотъ щеголь, наѣздникъ, являвшійся

всегда въ сраженіяхъ, какъ рыцарь на турнирѣ, за которымъ всегда носились тысячи сабель, палашей и уланскихъ пикъ! Молча, но съ сильнымъ, внимательнымъ любопытствомъ глядѣли на него маршалы Даву и умные, исполнительные его генералы Бессьеръ и Бертье. И всѣхъ этихъ сановниковъ и генераловъ, вездѣ и всегда враждовавшихъ другъ противъ друга за славу и громкіе титулы, роднила и соединяла теперь одна мысль: что порѣшитъ Наполеонъ? Они всѣ одинаково ждали могучаго его слова. Но императоръ, не перемѣняя положенія, безмолвно глядѣлъ на карту, и его мертвое раздумье сомкнуло гробовымъ молчаніемъ всѣ уста

Мюратъ, витязь боя и всегдашній рабъ перваго своего впечатлѣнія, всегда упрямо руководимый смѣлымъ вдохновеніемъ своей души, первый приблизился къ Наполеону:

— Можно поправить дѣло,—сказалъ онъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ, облокотясь на свою, изукрашенную каменьями саблю;—въ войнѣ всегда одинъ успѣхъ боя рѣшаетъ все! Намъ остается одно: напасть и прорваться! Благоразуміе и наше спасеніе сами бросаютъ насъ на этотъ отважный подвигъ. Остановиться нельзя, невозможно; бѣгство опасно, остается одно—гнать и преслѣдовать русскихъ! Откуда эти непроходимые, грозные лѣса и ущелья! Пусть мнѣ дадутъ всю кавалерію, находящуюся здѣсь съ нами, и гвардію, и мы пройдемъ сквозь эти лѣса, разбросаемъ русскіе батальоны и проведемъ всю нашу армію въ Калугу.

При словѣ «Калуга» Наполеонъ быстро поднялъ взоръ и спокойно сказалъ:

— Замыселъ дерзкій, отважный; но мы уже и такъ принесли много въ жертву славѣ; теперь насъ должно занимать одно—спасеніе войска.

Бессьеръ, котораго глубоко раздражало самолюбіе при одной уже мысли—покориться королю Неаполитанскому, и совсѣмъ не желая отдать ему въ жертву гвардейскую кавалерію, которую онъ самъ составлялъ; и надъ которой самъ начальствовалъ, смѣло началъ возражать Мюрату:

— Порывъ итти сражаться—уничтожитъ нашу кавалерію, погубитъ всю гвардію. Вникните: наше продовольствіе слишкомъ недостаточно, мы можемъ быть и отъ одного голода обезоружены и порабощены! Наши раненые гибнутъ безъ помощи, такъ въ этомъ ли положеніи намъ рѣшиться сражаться и слѣдить непріятеля? Вчера мы видѣли, мы были свидѣтелями— съ какимъ ожесточеніемъ, рѣшимостью русскіе бились и умирали, намъ остается одно—отступать.

Всѣ быстро, какъ бы потрясенные сильнымъ электричествомъ, вгзлянули на императора; но Наполеонъ молчалъ, и своимъ спокойнымъ безмолвіемъ какъ бы одобрялъ мнѣніе Бессьера.

— И я полагаю, -прибавилъ князь Экмюльскій,—что намъ всего удобнѣе отступать чрезъ Медынь на Смоленскъ.

— Подобное предложеніе, -выразился Мюратъ, постоянно враждуя съ Даву,—по-моему, самая неблагоразумная мѣра къ спасенію; идя на Медынь, мы подвергаемся всѣ опасности; насъ задавитъ правый флангъ русской арміи. И зачѣмъ итти на Медынь, когда у насъ есть Верея и Боровскъ? И путь, который вы избираете намъ къ спасенію, будетъ вѣрнымъ путемъ—къ нашей гибели.

— Я предлагаю,—вспыхнувъ отвѣчалъ Даву,—дорогу, которая еще не разорена войной, на которой мы еще можемъ сыскать продовольствіе, убѣжища и которая ближе насъ выведетъ къ Смоленску; а тутъ итти на Боровскъ и Верею, какъ вы предлагаете намъ, по песку, разоренію, трупамъ и голодными; впрочемъ, я сказалъ свое мнѣніе, прибавилъ онъ, и буду

повиноваться волѣ императора. Одинъ только онъ можетъ рѣшить, но съ вами я никогда не соглашусь.

Въ этой горячей ссорѣ и распрѣ вице-король и Бертье молчали. Наполеонъ, погруженный въ думу, казалось, повидимому, не внималъ ихъ спорамъ, но утомленный и желая кончить всѣ ихъ безплодныя разсужденія, всталъ со своего мѣста и сказалъ:

— Хорошо, господа! Я подумаю и рѣшу.

На утро, призвавъ Бертье, онъ разослалъ приказы своимъ корпуснымъ командирамъ, отступать въ назначенныя имъ мѣста, и все войско Наполеона потащилось назадъ, а самъ онъ быстро проѣхалъ въ Боровскъ, въ которомъ уцѣлѣлъ одинъ только домъ купца Большакова, гдѣ останавливался императоръ, и то потому только, что приказчикъ Большакова на колѣняхъ умолилъ Наполеона пощадить собственность его хозяина,— и онъ пощадилъ.

В. Глинка.

Подъ Краснымъ.

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Кутузовъ, сопровождая свои ободренные побѣдой отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ, и даже, смотря по пути, на дрожкахъ.

На дневкѣ 6-го ноября князь, осматривая верхомъ биваки, часу въ пятомъ дня приблизился къ лагерю гвардейскаго Семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Всѣ были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи корпуса Нея, причемъ въ одномъ изъ захваченныхъ русскими обозовъ былъ даже взятъ маршальскій жезлъ грознаго герцога Даву.

Вечерѣло. Густой туманъ съ утра плавалъ надъ полями; среди него кое-гдѣ, какъ острова, виднѣлись опустѣлыя деревеньки и чернѣли вершины лѣса. Свѣтлѣйшій подъѣхалъ къ палаткѣ командира гвардейцевъ генерала Лаврова. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ съ удовольствіемъ опустился, крехтя и разминая усталые члены.

Сопровождавшіе князя гвардейскіе солдаты—кирасиры, сойдя въ это время съ лошадей, стали вокругъ него съ отбитыми непріятельскими знаменами, составивъ изъ нихъ для защиты отъ вѣтра нѣчто въ родѣ шатра. Кутузовъ смотрѣлъ на эти знамена. Туманъ вправо надъ полемъ разошелся, и заходившее солнце изъ-за холма ярко освѣтило ряды палатокъ, пушки, ружья въ козлахъ, оживленныя кучки солдатъ, бродившихъ по лагерю и сидѣвшихъ у разведенныхъ костровъ. Денщики разносили чай. Кто-то сталъ читать вслухъ надписи надъ знаменами.

— Что тамъ?—спросилъ, взглянувъ на знамена, Кутузовъ.—Написано Австерлицъ? Да, правда, жарко было подъ Австерлицемъ, но теперь мы отомщены. Укоряютъ, что я за Бородино выпросилъ гвардейцамъ капитанамъ брильянтовые кресты... Какіе же навѣсить теперь за Красное?.. Да осыпь я не только офицеровъ, каждаго солдата алмазами—все будетъ мало!

Князь помолчалъ. Онъ улыбался. Всѣ въ тихомъ удовольствіи смотрѣли на стараго полководца, который теперь былъ въ духѣ, а за послѣдніе дни даже будто помолодѣлъ.

— Помню я, господа, лучшую мою награду,—сказалъ Кутузовъ,—награду за Мачинъ. Я получилъ тогда Георгіевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надеждъ... Да... вотъ и получилъ я завѣтную звѣзду. Матушка же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское Село. Ѣду я, пріѣхалъ. Вижу, пріемъ заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными, раззолоченными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрятъ на храбраго и статнаго измаильскаго героя, скажу даже красавца, да именно, красавца. Потому что я тогда, въ сорокъ шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старою вороной... Я же—ни на кого. Иду и думаю объ одномъ: у меня на груди преславная георгіевская звѣзда. Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю дверь... Что же со мной и гдѣ я? вдругъ спросилъ я себя. Забылъ я, господа, и Георгія, и Измаилъ, и то, что я—Кутузовъ... И ничего какъ есть передъ собой не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ глазъ, кромѣ величаваго царскаго взора Екатерины... Да, вотъ была награда!..

Кутузовъ съ трудомъ досталъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— А гдѣ-то онъ сегодня ночуетъ,—вдругъ сказалъ князь, громко засмѣявшись:—гдѣ-то нашъ Бонапартъ? Пошелъ по шерсть, самъ стриженный воротился. Не везетъ ему. Бѣжитъ отъ насъ теперь, какъ школьникъ отъ березовой каши.

Дружный хохотъ присутствовавшихъ покрылъ слова князя.

— Кстати,—снова заговорилъ Кутузовъ,—сегодня я изъ Петербурга отъ нашего уважаемаго писателя Ивана Андреевича Крылова получилъ его новую собственноручную басню. Вотъ такъ подарокъ!

Кутузовъ, заложа руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой почтовой бумаги, расправилъ его, и будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ, отчетливо, съ одушевленіемъ прочелъ басню «Волкъ на псарнѣ», написанную Крыловымъ на попытку Наполеона завести переговоры о мирѣ при Тарутинѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня!—кричатъ.—Огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,—
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“—Послушай-ка, сосѣдъ,—
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:—
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!..

При этихъ словахъ басни Кутузовъ приподнялъ бѣлую съ краснымъ околышемъ гвардейскую фуражку, и указавъ на свою сѣдую съ рѣдкими, зачесанными назадъ волосами голову, громко и съ чувствомъ продекламировалъ заключительныя слова ловчаго:

А потому обычай мой,—
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой!..—
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ
стаю.

Окружавшіе князя восторженно крикнули «ура», подхваченное всѣмъ лагеремъ.

— Ура, спасителю отечества! крикнулъ, отирая слезы и съ восторгомъ офицеръ Квашнинъ.

— Не мнѣ, русскому солдату честь!—закричалъ Кутузовъ, взобравшись, при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой.—Онъ, онъ сломилъ и гонитъ теперь подстрѣленнаго на-смерть, голоднаго звѣря!..

Г. Михайловичъ-Данилевскій.

Обозъ [1]).

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо!
Криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору?
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ
умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!
Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

И. Крыловъ.

Красный.

(Разсказъ участника войны).

Тихо подкрались мы къ большой дорогѣ, изъ Смоленска въ Красное. Непріятель полагалъ насъ за тридевять земель; а мы, какъ будто изъ подъ земли, очутились вдругъ передъ нимъ!—

— Это впрямь по-суворовски!

— Теперь называютъ это фланговымъ или боковымъ маршемъ.

3 ноября показались мы изъ лѣсовъ противъ деревни Ржавки. Непріятель шелъ по большой дорогѣ покойно и весело.

Великіе обозы съ сѣверными гостинцами тянулись между колоннъ. Милорадовичъ приказалъ тотчасъ нападать.

Непріятель остановился, направилъ въ овраги и тростники множество стрѣлковъ, выставилъ, между березъ, по высотамъ дороги легкія орудія; а тяжелой артиллеріи и обозамъ, въ сопровожденіи конницы

[1]) Въ этой баснѣ подъ видомъ добраго коня, вынесшаго на своемъ крестцѣ тяжелый возъ, изображенъ Кутузовъ.

своей, велѣлъ спасаться впередъ. Наши наступали съ обычнымъ мужествомъ и дѣло загорѣлось! Несмотря на великое превосходство въ силахъ непріятеля предъ нами, онъ былъ мгновенно сбитъ съ большой дороги, понесъ рядъ пораженій въ поляхъ и обязанъ спасеніемъ одной только темнотѣ ночной и ближнимъ лѣсамъ, въ которыхъ скрылся. Змамена, пушки, плѣнные и множество обоза наградили побѣдителей, на первый разъ, за трудный фланговый маршъ.

Впереди насъ видна была деревня, Милорадовичъ хотѣлъ въ ней провести ночь; ему говорятъ, что тамъ еще французы. Онъ посылаетъ казаковъ истребить ихъ—и мы тамъ ночевали.

4, 5 и 6 числа, три дня сряду мы проводили въ безпрерывныхъ сраженіяхъ. Всякій вечеръ отбивали себѣ у французовъ ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги. Съ каждою утренней зарей, коль скоро съ передовыхъ постовъ приходило извѣстіе, что колонны показались на большой дорогѣ, мы садились на лошадей и выѣзжали въ бой.

Наполеону очень не нравилось, что Милорадовичъ стоитъ подъ дорогою и разбиваетъ въ пухъ корпуса его; но дѣлать нечего!..

Послѣдняя рана, нанесенная ему 6 ноября, чувствительнѣе всѣхъ прочихъ.

Милорадовичъ разбилъ совершенно тридцатитысячный корпусъ, подъ предводительствомъ искуснѣйшаго изъ маршаловъ Наполеона—Нея, недавно прозваннаго княземъ московрѣцкимъ. Уронъ непріятельскій чрезвычайно великъ. Всѣ четыре начальствующихъ генерала убиты. Мѣста сраженій покрыты грудами непріятельскихъ тѣлъ. Въ эти четыре дня потеря непріятеля, навѣрное, простиралась убитыми до 20.000; въ плѣнъ взято войсками Милорадовича: генераловъ 2, штабъ-и оберъ-офицеровъ 285, рядовыхъ сколько ты думаешь? 22.000; пушекъ—60...

Поля города Красного, въ самомъ дѣлѣ, покраснѣли отъ крови. Въ этомъ четырехдневномъ боѣ участвовали генералы Раевскій и Паскевичъ. Храбрыя войска ихъ многія толпы непріятельскія подняли на штыки. Отважны были нападенія конницы Уварова. Артиллерія оказала громадныя услуги. Полковникъ Мерлинъ начальствовалъ ею въ авангардѣ. Его рота и рота отважнаго капитана Башмакова покрыли себя славою. Дѣйствія пушекъ искуснаго и храбраго Нилуса подъ Смоленскомъ и Гулевича подъ Вязьмою останутся навсегда памятны французамъ.

Остальные 6.000 изъ разбитаго Неева корпуса, укрѣпившіеся съ пушками въ лѣсахъ, прислали уже поздно въ вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до послѣдняго. Французы называютъ Милорадовича русскимъ Баярдомъ, плѣнные вездѣ кричатъ ему: vive li brave general Miloradovitsch! Его и непріятели любятъ, вѣроятно, за то, что онъ даетъ послѣдній свой запасъ и деньги плѣннымъ.

Трофеевъ у насъ много; лавровъ дѣвать негдѣ; а хлѣба—ни куска... Ты не повѣришь, какъ мы голодны! Вслѣдствіе крайне дурныхъ дорогъ и скораго хода войскъ, обозы наши съ сухарями отстали; всѣ окрестности сожженны непріятелемъ и достать нигдѣ ничего нельзя. У насъ теперь удивляются, какъ можно ѣсть! и не вѣрятъ тому, кто скажетъ, что онъ ѣлъ.

Разбитые французскіе обозы доставили казакамъ возможность завести такого рода продажу, о которой ты, вѣрно, не слыхивалъ. Здѣсь, по рву, подлѣ большой дороги, среди разбитыхъ фуръ, изломанныхъ каретъ и мертвыхъ тѣлъ, кромѣ шубъ, бархатовъ и парчей, можно покупать серебряныя деньги мѣшками! За сто рублей бумажками покупаютъ обыкновенно мѣшокъ се-

ребра, въ которомъ бываетъ по сту и болѣе пятифранковыхъ монетъ. Отчего же сбываютъ здѣсь такъ дешево серебро? Оттого, что негдѣ и тяжело возить его. Однакоже, куплею сею пользуются очень немногіе: маркитанты и прочіе нестроевые. Но тамъ, гдѣ мѣряютъ мѣшками деньги—нѣтъ ни крохи хлѣба!

Хлѣбъ у насъ считается единственною драгоцѣнностью!

Всѣ почти избы въ деревняхъ сожжены, и мы живемъ въ шалашахъ.

Какъ жалко смотрѣть на плѣнныхъ женщинъ! ихъ у насъ много. Одна прекрасная нѣмка, съ прострѣленною рукою, лежитъ въ ближней избѣ. Ей перевязали рану и, за неимѣніемъ хлѣба, кормятъ сахаромъ и корицею, отнятыми у французовъ. Третьяго дня видѣли и прекрасную женщину, распростертую подлѣ молодого мужчины. Одно ядро лишило ихъ жизни, можетъ-быть, въ минуту послѣдняго прощанія.

Тогда же, въ пылу самаго жаркаго боя, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, двое маленькихъ дѣтей, братъ и сестра, какъ Павелъ и Виргинія, взявшись за руки, бѣжали по мертвымъ тѣламъ, сами не зная—куда. Милорадовичъ приказалъ ихъ тотчасъ взять и отнести на свою квартиру. Съ того времени ихъ возятъ въ его коляскѣ. Пьеръ и Лизета, одинъ 7, другая 5 лѣтъ, очень милыя и повидимому благовоспитанныя дѣти. Всякій вечеръ они молятся Богу, поминаютъ своихъ родителей, и потомъ подходятъ къ генералу цѣловать его руку

Теперь эти бѣдняжки совсѣмъ сироты. Вчера между нѣсколькими тысячами плѣнныхъ увидѣли они какъ-то одного, и вдругъ вмѣстѣ закричали: «вотъ нашъ батюшка». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ отецъ ихъ, полковой слесарь. Генералъ тотчасъ взялъ его къ себѣ, и онъ плачетъ отъ радости, глядя на дѣтей. Мать ихъ нѣмка—убита.

Ф. Глинка.

Въ Борисовѣ.

Разсказъ очевидца.

Ушла лисица, только хвостъ въ западнѣ остался!

Никакой человѣческій умъ не можетъ придумать соображеній лучше тѣхъ, какія сдѣланы были Кутузовымъ, и принять лучшихъ мѣръ, какія принялъ онъ для поимки Наполеона у рѣки Березины въ городѣ Борисовѣ. Одна непостижная судьба могла спасти его.

Адмиралъ Чичаговъ съ арміею своею слѣва внизъ, а графъ Витгенштейнъ справа вверхъ по теченію рѣки, сближались одинъ противъ другого, чтобы сомкнуть вой ка свои, какъ двѣ стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться непріятель, за которымъ шла армія Кутузова, и котораго неослабно преслѣдовали графъ Платовъ съ казаками, Милорадовичъ съ авангардомъ, Ермоловъ и Бороздинъ съ летучими отрядами.

Всѣ эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусовъ. Мы шли проселочными дорогами; артиллерія наша прорѣзывала пути по глубокимъ снѣгамъ; пѣхота и конница пробиралась дремучими лѣсами, и при всемъ этомъ нѣсколько переходовъ сдѣлано по 40 верстъ въ день. Это въ зимній день!

Духъ великаго Суворова, конечно, веселился, взирая съ высотъ на столь быстрое шествіе побѣдоносныхъ Россіянъ. Сбылся и стихъ великаго поэта:

„Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины!“

Жаль, однакожъ, что всѣ наши труды были напрасны!.. Наполеонъ уже за Березиною!.. Витгенштейнъ тѣмъ же самымъ громомъ, который бросалъ на Клястицкихъ поляхъ, отбилъ у переправлявшагося непріятеля одинъ изъ заднихъ его корпусовъ, и 12 тысячъ, увидѣвъ себя окруженными, положили оружіе. Мы остановились въ разоренномъ и еще дымившемся отъ пожара Борисовѣ.

Несчастные Наполеоновцы ползаютъ по тлѣющимъ развалинамъ и не чувствуютъ, что тѣло ихъ горитъ!.. Тѣ, которые поздоровѣе, втѣсняются въ избы, живутъ подъ лавками, подъ печьми, и заползаютъ въ камины. Они страшно воютъ, когда начнутъ ихъ выгонять. Недавно вошли мы въ одну избу и просили старую хозяйку протопить печь.

— Нельзя топить,—отвѣчала она;—тамъ сидятъ французы.

Мы закричали имъ по-французски, чтобъ они выходили скорѣе ѣсть хлѣбъ. Это подѣйствовало. Тотчасъ трое, черные какъ арапы, выпрыгнули изъ печи и явились передъ нами.

Каждый предлагалъ свои услуги. Одинъ просился въ повара, другой въ лѣкаря, третій въ учителя. Мы дали имъ по куску хлѣба, и они пошли подъ печь.

Ф. Глинка.

Сказаніе о 1812 годѣ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы).

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледянѣлый..
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храминъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полной гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блѣскѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!...
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода —
Въ Тюльери стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ [2]),
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой..
И, вспыливши, императоръ—
„Князь, вы видите,—воскликнулъ:—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется—на что же?"
— „Государь,—въ отвѣтъ посланникъ—
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!"
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь-теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

---

[1]) Наполеонъ.
[2]) Князь Куракинъ.

Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—.
Мира нѣтъ!.. И днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ милльоны
Тамъ въ лѣсахъ... „Такъ вотъ что значитъ —
Весь народъ!.."
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали.

Майковъ.

Щука и котъ [1].

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ
А сапоги точать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?—
Сталъ щукѣ Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится".
— „И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей".
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!" Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ,
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

Бѣгство Наполеона.

Было 23 ноября 1812 года.

Стояла тихая, ясная погода. День былъ солнечный; морозъ свыше двадцати градусовъ. По бѣлому ярко-блестящему полю, столбовою, обставленною вербами дорогой, несся на полозьяхъ, съ обитыми, потертымъ волчьимъ мѣхомъ стеклами, жидовско- шляхетскій возокъ, въ какомъ тогда ѣздили зажиточные поссессоры, арендаторы и помѣщики средней руки. За нимъ слѣдовала рогожная кибитка, съ полостью, въ видѣ зонтика. Оба экипажа охраняло конное прикрытіе изъ нѣсколькихъ сотъ, смѣнявшихся по пути, польскихъ улановъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями. Красивые султаны, мелькавшіе на шапкахъ прикрытія, издали казались цвѣтками мака на снѣжной равнинѣ.

Въ возкѣ, въ медвѣжьей шубѣ и въ такой же шапкѣ, сидѣлъ Наполеонъ. Съ нимъ рядомъ, въ лисьемъ тулупѣ,—Коленкуръ; напротивъ нихъ въ буркѣ,—генералъ Раппъ. На козлахъ, въ мужичьихъ, бараньихъ шубахъ, обмотавъ, чѣмъ попало, головы, сидѣли мемелюкъ Рустанъ и, въ качествѣ переводчика, польскій шляхтичъ Вонсовичъ. Въ кибиткѣ слѣдовали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ адъютантъ Мутонъ. Наполеонъ ѣхалъ подъ именемъ «герцога Виченскаго», то-есть Коленкура.

---

[1]) Басня написана по поводу неудавшейся попытки адмирала Чичагова, помѣшать Наполеону перейти черезъ Березину.

— Да гдѣ же ихъ проклятые села, города?—твердилъ Наполеонъ, то и дѣло высовывая изъ медвѣжьяго мѣха иззябшій, покраснѣвшій носъ, и съ нетерпѣніемъ приглядываясь въ оледянѣлое окно:—пустыня, снѣгъ, и снѣгъ... ни человѣческой души! Скоро ли стоянка, перемѣна лошадей?

Раппъ вынулъ изъ-подъ бурки серебряную луковицу часовъ и, едва держа ихъ окостенѣлой рукой, взглянулъ на нихъ.

— Перемѣна, ваше величество, скоро,—сказалъ онъ:—а стоянка, по расписанію, еще за Ошмянами, не ближе, какъ черезъ четыре часа

— Есть съ нами провизія?—спросилъ Наполеонъ.

— Утромъ, ваше величество, за завтракомъ, -отозвался Коленкуръ,—вы все изволили кончить: фаршированную индѣйку и страсбургскій пирогъ.

— А ветчина?

— Остались кости, вы велѣли отдать проводнику.

— Сыръ?

Есть кусокъ стараго.

— Благодарю; горькій и сухой, какъ щепка. Ну, хоть бѣлый хлѣбъ?

— Ни куска; Рустанъ подалъ за десертомъ послѣдній ломоть.

Проѣхали еще съ десятокъ верстъ. Вечерѣло. Наполеонъ, чувствуя, какъ мучительно ноютъ иззябшіе пальцы его ногъ, опять задремалъ.

— Нѣтъ, не въ силахъ, не могу!—рѣшительно сказалъ онъ, хватаясь за кисть окна:—у перваго жилья мы остановимся. Найдемъ же тамъ хоть кусокъ мяса или тарелку горячаго.

Возокъ и кибитка направились въ сторону, къ небольшому, подъ черепицей домику, рядомъ съ которымъ были конюшня, амбаръ и людская изба. За домомъ, въ занесенномъ снѣгомъ саду, виднѣлась деревянная церковь, за церковью—небольшой, пустой поселокъ.

Въ сѣняхъ дома путниковъ встрѣтилъ толстый и лысый, невысокаго роста ксендзъ. За нимъ у стѣны жался какой-то подростокъ. Одежда, видъ и конвой путниковъ смутило ксендза. Онъ, блѣдный, растерянно послѣдовалъ за ними. Войдя въ комнату, Наполеонъ бросилъ на поставленныя руки Рустана и Вонсовича шубу и шапку и, оставшись въ бархатной, на ватѣ, зеленой курткѣ, надѣтой сверхъ егерскаго мундира, присѣлъ на стулъ и строго взглянулъ на Вонсовича.

— Кушать государю! -почтительно согнувшись, шепнулъ Вонсовичъ священнику.

Пораженный вѣстью, что передъ нимъ императоръ французовъ, ксендзъ въ молчаливомъ изумленіи глядѣлъ на Наполеона, съ котораго Рустанъ стягивалъ высокіе, на волчьемъ мѣху, сапоги.

— Чего-нибудь,—продолжалъ Вонсовичъ:—ну, супу, борщу, стаканъ грѣтаго молока. Только скорѣй...

— Нѣтъ ничего! жалостно проговорилъ ксендзъ, сложивъ на груди крестомъ руки.

— Такъ бѣлаго хлѣба, сметаны, творогу.

— Ничего, ничего! -въ отчаяніи твердилъ помертвѣлыми губами священникъ,—гдѣ же я возьму? все ограбили сегодня прохожіе солдаты.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Наполеонъ

Вонсовичъ перевелъ слова священника.

— Они отбили мою кладовую,—продолжалъ ксендзъ, угнали послѣднюю мою корову и порѣзали всѣхъ птицъ... я остался, какъ видите, въ одной рясѣ и самъ съ утра ничего не ѣлъ. Не ропщу... О, его цезарское величество, я въ томъ убѣжденъ, современемъ, все вознаградитъ..

Вонсовичъ перевелъ отвѣтъ и заключеніе ксендза. Наполеонъ при словахъ о грабежѣ и о томъ, что нечего ѣсть, нахмурился. Но онъ сообразилъ, что дѣлать нечего и что таковы слѣдствія войны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, и рѣшилъ показать себя великодушнымъ и выше встреченныхъ невзгодъ. Милостиво потрепавъ ксендза по плечу, онъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что радъ случаю видѣть его, такъ какъ въ жизни встрѣчаетъ перваго священника, который такъ покоренъ обстоятельствамъ и некорыстолюбивъ.

Говоря это, Наполеонъ сталъ прохаживатіся по комнатѣ.

Вдругъ, нагнувшись къ окну, онъ остановился. Онъ увидѣлъ во дворѣ нѣчто, удивившее и обрадовавшее его. Въ слуховое окно конюшни выглянула пестрая, хохлатая курица. Уйдя днемъ отъ грабителей на сѣнникъ, она озадаченно теперь оттуда посматривала на новыхъ, нахлынувшихъ посѣтителей и, очевидно, не рѣшалась, въ обычный часъ, пробраться въ разоренный птичникъ, на свой нашестъ, какъ бы раздумывая: а что, какъ поймаютъ здѣсь и зарѣжутъ?

— Почтеннѣйшій, вотъ курица!—сказалъ Наполеонъ, обращаясь къ священнику.

Ксендзъ и прочіе бросились къ окну... Они, дѣйствительно, увидѣли курицу и выбѣжали на дворъ. Уланы справа и слѣва оцѣпили конюшню и полѣзли на сѣнникъ. Курица съ крикомъ вылетѣла оттуда черезъ ихъ головы въ садъ. Офицеры, мамелюкъ Рустанъ и Мутонъ пустились ее догонять. Имъ помогалъ, командуя и разставляя полы шубы, даже важный и толстый Дюрокъ. Наполеонъ съ улыбкой слѣдилъ изъ окна за этою охотой. Курица была поймана и торжественно внесена въ домъ.

Подростокъ, племянникъ священника, растопилъ въ кухнѣ печь. Рустанъ иззябшими руками ощипалъ и выпотрошилъ зарѣзанную хохлатку.

Похлебку приготовили. Къ дивану, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, придвинули столъ. Въ виду того, что вся посуда у ксендза была ограблена, кушанье принесли въ простомъ глиняномъ горшкѣ; у солдатъ достали походную деревянную ложку.

— Дивно, прелесть!—твердилъ Наполеонъ, жадно глотая и смакуя жирный, душистый наваръ.

Мамелюкъ прислуживалъ. Онъ вынулъ куриное мясо, разрѣзалъ его на части своимъ складнымъ ножомъ и подалъ на опрокинутой крышкѣ горшка часть грудинки съ крыломъ. Наполеонъ потянулъ къ себѣ всю курицу, кончилъ ее и, весь въ поту отъ вкусной ѣды, оглянулся на руки Рустана, державшаго походную флягу, съ остатками бордо.

— Да, это, друзья мои, не бивачная закуска, а цѣлый пиръ!—восторженно сказалъ Наполеонъ, допивъ въ нѣсколько пріемовъ флягу:—я такъ не ѣлъ и въ Тюльери.

— Пора, ваше величество, осмѣлюсь сказать,—произнесъ Коленкуръ,—смеркается, мы здѣсь цѣлый часъ.

Наполеонъ улыбнулся, счастливою, блаженною улыбкой, протянулъ ноги на подставленный ему стулъ, безнадежно махнувъ рукой и, какъ сидѣлъ на диванѣ, оперся головой о стѣну, закрылъ глаза и, въ теплой, уютной, полуосвѣщенной комнатѣ, почти мгновенно заснулъ. Лица свиты вытянулись. Коленкуръ дѣлалъ нетерпѣливые знаки Раппу, Раппъ —Дюроку; но всѣ раболѣпно почтительно земерли, и, не смѣя пикнуть, молча ожидали пробужденія усталаго цезаря.

Наполеонъ проѣхалъ Вильну въ Екатерининъ день, 24 ноября, а русскую границу—26 ноября, въ день св. Георгія. Эту границу императоръ французовъ проѣхалъ въ томъ же жидовско-шляхетскомъ возкѣ.

Его путь у границы лежалъ по кочковатому, замерзшему болоту. На одномъ изъ толчковъ возокъ вдругъ такъ подбросило, что императоръ стукнулся шапкой о верхъ кузова и, если бы не ухватился за сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Коленкура, его выбросило бы въ распахнувшуюся дверку.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!—съ горькою улыбкой сказалъ при этомъ Наполеонъ—слова, повторенныя имъ потомъ въ Варшавѣ и ставшія съ тѣхъ поръ историческими—знаете, Коленкуръ, что мы такое теперь?

— Вы тотъ же великій императоръ, а я—вашъ вѣрный министръ,— поспѣшилъ отвѣтить ловкій придворный.

— Нѣтъ, мой другъ, мы въ эту минуту—жалкіе, вытолкнутые за порогъ фортуной, проигравшіеся до новаго счастья, авантюристы!

Г. Михайловскій-Данилевскій.

И давно ль было?

И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегли тебя
Тучи темныя?..
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,—
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури Сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

И. Никитинъ.

25 декабря 1812 года [1]).

Россія, дивная держава!
И церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава
Въ годину скорби роковой:
Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ.
Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: „Съ нами Богъ!"

Вотъ вѣкъ почти истекъ ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества.
Съ пророкомъ вмѣстѣ восклицая:
„Языки, знайте—съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;
Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей не знакомъ гордынѣ—
Не знаетъ мира злобный міръ!"

Бутовскій.

---

[1]) Ежегодно, 25 декабря, въ день Рождества Христова, православная Церковь празднуетъ избавленіе нашей Родины отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ.

(1 января 1813 года) [1].

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый,
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто. . Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь, дымяся, тлѣетъ,
И хладный, какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ впервивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ Царь младой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой...

Батюшковъ.

Къ тѣни полководца [2].

(На смерть М. И. Кутузова).

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

Пушкинъ.

Отставной солдатъ.

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

ПАСТУХИ.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

СОЛДАТЪ.

Быть такъ.
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

А идешь откуда?

СОЛДАТЪ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ, злодѣи, отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

На руку обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись!

СОЛДАТЪ.

Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,

---

[1] 1 января 1813 г., русскія войска, подъ предводительствомъ Императора Александра I и Кутузова, перешли черезъ Нѣманъ; такъ началась новая война за освобожденіе Европы.
[2] Гробница М. И. Кутузова находится въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши,
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да, вишь, нельзя! Село далеко; стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла;
Перекрестяся, примемся за ужинъ,
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

СОЛДАТЪ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную Державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же: по дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

ПАСТУХИ.

Ухъ, страшно, страшно!

СОЛДАТЪ.

А между тѣмъ курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отвсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

І-й ПАСТУХЪ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ тележка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей;
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

СОЛДАТЪ.

Помоги
Мнѣ встать; солдату вытянуться надо...

ОФИЦЕРЪ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

СОЛДАТЪ.

Въ минуту, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ.

Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

СОЛДАТЪ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

ОФИЦЕРЪ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ московскій. Ну, прости товарищъ!

СОЛДАТЪ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ (уѣзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!

Дельвигъ.

Д о н ъ.

Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Многи лѣта издалека
Дону славу принесли!
Чай, прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки:
Какъ Платовъ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;
Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;
Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ басурманъ;
Какъ землякъ, морозъ холодный,
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;
Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;
Какъ за честь твою стояли,
Не жалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.
Разыграйся жъ, Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли.

Розенгеймъ.

Денису Васильевичу Давыдову.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать, Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ.
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты—и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ, и радостенъ, и смѣлъ.
Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ.
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ шведомъ былъ,
И на финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.
Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ.
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ и къ намъ примчалась
Разрушительна, грозна.
Чу, труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей!
Пламень въ небо упирая,
Пютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ [1]) костеръ!
Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ;
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!
Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?
Много въ этотъ день кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!
Удальцовъ твоихъ налетомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь,
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный, дикій бой!
Лучезарна слава эта,
И конца не будетъ ей.
Но такія жъ многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,

---

[1]) Фениксъ—миѳическая птица древнихъ—самъ себя сжигалъ каждыя 500 лѣтъ, чтобы вновь возродиться изъ пепла.

Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.
Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь, и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвшая войну.
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ,
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
Полный нѣги и прохладъ.

Языковъ.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито
И самъ императоръ [2]) въ плѣну!
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце
И старыя раны горятъ".
Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
И мнѣ умереть бы пора,
Но дома жена, малолѣтки—
У нихъ ни кола ни двора.
Да что мнѣ! Просить Христа ради
Пущу и дѣтей, и жену;
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони.
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое
И саблей меня опояшешь
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!"

Михайловъ.

Наполеонъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ.
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ,
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ.
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ...
Скажите, не утро ль съ Востока встаетъ?
Не новая ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова.

Хомяковъ.

На возврашеніе Императора Александра изъ Парижа (1815 годъ).

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій Царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могучей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно ше ъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою,
Бѣжитъ—и мести громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый Царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.

---

[2]) Наполеонъ Бонапартъ.

Мы вняли клятвѣ сей, и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной
стали...
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ по-
неслись;
Знамена восшумѣвъ, по вѣтру развились;
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали
руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились. Воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей на-
дежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятеж-
ный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ
стрѣлъ.
Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ...
Почто жъ на бранный долъ я крови не про-
лилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты
явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный
палъ?..
Кто смѣлый? Кто въ громахъ на Сѣверѣ
возсталъ?..“
И ветхую главу Европа преклонила.
Царя-спасателя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о, Царь нашъ, возвра-
тился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный
взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дру-
жины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, русскій царь! оставь же шлемъ
стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ, ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И, брани сокрушивъ могучею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроютъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой по-
летъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощ-
ренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой преда-
дутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ ко-
стылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ
съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ
оживитъ
И добраго Царя въ слезахъ благословитъ.

Пушкинъ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ грозной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ своею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ [1]) державный
Ты на земныя племена.
Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ [2]) лежалъ,
И день великій неизбѣжный,—
Свободы яркій день вставалъ —

[1]) Иго.
[2]) Французскій король Людовикъ XVI, казненный въ 1793 г

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ,
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Надменный, кто тебя подвигнулъ,
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Оцѣпенѣлыми руками
Схватилъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ, наконецъ!
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой растрогла плѣнъ.
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды [1])
Подъяту видитъ великанъ,—
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнію чужихъ небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньѣ горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Пушкинъ.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,—
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ [2]) зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ,
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

---

[1]) Богиня мести у древнихъ грековъ.
[2]) Наполеонъ Бонапартъ.

И маршалы зова не слышать:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

Ночной смотръ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ.
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы-егеря,
Встаютъ старики-гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы,
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи-кирасиры.
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ [1];
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой.
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею:
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И „Франція“—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—„Святая Елена“.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Жуковскій.

---

[1] Наполеонъ Бонапартъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРАЗДНОВАНІЕ 100-ЛѢТІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

ОТЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

По всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, Высочайше повелѣно установить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ ближайшія подробности предстоящаго въ 1912 г. столѣтія Отечественной войны.

Время празднованія юбилея относится на августъ мѣсяцъ, такъ какъ 26 августа исполняется ровно 100 лѣтъ со дня знаменательнаго въ лѣтописи войны боя при Бородинѣ. Юбилейныя торжества 26 августа 1912 г. имѣютъ происходить на Бородинскомъ полѣ сраженія, а въ ближайшіе затѣмъ дни въ г. Москвѣ. Торжества въ г. Москвѣ, въ послѣдующіе послѣ 26 августа дни, будутъ носить не исключительно военный характеръ, такъ какъ въ нихъ, несомнѣнно, примутъ участіе дворянство, земство и городское управленіе. Что же касается войскъ, кои въ то время будутъ составлять гарнизонъ г. Москвы, то участіе ихъ въ московскихъ торжествахъ имѣетъ выразиться производствомъ имъ общаго парада.

Независимо сего, празднованіе юбилея имѣетъ быть организовано повсемѣстно, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ Россіи въ видѣ торжественныхъ богослуженій и церковныхъ парадовъ, при широкомъ ознакомленіи подрастающаго поколѣнія и народа со значеніемъ празднуемаго событія для Россіи—путемъ бесѣдъ и популярныхъ чтеній.

Св. Синодъ, по примѣру празднованія Полтавской побѣды, заблаговременно обращается къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ указами о томъ, чтобы 25 августа, наканунѣ Бородинскаго боя, были совершены всенощныя бдѣнія, а въ самый праздникъ, 26 августа—торжественныя литургіи съ возглашеніемъ заупокойной ектеніи съ поминовеніемъ императора Александра I Благословеннаго и павшихъ въ Отечественную войну воиновъ и съ пастырскимъ поучительнымъ словомъ. Послѣ литургіи благодарственный молебенъ, на которомъ возглашается вѣчная память императору Александру I Благословенному и павшимъ на войнѣ 1812 года воинамъ.

Въ указанный день и наканунѣ имѣютъ быть совершены, по указаніямъ Св. Синода, торжественныя богослуженія: въ С.-Петербургѣ въ сослуженіи съ митрополитомъ с.-петербургскимъ и въ Бородинѣ—съ митрополитомъ московскимъ и преосвященными сосѣднихъ епархій.

На торжества въ Бородинѣ имѣетъ быть перенесена, по указанію Святѣйшаго Синода, изъ г. Смоленска къ Бородину, съ особою торжественностью и крестнымъ ходомъ, чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, именуемая «Одигитрія», являющаяся великой священной реликвіей всей русской арміи.

Ради вящшаго почитанія этой святой реликвіи арміей, снимки этой иконы имѣютъ быть переданы въ дня торжественнаго юбилея Отечественной войны въ 4-й пѣхотный Копорскій, 7-й пѣхотный Ревельскій, 21-й пѣхотный Муромскій, 29-й пѣхотный Черниговскій генерала-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, 91-й пѣхотный Двинскій и 103-й пѣхотный Петрозаводскій полки, въ 5-ю батарею 41-й артиллерійской бригады, въ л.-гв. Казачій Его Величества полкъ и въ 1-ю Кубанскую сотню Собственнаго Его Величества Конвоя, составлявшіе въ 1812 г. 3-ю пѣхотную дивизію или входившіе въ составъ арьергарда Коновницына.

Въ день юбилея, по окончаніи богослуженія, должны быть произведены во всѣхъ гарнизонахъ и лагерныхъ стоянкахъ парады войскамъ.

Въ дни празднованія юбилея во всѣхъ частяхъ войскъ, въ морскихъ командахъ и на судахъ нижніе чины арміи и флота должны быть ознакомлены съ историческимъ значеніемъ знаменательнаго событія. Подобныя же сообщенія надлежитъ организовать въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ.

Ко дню юбилея имѣютъ быть сосредоточены на Бородинскомъ полѣ сраженія для торжественнаго участія 26 августа въ парадѣ: л.-гв. Измайловскій и л.-гв. Московскій, 2-й гренадерскій Ростовскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича и 29-й пѣхотный Черниговскій генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полки; по одной батареѣ, въ пѣшемъ строю, отъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и гвардейской конно-артиллерійской бригады. Отъ остальныхъ, затѣмъ, частей войскъ, принимавшихъ участіе въ Отечественной войнѣ, имѣютъ быть привлечены отъ различныхъ полковъ, по степени заслуженныхъ ими отличій, 10 знаменныхъ ротъ, въ томъ числѣ рота дворцовыхъ гренадеръ, 12 штандартныхъ эскадроновъ (сотенъ) и 38 депутацій, въ составѣ одного оберъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ—каждая. Кромѣ сего: а) отъ морского вѣдомства имѣетъ быть командирована знаменная рота гвардейскаго экипажа и депутація отъ морского кадетскаго корпуса и б) отъ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній два батальона юнкеровъ, три роты кадетъ отъ московскихъ учебныхъ заведеній и 4 депутаціи: отъ пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, Павловскаго военнаго училища, 1-го и 2-го петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ.

Ко дню торжественнаго празднованія юбилея имѣютъ быть, по Высочайшемъ одобреніи рисунковъ, изготовлены на монетномъ дворѣ памятныя медали: а) большая золотая—для возложенія на гробницы императора Александра I Благословеннаго и славнѣйшихъ его героевъ-полководцевъ—князя Кутузова-Смоленскаго, князя Багратіона и графа Барклая-де-Толли; б) золотыя же медали для представленія Его Императорскому Величеству Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и Наслѣднику Цесаревичу и, кромѣ сего, большія свѣтло-бронзовыя—для представленія членамъ Императорской Фамиліи по указанію Его Императорскаго Величества, а равно нѣкоторымъ почетнымъ учрежденіямъ и лицамъ; в) нагрудная свѣтло-бронзовая медаль, подобная установленной при празднованіи 200-лѣтія Полтавской побѣды.

Означенная медаль на Владимірской лентѣ имѣетъ быть пожалована всѣмъ чинамъ тѣхъ частей войскъ, кои участвовали въ войнѣ 1812 г., а равно лицамъ, имѣющимъ быть привлеченными къ участію на торжествахъ на Бородинскомъ полѣ и въ Москвѣ и принимавшимъ участіе въ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ юбилеемъ войны 1812 г.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи увѣдомлены главы вѣдомствъ на предметъ зависящихъ распоряженій, вытекающихъ изъ сего повелѣнія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода

Военный министръ, въ письмѣ на имя г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 17 ноября сего года, за № 15998, сообщилъ, что, озабочиваясь своевременнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ участіи въ предстоящихъ торжествахъ, по случаю исполняющагося въ 1912 году столѣтія со времени Отечественной войны, военнаго вѣдомства, онъ всеподданнѣйше повергнулъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе соображенія о порядкѣ празднованія означеннаго юбилея, каковыя соображенія Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 24-й день октября сего года, одобрить и Высочайше повелѣть привести въ исполненіе. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ означенныхъ соображеній, опредѣляющія порядокъ церковнаго празднованія означеннаго юбилея, касаются духовнаго вѣдомства, генералъ-отъ-кавалеріи Сухомлиновъ просилъ сдѣлать зависящія по вѣдомству православнаго исповѣданія распоряженія, вытекающія изъ послѣдовавшаго въ 24-й день октября сего года Высочайшаго повелѣнія. Обсудивъ настоящее письмо и принимая во вниманіе, что главное празднованіе юбилея будетъ пріурочено къ 26-му августа 1912 года, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 29 ноября – 17 декабря сего года, за № 9440, постановилъ: предписать синодальнымъ конторамъ, епархіальнымъ преосвященнымъ, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ и протопресвитеру военнаго и морского духовенства сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы въ тѣхъ храмахъ имперіи, въ коихъ ежедневно совершается богослуженіе, были отправлены утромъ 25 августа 1912 года заупокойныя литургіи и послѣ нихъ — торжественныя панихиды съ поминовеніемъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра I и павшихъ въ Отечественную войну вождей и воиновъ, а вечеромъ въ тотъ же день, во всѣхъ храмахъ Имперіи, были совершены всенощныя бдѣнія съ отправленіемъ службы въ честь Владимірской иконы Божіей Матери; засимъ, чтобы 26 августа, въ день исполняющагося столѣтія со времени знаменательнаго въ лѣтописяхъ Отечественной войны Бородинскаго сраженія, были совершены во всѣхъ храмахъ торжественныя литургіи, съ возглашеніемъ на нихъ въ установленное время заупокойной ектеніи съ поминовеніемъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Импе-

ратора Александра I и павшихъ въ Отечественную войну вождей и воиновъ и съ пастырскимъ поучительнымъ словомъ, послѣ же литургіи -благодарственныя Господу Богу молебствія за избавленіе Россіи отъ нашествія двадесяти языкъ, по чину молебствія, совершаемаго въ день Рождества Христова, при чемъ положенные по этому чину на „Богъ Господь“ два первыхъ тропаря—„Слава въ вышнихъ Богу“—опустить, а пропѣть только третій—„Спаси, Господи, люди Твоя“ и затѣмъ на „Слава и нынѣ“ — „Всемірную Славу“; въ концѣ же молебствія, послѣ многолѣтія Царствующему Дому, возгласить вѣчную память Благочестивѣйшему Великому Государю Императору Александру I и павшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ и послѣ сего заключительное многолѣтіе Христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству и Богохранимой Державѣ Россійской.

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ представленныя мѣстными учебно-окружными начальствами соображенія о порядкѣ и формѣ празднованія столѣтняго юбилея Отечественной войны, признало соотвѣтственнымъ установить нижеслѣдующій общій по учебному вѣдомству порядокъ празднованія:

1) 25 августа, на канунѣ дня Бородинскаго боя, совершаются въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ церкви, всенощное бдѣніе и торжественная панихида, а въ заведеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ собственныхъ храмовъ, только панихида по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Благословенномъ, его сподвижникахъ и всѣхъ, на полѣ брани въ Отечественную войну павшихъ. Предъ началомъ панихиды законоучители приглашаются произнести приличествующее вспоминаемому событію слово.

2) 26 августа, въ день Бородинскаго боя, въ учебныхъ заведеніяхъ первой категоріи совершается торжественная литургія съ возглашеніемъ заупокойной ектеніи съ поминовеніемъ Императора Александра I и всѣхъ воиновъ въ Отечественную войну за родину умершихъ. Пастыри произносятъ молящимся поучительное слово. Послѣ литургіи совершается благодарственный Господу Богу за избавленіе Россіи отъ иноплеменнаго нашествія молебенъ, на которомъ возглашается вѣчная память императору Александру Благословенному и павшимъ воинамъ. Въ заведеніяхъ второй группы, т.-е. такихъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ храмовъ, служится только молебствіе съ возглашеніемъ вѣчной памяти Императору Александру и воинамъ, павшимъ въ войну 1812 г.

3) 26 же августа, по окончаніи богослуженія устраивается въ зданіи самого учебнаго заведенія, а если оно тѣсно, то въ иномъ подходящемъ помѣщеніи торжественный актъ, открываемый рѣчью начальника учебнаго заведенія, учителя исторіи или другого лица изъ педагогическаго персонала по выбору педагогическаго совѣта. Рѣчь должна быть посвящена разъясненію вопроса о значеніи Отечественной войны.

Если позволитъ время и будутъ изысканы средства, то указанная рѣчь иллюстрируется свѣтовыми картинами. Въ программу акта могутъ быть включены чтенія литературныхъ произведеній, посвященныхъ эпохѣ 1812 г. Кромѣ того, желательно включеніе въ программу хоровыхъ и музыкальныхъ пьесъ, относящихся къ празднуемому событію, а также театральныхъ представленій патріотическаго содержанія. Въ концѣ акта производится раздача учащимся книгъ, брошюръ, памятныхъ листковъ, художественныхъ картинъ, относящихся къ войнѣ 1812 г., и изображеній императора Александра Благословеннаго и его сподвижниковъ. Въ заключеніе акта исполняется оркестромъ и хоромъ, если таковые имѣются, юбилейная кантата и всѣми присутствующими на актѣ народный гимнъ. Для приданія подобнымъ актамъ большей торжественности разрѣшается организовать празднованіе юбилея, общее для нѣсколькихъ учебныхъ заведеній.

4) Если въ данной мѣстности будетъ устроенъ парадъ войскамъ, то учебныя заведенія, въ которыхъ организованы потѣшныя роты или классы военнаго строя и гимнастики, могутъ командировать таковые роты и классы для участія въ парадѣ войскъ, по соглашенію съ воинскимъ начальствомъ.

5) Отличнѣйшіе изъ оканчивающихъ въ юбилейномъ году курсъ учебныхъ заведеній учащіеся награждаются, вмѣсто обычно установленныхъ, особыми юбилейными медалями Кромѣ того, выдаваемые учащимся въ настоящемъ году наградныя книги, похвальные листы, свидѣтельства и аттестаты должны быть чѣмъ-либо отличены.

6) Надлежитъ нынѣ же озаботиться пріобрѣтеніемъ въ ученическія и фундаментальныя библіотеки литературныхъ и историческихъ произведеній, относящихся къ событіямъ великой Отечественной войны, при чемъ представлялось бы весьма полезнымъ заблаговременно ознакомить учащихся съ содержаніемъ таковыхъ.

7) Рекомендуется въ текущемъ году устраивать экскурсіи въ города и мѣстности, связанные съ воспоминаніями объ Отечественной войнѣ, а равно посѣщать музеи, галлереи и историческія собранія, гдѣ хранятся реликвіи 1812 г.

8) Для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти о войнѣ 1812 г. предлагается войти незамедлительно въ обсужденіе вопроса объ учрежденіи при учебныхъ заведеніяхъ особыхъ

стипендій съ присвоеніемъ таковымъ наименованій событій и лицъ, особо прославленныхъ въ указанную выше войну.

9) Желательно, равнымъ образомъ, присвоеніе учебнымъ заведеніямъ, библіотекамъ и читальнямъ и другимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ наименованій, указанныхъ въ предшествующемъ пунктѣ.

По Главному Управленію Земледѣлія и Землеустройства.

Департаментъ Земледѣлія сообщаетъ, что Главнымъ Управленіемъ Землеустройства и Земледѣлія признано соотвѣтственнымъ установить нижеслѣдующій общій по сельско-хозяйственнымъ учебнымъ заведеніямъ порядокъ празднованія столѣтняго юбилея Отечественной войны.

1) 25 августа, наканунѣ дня Бородинскаго боя, совершаются въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ церкви, всенощное бдѣніе и торжественная панихида, а въ заведеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ собственныхъ храмовъ, только панихида по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Благословенномъ, его сподвижникахъ и всѣхъ, на полѣ брани въ Отечественную войну павшихъ. Предъ началомъ панихиды законоучители приглашаютъ произвести приличествующее вспоминаемому событію слово.

2) 26 августа, въ день Бородинскаго боя, въ учебныхъ заведеніяхъ первой категоріи совершается торжественная литургія съ возглашеніемъ заупокойной эктеніи съ поминовеніемъ Императора Александра I и всѣхъ воиновъ въ Отечественную войну за родину умершихъ. Пастыри произносятъ молящимся поучительное слово. Послѣ литургіи совершается благодарственный Господу Богу за избавленіе Россіи отъ иноплеменнаго нашествія молебенъ, на которомъ возглашается вѣчная память Императору Александру Благословенному и павшимъ воинамъ. Въ заведеніяхъ второй группы, т.-е. такимъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ храмовъ, служится только молебствіе съ возглашеніемъ вѣчной памяти Императору Александру и воинамъ, павшимъ въ войну 1812 года.

3) 26 же августа, по окончаніи богослуженія устраивается въ зданіи самого учебнаго заведенія, а если оно тѣсно, то въ иномъ подходящемъ помѣщеніи, торжественный актъ, открываемый рѣчью начальника учебнаго заведенія, учителя исторіи или другого лица изъ педагогическаго персонала по выбору педагогическаго совѣта. Рѣчь должна быть посвящена разъясненію вопроса о значеніи Отечественной войны.

Если позволитъ время и будутъ изысканы средства, то указанная рѣчь иллюстрируется свѣтовыми картинами. Въ програму акта могутъ быть включены чтенія литературныхъ произведеній, посвященныхъ эпохѣ 1812 года. Кромѣ того, желательно включеніе въ програму хоровыхъ и музыкальныхъ пьесъ, относящихся къ празднуемому событію, а также театральныхъ представленій патріотическаго содержанія. Въ концѣ акта, если средства учебнаго заведенія это позволятъ, производится раздача учащимся книгъ, брошюръ, памятныхъ листковъ, художественныхъ картинъ, относящихся къ войнѣ 1812 года и изображеній императора Александра Благословеннаго и его сподвижниковъ. Въ заключеніе акта исполняется оркестромъ и хоромъ, если таковые имѣются, юбилейная кантата и всѣми присутствующими на актѣ народный гимнъ. Для приданія подобнымъ актамъ большей торжественности разрѣшается организовать празднованіе юбилея общее съ учебными заведеніями вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ данной мѣстности находящимся.

4) Выдаваемые учащимся въ настоящемъ году наградныя книги, похвальные листы, свидѣтельства и аттестаты должны быть чѣмъ-либо отличены.

5) Надлежитъ нынѣ же озаботиться пріобрѣтеніемъ въ ученическія и фундаментальныя библіотеки литературныхъ и историческихъ произведеній, относящихся къ событіямъ великой Отечественной войны, при чемъ представлялось бы весьма полезнымъ заблаговременно ознакомить учащихся съ содержаніемъ таковыхъ.

Приказъ № 116 по военно-учебнымъ заведеніямъ.

Въ С.-Петербургѣ, 31 октября 1911 года

Наступаетъ столѣтняя годовщина великой Отечественной войны. Никогда Россія не переживала болѣе тяжелаго времени, никогда русскій народъ не обнаруживалъ съ такою силой и мощью свой высокій патріотическій духъ, какъ въ этотъ знаменательный 1812 г.

Когда полный вѣры въ свой геній и свою непобѣдимость, гордый сознаніемъ своей силы, Наполеонъ, во главѣ своей полумилліонной арміи, вступилъ въ предѣлы нашего Отечества,—русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, всталъ на защиту своей Родины. Каждый почувствовалъ себя сыномъ великой матушки-Россіи: въ каждомъ дворянинѣ воскресъ Пожарскій, въ каждомъ духовномъ лицѣ пробудился Палицынъ, въ каждомъ гражданинѣ возсталъ Мининъ-Сухорукій.

Подъ скипетромъ Державнаго Вождя сомкнулись въ тѣсный рядъ защитниковъ отечества всѣ классы русскихъ людей, всѣ равно пылали негодованіемъ, всѣ равно рвались въ бой.

Какъ волны морскія, одинъ за другимъ разбивались о мощныя русскія груди на холмахъ Бородинскаго поля досѣлѣ непобѣдимые непріятельскіе полки. Ни боевая опытность непріятельскихъ вождей, ни закаленность въ трудахъ и лишеніяхъ непріятельскихъ воиновъ, ни тяжкія потери,—ничто въ этотъ памятный день Бородинскаго боя не могло сломить безпримѣрной храбрости русскаго солдата, его безграничной самоотверженности, ничто не могло поколебать бодрости его мощнаго духа. Яркое зарево московскаго пожара было заревомъ нашего торжества. Обманутый въ своихъ надеждахъ, истощенный безпрестанными нападеніями партизанскихъ отрядовъ, гонимый самою природой, непріятель оставилъ нашу древнюю первопрестольную Москву и преслѣдуемый по пятамъ русской арміей обратился въ бѣгство. Съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ русскій народъ оказался непобѣдимымъ. Великое «нашествіе галловъ и съ ними двадесяти языкъ» окончилось для нихъ разгромомъ. Великій мощный духъ Русскаго Царя укрѣпилъ силы русскаго народа, -онъ стряхнулъ со своихъ плечъ тяжелую руку врага, покрывъ безсмертной славой своего Державнаго Вождя и свое доброе имя.

Воскресимъ же, въ ознаменованіе столѣтія Отечественной войны, въ памяти нашихъ воспитанниковъ доблестные, достойные подражанія подвиги предковъ, славныхъ защитниковъ Родины въ тяжелую годину 1812 года. Помянемъ съ благоговѣніемъ Государя Александра I, рѣшившаго не положить оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго солдата не останется въ царствѣ Его.

Предписываю всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ въ періодъ времени съ декабря сего года по декабрь будущаго года включительно устраивать для воспитанниковъ «юбилейные вечера въ память 1812 года».

Программа юбилейныхъ вечеровъ и руководящія къ ней указанія сообщены дополнительно.

Начальникъ главнаго управленія,

генералъ-отъ-инфантеріи *Забѣлинъ*.

СЛОВО

въ столѣтнюю годовщину «Отечественной войны».

«Вспоминаю дни древніе, размышляю о всѣхъ дѣлахъ Твоихъ, разсуждаю о дѣлахъ рукъ Твоихъ».

Псал. 142, 5.

Великія воспоминанія переживаетъ нынѣ наша Родина. Ровно сто лѣтъ тому назадъ знаменитый завоеватель Европы, Наполеонъ, съ многочисленными *полчищами*, въ составъ которыхъ входили войска французовъ и покоренныхъ имъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, дерзко вступилъ въ предѣлы нашего Отечества. Святая Русь ясно сознавала свое тяжелое положеніе. Врагъ шелъ съ шестисоттысячнымъ отборнымъ, хотя и разноплеменнымъ войскомъ, со множествомъ полевыхъ орудій, съ громаднѣйшимъ обозомъ и повозками для провіанта. Завоеватель былъ убѣжденъ въ своей непобѣдимости, въ своемъ могуществѣ, уже неоднократно испытанномъ на поляхъ Европы. Онъ заранѣе мечталъ: „Еще три года, и я буду владыкой вселенной. Остается Россія, но я ее раздавлю!" И онъ шелъ съ тѣмъ, чтобы раздавить нашу Родину и предписать ей позорнѣйшій миръ.

Но Русь святая не убоялась страха, хотя она могла противопоставить міровому полководцу втрое меньше войска, да и это войско было раздѣлено на три арміи. Русскій народъ не палъ духомъ, а выступилъ противъ сильнѣйшаго врага съ глубокой вѣрой въ Бога, съ твердой надеждой на Его Божественную помощь!

Изъ всей предыдущей своей исторіи Русь Православная получила и твердо усвоила одинъ прекрасный урокъ: „твое спасеніе въ Богѣ!" Сколько во всей ея многовѣковой жизни было разныхъ бѣдствій и тяжкихъ испытаній! Были такія годины, когда, казалось, наша Родина не встанетъ изъ своего пепелища, не поправится отъ своего разоренія. Вспомните времена татарщины, времена междуцарствія, самозванщины!.. И однако, она вставала. Она воскресала и съ новою силою продолжала свое дальнѣйшее развитіе. Русь святая и благочестивая находила въ своемъ благочестіи неизсякаемый источникъ живыхъ силъ. Нашъ народъ, проникнутый религіознымъ одушевленіемъ, горячею вѣрою и надеждою на Бога, вмѣстѣ съ безграничною любовію

къ родной землѣ, въ трудныя времена единодушно подымался, какъ богатырь, на защиту своей страны и сокрушалъ враговъ.

Этотъ историческій урокъ Русская Земля не забыла и во время страшнаго наполеоновскаго нашествія. Въ союзѣ съ Богомъ, въ молитвенномъ единеніи со Христомъ, Его Пречистою Матерью и святыми Угодниками наши герои „двѣнадцатаго года" черпали свою силу и подкрѣпляли свой духъ въ борьбѣ съ врагами. Съ какою молитвенною сосредоточенностію, съ какимъ глубокимъ религіознымъ настроеніемъ они готовились къ бою!.. Главнокомандующій Кутузовъ, на канунѣ отъѣзда изъ Петербурга къ дѣйствующей арміи, спѣшитъ въ Казанскій соборъ, чтобы воздать прежде Божіе Богови; здѣсь колѣнопреклоненно, съ горячимъ чувствомъ онъ молился передъ чудотворной Казанской иконой Божіей Матери, глубоко вѣруя, что онъ не совершитъ своего многотруднаго подвига безъ Божьяго благословенія.

Или на Бородинскомъ полѣ, передъ страшнымъ побоищемъ, онъ опять, со всей своей арміей, проситъ небеснаго заступленія предъ Смоленской иконой Божіей Матери!.. Какая трогательная картина! Почтенный старецъ, окруженный блестящей свитой, преклоняетъ свои старческія колѣна предъ Небесной Заступницей, немощно по-старчески простирается до земли. При видѣ иконы вся стотысячная армія, по влеченію сердца, падаетъ на колѣни, припадаетъ челомъ къ землѣ. Вездѣ творится крестное знаменіе, слышатся рыданія... Въ ночь передъ самымъ боемъ, 26 августа, на на всей нашей линіи царствуетъ полная тишина. Когда явились квартирьеры съ предложеніемъ порціи водки, никто изъ воиновъ не шелохнулся. У всѣхъ одна дума на сердцѣ, одна молитва на устахъ... Они сознаютъ важность момента и возносятъ горячія молитвы къ Господу Вседержителю, проливаютъ слезы... Но это — не слезы отчаянія, а слезы упованія. Они просятъ Господа силъ, чтобы постоять за Родную Землю!

Молитва подкрѣпляла и воодушевляла ихъ на подвигъ, и они твердо стояли за Родину. Съ какимъ рѣдкимъ мужествомъ наши воины вступали въ бой! Съ какимъ геройствомъ отстаивали каждую пядь родной земли! Отступая, они не падали духомъ, готовые всякій разъ вновь ринуться на битву съ врагомъ. Одинъ очевидецъ писалъ тогда о битвахъ около Смоленска: „Третьяго дня дрались, сегодня дерутся и завтра будутъ драться". И это,—прибавимъ мы,—было не только у Смоленска, но происходило во все время военныхъ дѣйствій противъ французовъ. Наши чудо-богатыри вездѣ и всегда готовы были биться до послѣдней капли крови, до послѣдней искры жизни.

„Развѣ можно отступать съ такими молодцами!" говорилъ Кутузовъ, когда въ первый разъ прибылъ въ дѣйствующую армію. Молодцы же рвались въ бой, гибли сотнями, тысячами; на ихъ мѣста опять становились новые герои. И когда, казалось, положеніе было совершенно безотрадно, когда самъ собою напрашивался роковой вопросъ: „что дѣлать?"—они спокойно отвѣчали: „стоять и умирать".

Въ славный Бородинскій бой, когда земля стонала отъ залповъ тысячи орудій, когда лучи солнца закрывались отъ порохового дыма, сошлись два великана. Храбро сражались французы; отчаянно, какъ львы, бросались наши воины. Здѣсь Наполеонъ увидѣлъ, какихъ богатырей поставила противъ него Россія и долженъ былъ сознаться, что „русскіе на Бородинскомъ полѣ стяжали право быть непобѣдимыми". Здѣсь въ первый разъ дрогнуло сердце великаго полководца, а въ стѣнахъ пылавшей Москвы окончательно померкла его слава. И этотъ блестящій завоеватель Западной Европы, мечтавшій, съ покореніемъ Россіи, быть владыкой вселенной, потерялъ на русскихъ поляхъ почти всю армію, грозную, могучую, дѣйствительно великую, и съ жалкими остатками, въ позорномъ бѣгствѣ, принужденъ былъ искать спасенія...

Но не одно воинство побѣдило Наполеона. Россія, какъ справедливо сказалъ поэтъ, была спасена народною дланію,—единодушіемъ всѣхъ ея сыновъ. Въ ту страшную пору войско и всѣ классы общества слились въ одну великую семью, горѣвшую огнемъ горячей вѣры къ Богу, безграничной любви къ Родной Землѣ и преданности къ Царю своему Православному. Когда хочешь представить себѣ все величіе тогдашняго подвига Россіи, то не знаешь, кому изъ ея сыновъ отдать первенство. И дворянство, и купечество, и духовенство, и трудовое крестьянство, — всѣ соединились противъ общаго врага. Женщины, дѣвушки, подростки не отставали отъ мужчинъ. Всѣ несли на алтарь Отечества свои жертвы, свои силы, свое знаніе, свое искусство и умѣніе. Справедливо было выбито на медали въ память Отечественной войны: „Мы всѣ въ одну сольемся душу за Вѣру, Царя и Отечество". Это было рѣдкостнѣйшее, самоотверженнѣйшее единодушіе, подкрѣпляемое и воодушевляемое божественною помощію. Вся Русь испытала тогда, какъ вѣрны слова Царскаго манифеста, что при единодушіи „съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія не одолѣютъ". Побѣдоносная, въ глубокомъ смиреніи, она сознавала, что вся слава побѣды принадлежитъ не ей, а Богу. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему!" Вотъ было искреннѣйшее убѣжденіе Царя и всѣхъ русскихъ людей.

Вѣчная слава, вѣчная память вамъ, смиренные, самоотверженные герои двѣнадцатаго года, великіе сыны великой Россіи!

Воспоминая въ столѣтнюю годовщину безпримѣрные подвиги мужества, храбрости, самоотверженія нашихъ храбрыхъ россіянъ въ 1812 году, мы преклоняемъ свои колѣна предъ ихъ священной памятью, въ святомъ благоговѣніи, съ чувствомъ глубокой благодарности. Они легли за насъ и на своихъ костяхъ создали все благополучіе нашей Родины. Они оставили намъ славные уроки своихъ подвиговъ, примѣры горячей вѣры и надежды на Бога, глубокой преданности Престолу и Отечеству и священный завѣтъ: „Дѣти наши! Мы пережили страшную бурю. Пошелъ дождь, разлились рѣки, подули вѣтры и устремились на нашъ домъ; но онъ не упалъ, потому что былъ основанъ на камнѣ (Мѳ. 7, 25). Камень—Христосъ. Вѣра не посрамила насъ. Отъ насъ учитесь любить Вѣру, Царя и Родину, за нихъ стоять и умирать!"

Съ молитвой о блаженномъ упокоеніи нашихъ усопшихъ отцевъ, защитниковъ дорогой Родины, сохранимъ ихъ завѣтъ, и это будетъ самой лучшей памятію о славныхъ герояхъ великаго былого. Аминь.

25 августа 1912 года.

УТРОМЪ.

Заупокойная литургія въ церквахъ и послѣ нихъ—торжественныя панихиды съ поминовеніемъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра I и павшихъ въ Отечественную войну вождей и воиновъ, а также принимавшихъ участіе въ этой войнѣ вождей, воиновъ и другихъ русскихъ людей.

ВЕЧЕРОМЪ.

Всенощное бдѣніе съ отправленіемъ службы въ честь Владимірской иконы Божіей Матери.

26 августа 1912 года.

Богослуженія.

Торжественныя литургіи съ возглашеніемъ на нихъ заупокойной эктеніи, съ поминовеніемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра I и павшихъ въ Отечественную войну вождей и воиновъ, а также принимавшихъ въ этой войнѣ участіе вождей, воиновъ и другихъ русскихъ людей.

Послѣ литургіи—благодарственныя Господу Богу молебствія за избавленіе Россіи отъ нашествія двадесяти языкъ (по чину молебствія, совершеннаго въ день Рождества Христова. см. выше на стр. 86 опредѣленіе Свят. Синода); въ концѣ же молебствія, послѣ многолѣтія Царствующему Дому, возглашеніе вѣчной памяти Императору Александру I и павшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ, а также всѣмъ принимавшимъ участіе въ этой войнѣ вождямъ, воинамъ и русскимъ людямъ; послѣ чего—заключительное многолѣтіе Христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству и Богохранимой Державѣ Россійской. (См. помѣщ. выше опредѣленіе Свят. Синода, отъ Военнаго Министерства и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Церковные парады.

Послѣ богослуженія, по распоряженію воинскаго начальства, происходятъ церковные воинскіе парады. (См. выше отъ Военнаго Министерства и Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Торжественные акты.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Объ убранствѣ актовыхъ залъ. (См. предисловіе въ началѣ книжки, стр. 4,5.)

1) Народный гимнъ.

2) Рѣчь о значеніи Отечественной войны.

3) Чтеніе стихотвореній и отрывковъ изъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ Отечественной войнѣ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ читаютъ учащіеся, по выбору начальствующихъ и преподавателей. (Въ этой книжкѣ напечатаны соотвѣтствующія стихотворенія и отрывки изъ литературныхъ произведеній.)

4) Исполненіе музыкальныхъ и хоровыхъ произведеній. (Списокъ ихъ прилагается нами, на послѣдней страницѣ обложки.)

5) Чтеніе со свѣтовыми картинами. (См. ниже на 3-й страницѣ обложки.)

6) Раздача учащимся книгъ, брошюръ, картинъ и портретовъ императора Александра I и главнѣйшихъ героевъ 12-го года. (См. ниже въ концѣ книжки стр. 95—96.)

7) Исполненіе юбилейной кантаты. (См. на 4-й страницѣ обложки.)

8) Народный гимнъ.

Въ начальныхъ училищахъ и школахъ.

Объ убранствѣ помѣщеній. (См. въ началѣ нашей книжки «Предисловіе».)

1) Народный гимнъ.

2) Рѣчь законоучителя.

3) Рѣчь учителя о значеніи Отечественной войны

Матеріаломъ для нея могутъ послужить статьи въ настоящей книжкѣ «Сто лѣтъ назадъ» и «Предисловіе», а также книжки: Н. Дучинскаго—«Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война», Е. Поселянина—«Сто лѣтъ назадъ», проф. А. Елчанинова—«Народная война и герои изъ народа». (Объ этихъ книжкахъ см. ниже на стр. 93—94.)

4) Можно по этой книжкѣ прочитать учащимся нѣсколько отрывковъ изъ литературныхъ произведеній и стихотвореній.

5) Можно дать ученикамъ изъ этой книжки самимъ продекламировать нѣсколько стихотвореній.

6) Исполненіе, гдѣ возможно, пѣсенъ, посвященныхъ 12-му году. (См. ниже на 4-й страницѣ обложки.)

7) Раздача учащимся книжекъ, картинъ и портретовъ. (См. ниже, стр. 96.)

ВЕЧЕРОМЪ.

Можно устроить чтеніе со свѣтовыми картинами. (См. ниже, на 3-й страницѣ обложки.)

Въ приходахъ и въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и т. п.

Объ убранствѣ помѣщенія. (См. выше, въ началѣ этой книжки «Предисловіе».)

1) Исполненіе народнаго гимна (если для этой цѣли будетъ приглашенъ хоръ.)

2) Чтеніе со свѣтовыми картинами. (См. ниже, на 3-й страницѣ обложки.)

3) Если будетъ приглашенъ хоръ, то въ перерывахъ между чтеніемъ слѣдуетъ исполнить пѣсни, посвященныя Отечественной войнѣ. (См. ниже, на 4-й страницѣ обложки.)

4) Раздача народу книжекъ, портретовъ и картинъ. (См. ниже, на стр. 96.)

Въ войсковыхъ частяхъ.

Объ убранствѣ помѣщенія. (См. выше, въ началѣ этой книжки «Предисловіе».)

1) Народный гимнъ.

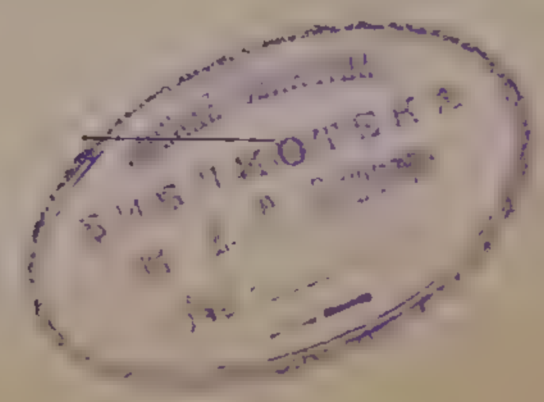
2) Рѣчь о значеніи Отечественной войны.

Въ качествѣ матеріала можно воспользоваться книжками, о которыхъ сообщается ниже, на стр. 93—94.

3) Чтеніе со свѣтовыми картинами. (См. ниже, на 3-й страницѣ обложки.)

4) Исполненіе музыкальныхъ и вокальныхъ номеровъ оркестрами и хоромъ. (См. ниже, на 4-й страницѣ обложки.)

5) Раздача нижнимъ чинамъ книжекъ, брошюръ, портретовъ Императора Александра I и героевъ войны, а также картинъ. Перечень см. ниже на стр. 96, а также стр. 93—94—95.

Для публичныхъ народныхъ чтенiй со свѣтовыми картинами:

Къ книжкѣ № 2. Засл. проф. **Н. П. МИХНЕВИЧЪ. 1812 годъ на Руси.**

1. Портретъ Государя Императора.
2. Императоръ Александръ I.
3. Императрица Елизавета Алексѣевна.
4. Наполеонъ и его маршалы.
5. Барклай-де-Толли.
6. Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ.
7. Александръ I въ Москвѣ: «Веди насъ, отецъ нашъ».
8. Багратiонъ.
9. Платовъ.
10. Витгенштейнъ.
11. Кульневъ.
12. Невѣровскiй и Раевскiй.
13. Подвигъ Невѣровскаго подъ Краснымъ.
14. Дохтуровъ.
15. Сраженiе подъ Смоленскомъ.
16. Бой при Валутиной горѣ.
17. Партизанъ Давыдовъ.
18. Сычевцы выступаютъ.
19. Подвигъ Энгельгардта.
20. Кутузовъ.
21. Надъ головою главнокомандующаго летѣлъ орелъ.
22. Наканунѣ Бородинскаго боя.
23. Бой на батареѣ Раевскаго.
24. Ермоловъ.
25. Коновницынъ.
26. Бородинскiй бой.
27. Совѣтъ въ Филяхъ.
28. Вступленiе французовъ въ Москву.
29. Пожаръ Москвы.
30. Успенскiй соборъ, обращенный французами въ конюшню.
31. Партизаны: Фигнеръ, Сеславинъ, Дороховъ, Винцингероде, Бенкендорфъ.
32. «Не замай—дай подойти».
33. Старостиха Василиса.
34. Наполеонъ смотритъ на бой подъ Малоярославцемъ.
35. Милорадовичъ.
36. Подъ Краснымъ.
37. Переправа черезъ Березину.
38. Бѣгство французской армiи.
39. Бѣгство Наполеона.
40. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Къ книжкѣ № 4. **Н. П. ДУЧИНСКIЙ. Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война.**

1а. Портретъ Императора Александра I.
2а. Императрица Екатерина II.
3а. Императоръ Павелъ I.
4а. Императрица Марiя Ѳеодоровна.
5а. Салтыковъ.
6а. Прот. Самборскiй.
7а. Лагарпъ.
8а. Человѣколюбiе Александра I.
9а. Императрица Елизавета Алексѣевна.
10а. Митрополитъ Платонъ.
11а. Императоръ Александръ I въ молодости.
12а. Сперанскiй.
13а. Императоръ Александръ I вручаетъ гр. Румянцеву указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ.
14а. Наполеонъ.
15а. Свиданье въ Тильзитѣ.
16а. «Веди насъ, отецъ нашъ».
17а. Барклай-де-Толли.
18а. Кутузовъ.
19а. Надъ головою главнокомандующаго летѣлъ орелъ.
20а. Подъ Смоленскомъ.
21а. Наканунѣ Бородинскаго боя.
22а. Багратiонъ.
23а. Совѣтъ въ Филяхъ.
24а. Наполеонъ ожидаетъ бояръ.
25а. Пожаръ Москвы.
26а. Сквозь пожаръ.
27а. Кутузовъ отвергаетъ миръ.
28а. При Тарутинѣ.
29а. У Малоярославца.
30а. Переправа черезъ Березину.
31а. Бѣгство Наполеона.
32а. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.
33а. Капитуляцiя Парижа.
34а. Наполеонъ прощается съ гвардiей.
35а. Вступленiе Императора Александра I въ Парижъ.
36а. Александръ въ Парижѣ.
37а. Наводненье въ Петербургѣ.
38а. Александръ I въ Александро-Невской лаврѣ.
39а. Кончина Александра I.
40а. Слава Александру I.

Картины избраны съ такимъ расчетомъ, чтобы ими можно было воспользоваться и при чтенiяхъ по другимъ изданiямъ, перечисленнымъ въ настоящей книжкѣ на стр. 93—94.

Цѣны свѣтовыхъ картинъ на стеклѣ: 1) черной картины **40** коп., 2) раскрашенной **1** руб.

По желанiю картины могутъ быть задѣланы въ деревянныя рамки, для предохраненiя отъ поломки, при чемъ цѣна картины повышается на 5 коп. Картины могутъ быть выписываемы какъ полными чтенiями, такъ и отдѣльно, по выбору. Упаковка и пересылка на счетъ заказчика. За поломку и порчу въ пути отвѣтственность не принимается. Безъ задатка выполняются только казенные заказы, а также земскихъ и городскихъ учрежденiй и должностныхъ лицъ, на бланкахъ и за надлежащими подписями, при чемъ, во всякомъ случаѣ, выполняются наложеннымъ платежомъ. Всѣ частные заказы, а также и заказы торговыхъ фирмъ (хотя бы и на бланкахъ) выполняются лишь по полученiи $1/3$ стоимости для Европейской Россiи и полной—для Азiатской. При заказахъ необходимо упомянуть, нужны ли картины раскрашенныя или черныя, въ рамкахъ или безъ рамокъ; при отсутствiи этихъ указанiй высылаются картины черныя, безъ рамокъ. Маловѣсныя посылки, до 10 фунтовъ, высылаются только почтою.

Списокъ музыкальныхъ и вокальныхъ произведеній къ 100-лѣтію Отечественной войны.

№ А. Кантата къ юбилею 12-го года: **„Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ“.** (Переходъ черезъ Нѣманъ.) Слова *Полонскаго.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 1 р. 50 к., кажд. добав. голосъ по 20 коп.

№ Б. **„Хоть Москва въ рукахъ французовъ“.** (Солдатская пѣсня.) Слова *Кованько.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для мужского хора a capella: партитура и голоса 55 коп., кажд. добав. голосъ по 10 коп.

№ В. **„Не крушись, Москва, Бѣлокаменка“.** (На изгнаніе французовъ.) Слова *А. Н.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для женскаго дѣтскаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 40 к., кажд. добав. голосъ по 10 коп.

№ Г. **„Ночь темна была и не мѣсячна“.** (На занятіе Москвы Наполеономъ.) Слова *Н. Ильина.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

а) Для мужского хора a capella, партитура и голоса 75 к., кажд. добав. голосъ по 15 к.; б) для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 85 к., кажд. добав. голосъ по 15 к.

№ Д. **„Вспомнимъ, братцы, Россовъ славу“.** Слова *О. Глинки.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

а) Для мужского хора a capella, партитура и голоса 50 к. и б) для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 60 к., добав. голосъ по 10 к.

№ Е. **„Для россійскаго солдата пули, бомбы — ничего“.** Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для мужского хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 40 коп., кажд. добав. голосъ по 10 коп.

№ Ж. **„Грозный врагъ бѣжитъ, трепещетъ“.** (Послѣ побѣды подъ Полоцкомъ въ 1812 г.) Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 90 коп., кажд. добав. голосъ по 15 коп.

№ З. **„Память вѣчная, нашъ славный“.** Слова *В. А. Жуковскаго.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

а) Для смѣшаннаго хора, съ сопров. фортепіано, партитура и голоса 75 коп., б) для дѣтскаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 60 к., добав. голосъ по 10 к.

№ И. **„Пей, вся Европа, за здравье солдатъ“.** Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ фортепіано, партитура и голоса 1 р., добав. голосъ по 15 коп.

№ К. **„Пойте, радуйтесь, ребята“.** Слова *В. Пушкина.* Музыка проф. *Н. С. Кленовскаго.*

Для мужского хора a capella, партитура и голоса 55 коп., добав. голосъ по 10 коп.

№ Л. **„Два великана“.** Слова *М. Ю. Лермонтова.* Музыка *С. А. Трайлина.*

а) Для смѣшаннаго хора, безъ фортепіано, б) для 3-хъ однородныхъ голосовъ, съ сопровожденіемъ фортепіано, в) соло, подъ аккомпанементъ фортепіано, для высокаго голоса и для низкаго: партитура съ голосами по 50 к., добав. голосъ по по 10 к.; соло 20 к.

№ М. **„Россія дивная держава“.** (25 декабря 1812 г.). Слова *Бутовскаго.* Музыка *С. А. Трайлина.*

а) Для смѣшаннаго хора, безъ фортепіано, б) для 3-хъ однородныхъ голосовъ, съ сопровожденіемъ фортепіано, в) соло, подъ аккомпанементъ фортепіано, для высокаго голоса и для низкаго: партитура съ голосами 50 к., добав. голосъ по 10 к.; соло 20 к.

№ Н. Кантата **„Великая панихида 1812 г.“.** Слова *Щербины.* Музыка *Н. Н. Казанли.*

а) Для смѣшаннаго хора a capella, б) для однородныхъ голосовъ, съ сопровожденіемъ фортепіано; партитура и голоса 90 к., добав. голосъ по 10 к.

№ П. **„Волкъ на псарнѣ“.** Басня *И. А. Крылова.* Музыка *Н. Н. Казанли.*

а) Для смѣшаннаго хора, съ сопровожденіемъ оркестра, партитура 2 р. 50 к., комплектъ оркестровыхъ партій 4 р. 50 к., б) переложеніе для фортепіано со смѣш. хоромъ 60 к.; голоса для хора 50 к. и в) для однородныхъ голосовъ, съ сопровожденіемъ фортепіано; партитура 50 к., голоса для хора 40 к.

№ Р. **„Родина наша“.** (Патріотическая пѣсня.) Музыка *А. С. Танѣева.* Партитура и голоса 50 коп., кажд. доб. гол. по 10 коп.

Съ требованіями обращаться: въ книгоиздательство „Сельскаго Вѣстника“ — СПБ., Мойка, 32; въ Т-во И. Д. Сытина, Москва, у Ильинскихъ воротъ, и въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина: въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Иркутскѣ, Нижегородской ярмаркѣ и Софіи (Болгарія).